

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3
1 9 6 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

3

1965

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Великая победа народов.	3
<i>Н. А. Шленова.</i> Двадцать лет развития социалистической промышленности Чехословакии	8
<i>А. Я. Манусевич.</i> Из истории борьбы за союз и дружбу между СССР и Народной Польшей (К 20-летию советско-польского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве).	15
<i>Ф.-Х. Гентцен</i> (ГДР). Предмет, развитие и содержание империалистического немецкого остфоршунга	25
<i>Д. Ф. Марков.</i> О некоторых чертах реализма в литературе зарубежных славянских народов конца XIX — 20-х годов XX в.	41
<i>В. П. Гудков.</i> О различиях между двумя вариантами сербско-хорватского литературного языка	52

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>В. Гуркин, В. Зубаков.</i> Освобождение Чехословакии от гитлеровской оккупации	60
<i>Л. С. Кишкин.</i> «Прага победоносной Красной Армии — освободительнице».	71
<i>А. Ф. Носкова.</i> Генеральный план Ост.	72
<i>Е. П. Львова.</i> Из истории русско-болгарских художественных связей конца XIX — начала XX	80

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

<i>Л. В. Новые труды болгарских историков об антифашистской борьбе болгарского народа в период второй мировой войны</i>	88
<i>В. С. Парсаданова.</i> Литература о боевом содружестве советского и польского народов	90

<i>С. Грачев.</i> Славный боевой путь	93
<i>В. К. Волков.</i> Работы С. С. Бирюзова об освободительной миссии Советской Армии на Балканах	95
<i>И. И. Костюшко.</i> Политико-воспитательная работа в 1 Польской армии.	97
<i>Д. А. Севьян.</i> Rodoljub Colaković. Kazivanje o jednom pokoljenju.	98
<i>М. И. Богуславский.</i> Stanisław Piotr Stęborowski. Geneza Centrolewu (1928—1929)	101
<i>В. Лейкина-Свирская.</i> В. А. Дьяков, И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г.	104
<i>С. В. Никольский.</i> Книга об Иржи Волькере.	106
<i>И. Ф. Вэла.</i> Монография об Отакаре Йеремнаше.	110
<i>Р. М. Цейтлин.</i> О словаре старославянского языка Чехословацкой академии наук.	112
<i>М. И. Леконцева.</i> Eugen Pauliny. Fonologický vývin slovenčiny.	115

З а м е т к и о к н и г а х

<i>Р. П. Гришина.</i> Отзвукът на Лайпцигския процес в българския печат	117
<i>М. М. Фрейденберг.</i> Из истории борьбы за национальную школу в Далмации	117
<i>В. Савицкий.</i> Jiří Franěk. Bohumil Mathesius	118
<i>Л. Н. Смирнов.</i> Материалы конференции по вопросам развития современного словацкого литературного языка.	119

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Н. В. Шеламанова, А. И. Рогов.</i> Общее собрание Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР.	120
<i>А. И. Доронченков.</i> Научная работа историков-славистов Великолуцкого педагогического института.	123

В И н с т и т у т е с л а в я н о в е д е н и я А Н С С С Р

<i>Е. В. Чешко.</i> Конференция по проблемам лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии.	126
<i>А. О.</i> Лекции акад. Г. Яблонского.	131
<i>Л. А. Обушенкова.</i> Группа исторических связей народов СССР с зарубежными славянскими народами.	131
<i>Д. М. Сегал.</i> В секторе структурной типологии славянских языков.	132
Диссертации, защищенные на Ученом совете Института славяноведения АН СССР в 1964 году.	135

Н а у ч н а я ж и з н ь з а р у б е ж о м

<i>Генрик Яблонский (ПНР).</i> Изучение Великой Октябрьской социалистической революции в Польше.	136
<i>С. В. Бернштейн.</i> Тадеуш Лер-Сплавинский	139

План изданий Института славяноведения АН СССР на 1965 год (издательство «Наука»)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), М. Н. ТИХОМИРОВ,
Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА НАРОДОВ

Прошло двадцать лет после великого события в истории человечества — победы над германским фашизмом. Сокрушительное поражение агрессивных сил избавило народы Европы от нависшей над ними смертельной угрозы. Фашизм был опрокинут свободолюбивыми народами, борьбу которых возглавила первая страна социализма.

Германский империализм хотел добиться передела мира, сокрушить своих американских, английских и французских конкурентов, разгромить Советский Союз и международное революционное движение и, завоевав мировое господство, эксплуатировать и грабить народы. Эту программу международного разбоя нацизм пытался подкрепить «теорией» превосходства немцев над другими народами. Планируя территориальные захваты и порабощение народов, фашизм стремился воспитать у немцев патологическую ненависть к славянам и особенно к народам Советского Союза. Политика антикоммунизма и славянофобства помогала гитлеровцам маскривать свои агрессивные намерения в отношении западных стран.

Правящие круги этих стран долгое время оказывали поддержку преступным замыслам и актам нацизма, проводя самоубийственную политику «невмешательства», «умиротворения» и, наконец, прямого сговора с агрессором; они сыграли самую неприглядную роль в захвате Италией Абиссинии, в нападении Японии на Китай, в удушении республиканской Испании, в аншлюсе Австрии, в расчленении и оккупации Чехословакии.

Реакционные силы надеялись, что фашистская Германия и ее сателлиты обрушатся на изолированный Советский Союз. Однако вопреки этим расчетам военный пожар вспыхнул в пределах самого капиталистического мира.

Вторая мировая война, начатая Германией, охватила наряду с Европой значительную часть Азии, Африки и необъятные просторы океанов. Военные действия развернулись на территории 40 стран. Большинство капиталистических государств Европы не выдержало испытания. Экономическая и военно-политическая неподготовленность этих государств к войне и преступное капитулянтство их правящих кругов явились причиной сравнительно легких побед фашистов в Центральной, Северной и Западной Европе.

Фашистская оккупация коренным образом изменила условия жизни поработанных гитлеровцами народов. Жестокий национальный гнет, массовый террор, политическое бесправие сочетались с усилением социального угнетения. Особенно бесчеловечно относились фашисты к населению оккупированных славянских стран — Чехословакии, Польши, Югославии. Гитлеровская политика угрожала самому национальному существованию славянских народов.

Народы оккупированных стран не покорились захватчикам. Началось широкое антифашистское Движение сопротивления. С первых же дней в антифашистской борьбе переплетались и сливались национальный и социальный элементы. По мере развития Движения сопротивления все

более изменялся характер войны. Начавшись как война империалистическая с обеих сторон, она превратилась впоследствии в справедливую, освободительную войну против фашизма. Этому способствовала и антифашистская активность народных масс Англии, Франции и США.

Поработив народы ряда стран Европы, гитлеровская Германия вероломно напала на Советский Союз. Борьба советского народа против фашистских захватчиков усилила освободительный характер и изменила ход второй мировой войны. Образовалась могучая антигитлеровская коалиция. Военный союз СССР, Великобритании, США и других стран представлял собой яркий пример сотрудничества государств с различным социально-экономическим строем в борьбе против общего врага.

Война вылилась в грандиозное столкновение между силами прогресса и демократии, с одной стороны, и силами реакции, тирании, фашизма — с другой. В этом столкновении решались судьбы человечества, будущей мировой цивилизации, на которую замахнулись фашистские погромщики.

Силы прогресса и демократии возглавил Советский Союз. Передовой общественно-политический строй, могучая материально-техническая база, созданная в ходе строительства социализма, морально-политическое единство советского народа позволили Советскому Союзу выдержать бешеный натиск сильного, тщательно подготовившегося к нападению врага. Советские Вооруженные Силы опрокинули расчеты гитлеровского командования на молниеносную войну. Сокрушительные поражения фашистских захватчиков на Восточном фронте положили конец мифу о непобедимости гитлеровской армии, привели к коренному перелому в ходе войны.

В годы тяжелых испытаний советский народ проявил величайшую стойкость духа, беззаветный героизм и готовность идти на любые жертвы ради победы над врагом. Эти прекрасные качества советских людей завоевали им любовь и уважение всего прогрессивного человечества. Народы СССР, отстаивая свободу и независимость своей Родины, всемерно способствовали освободительной борьбе поработенных фашистами народов. Победы Советского Союза распатывали «новый порядок» в Европе, укрепляли надежду народов на избавление от фашистского ига и их мужество в борьбе с врагом.

Движение сопротивления, в которое включились все патриотические и демократические силы, во многих странах превратилось в вооруженную партизанскую борьбу с фашизмом. Попытки буржуазных деятелей задержать развитие антифашистского движения, их проповедь пассивного ожидания «сигнала» потерпели полную неудачу. В Югославии, Польше, Чехословакии, Болгарии, Албании, Греции партизанские отряды выросли в настоящие армии. В ряде стран массовые народные восстания ускорили победу над оккупантами.

Огромен вклад славянских народов в общее дело разгрома фашизма. Русский, украинский и белорусский народы вместе со всеми народами Советского Союза нанесли решающий удар по фашистской военной машине и помогли завоевать свободу народам Европы. Рука об руку с Советской Армией сражались национальные воинские части, созданные патриотами из оккупированных стран на территории СССР. Образцы мужества и героизма показали народы Югославии, в течение всей войны сковывавшие и громившие десятки фашистских дивизий. Беспощадно бил врага на своей земле польский народ, а польские воины в боевом содружестве с советскими воинами дошли до Берлина. Покрыли себя неувядаемой славой в борьбе с врагом народы Чехословакии, поднявшие два восстания против фашистских захватчиков. Болгарский народ не позволил правившей монархо-фашистской клике направить болгарские войска на Восточный

фронт и с оружием в руках выступил против гитлеровской Германии. Содружество славянских народов, объединивших свои силы для борьбы с фашистскими варварами, соответствовало интересам всех свободолюбивых народов.

Развязывая войну, гитлеризм стремился разъединить и противопоставить народы друг другу. К концу войны подавляющее большинство европейских народов сплотилось в антигитлеровской коалиции, а фашистская Германия оказалась в полной политической изоляции. Для Движения сопротивления, как и в целом для антифашистской войны, были характерны интернационализм и всестороннее боевое товарищество, порожденные общностью целей и задач народов в борьбе с фашизмом.

Антифашистское движение не ограничилось только рамками национального освобождения, оно перешагнуло их и развивалось в направлении социальной революции, призванной свергнуть прогнивший буржуазный строй. Поражения фашистских войск и неуклонное продвижение Советской Армии на Запад явились катализатором революционных процессов. В ноябре 1943 г. Вторая сессия Антифашистского веча народного освобождения заложила основы новой Югославии. В июле 1944 г. родилась Народная Польша. Трудящиеся Румынии в августе, а Болгария в сентябре 1944 г. свергли фашистских ставленников в своих странах. В ноябре 1944 г. избавился от своих угнетателей народ Албании. Еще ранее, в августе 1944 г., вспыхнуло восстание в Словакии, а в мае 1945 г. в Чехословакии победила национально-демократическая революция. Весна 1945 г. стала весной свободы и для Венгрии.

Величие победы над фашизмом состоит в том, что она для многих народов ознаменовала начало нового пути развития, открыла для них двери в мир социализма. Коммунисты, высоко подняв знамя национального освобождения и демократии, сплотили широкие народные массы вокруг рабочего класса и повели их в бой против фашизма. Эта революционная практика коммунистических и рабочих партий прочно вошла в золотой фонд международного революционного и национально-освободительного движения.

Поражение ударной силы мировой реакции привело к новому ослаблению позиций империализма и способствовало дальнейшему подъему революционного и национально-освободительного движения во всем мире.

Разгром германского фашизма, а затем и японского милитаризма дал возможность народам ряда стран Европы и Азии освободиться не только от национального, но и от социального гнета. Трудящиеся этих стран под руководством своих коммунистических партий вырвали власть из рук эксплуататорских классов, экспроприровали помещиков и капиталистов, превратили средства производства в общественную собственность. По пути к социализму и коммунизму ныне идет около миллиарда человек — более трети человечества. В Европе уже свыше половины населения живет в социалистических странах: Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии, СССР, Чехословакии, Югославии. В Азии покончили с капиталистическими порядками в своих странах многомиллионный китайский народ, народы Корейской Народно-Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам. В западном полушарии под знамя социализма встал кубинский народ. Народы Индии, Бирмы, Индонезии и многих других стран разорвали вековые колониальные цепи и обрели независимость.

После второй мировой войны Советский Союз и социалистические страны Европы и Азии, развиваясь ускоренным темпом, наглядно демонстрируют преимущества нового строя. Этот строй для своего процветания не нуждается в войнах; наоборот, мир является залогом успешного строитель-

ства нового общества. Социалистические страны активно отстаивают дело мира, оказывают поддержку народам, борющимся за свою независимость.

Достоиную роль в социалистическом содружестве играют славянские народы. Руководствуясь принципами пролетарского интернационализма, они по-братски сотрудничают с народами, выступающими за мир и социализм, приходят на помощь всем, кто борется против империализма.

Растут мощь и влияние мировой социалистической системы, угнетенные народы сбрасывают колониальное ярмо, трудящиеся капиталистических стран усиливают борьбу за свои коренные интересы.

Хотя величайшая драма в истории человечества завершилась сокрушительным поражением фашистских агрессоров, мир все еще не избавился от угрозы новой войны. Империалистические силы способны развязать еще более чудовищную бойню, создают то в одном, то в другом районе земного шара опасные очаги военного пожара. Во главе агрессивных сил идет американский империализм. В свое время он помог встать на ноги фашизму. Теперь он поддерживает западногерманских реваншистов. Потсдамские соглашения вскоре после их подписания были грубо нарушены западными державами. Федеративная Республика Германии не только стала членом агрессивного Атлантического блока, но и играет в нем одну из главных ролей. Милитаристы Западной Германии протягивают руку к ядерному оружию, предъявляют территориальные претензии к социалистическим государствам. Они снова готовятся к походам на Восток.

Но времена изменились. Неизмеримо выросли силы мира во всем мире. Умножил свою мощь Советский Союз; возникло великое содружество социалистических стран; в самом центре Европы в послевоенные годы родилась, выросла и превратилась в форпост мира и социализма Германская Демократическая Республика, которая представляет истинные интересы немецкого народа, не желающего быть орудием в руках организаторов новых военных походов; ряды сторонников мира пополнились миролюбивыми государствами Азии и Африки, ставшими на путь независимого развития. Все энергичнее и сплоченнее выступает против военных авантюристов империалистов пролетариат капиталистических стран и его авангард — коммунистические партии. Усиливаются национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах, народы которых также становятся в ряды активных борцов за мир.

Рост рядов сторонников мира, упрочение могущества социалистического лагеря обрекают на провал агрессивные замыслы милитаристов. Вместе с тем факты свидетельствуют, что враги мира и их пособники не сложат оружия добровольно. История развязывания второй мировой войны агрессивными силами фашизма учит народы бдительности в отношении политики империалистических кругов.

Вот почему так важно рассказать народам правду об этой войне, о ее виновниках, о чудовищных планах и злодеяниях фашистских захватчиков, о героической борьбе прогрессивных сил за свободу и демократию. Помочь им в этом отношении призвана и историческая наука. Уже не мало сделано в области изучения истории второй мировой войны. Однако многие вопросы еще не получили достаточного освещения.

Особого внимания заслуживает изучение Движения сопротивления народов против фашизма, их героическая борьба за свободу и независимость. Не показано еще в должной мере, как Советский Союз помог народам Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии в их борьбе за национальное и социальное освобождение, как в ходе войны крепла дружба между народами СССР и братских славянских стран.

Нужно продолжать исследование внутренних процессов, которые привели к революциям в славянских странах, глубже изучить деятельность коммунистических и рабочих партий, руководивших борьбой народных масс против фашизма, за свободу, независимость и социализм. Важной задачей является и изучение отражения героической борьбы народов против германского империализма в литературе и искусстве.

Реакционная буржуазная историография пытается исказить правду о причинах возникновения войны, в частности отрицать важную роль, которую сыграла помощь США и других капиталистических стран гитлеровской Германии в восстановлении ее военно-промышленного потенциала и в развязывании фашистской агрессии. Апологеты «мюнхенцев» тщатся сейчас бросить тень на предвоенную политику Советского государства, которое настойчиво боролось за организацию коллективной безопасности и отпора агрессору. А когда речь идет об истории самой второй мировой войны, фальсификаторы истории изображают ход событий так, чтобы затушевать решающую роль Советского Союза и его Вооруженных Сил в разгроме фашистских полчищ.

Подвергая научной критике концепции буржуазных авторов, историки-марксисты должны глубоко раскрыть объективные условия возникновения войны, показать роль Советского Союза в великой победе народов, вклад славянских народов в общее дело борьбы с фашистскими агрессорами.

Н. А. ШЛЕНОВА

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Довоенная Чехословакия принадлежала к числу сравнительно развитых в промышленном отношении стран. Удельный вес промышленности в создании национального дохода составлял 53%, а сельского хозяйства — 23%¹. Отраслевая структура чехословацкой промышленности к концу 30-х годов характеризовалась небольшим преобладанием тяжелой промышленности над легкой². По удельному весу в общем промышленном производстве первое место занимала текстильная промышленность. Недостаточность собственных источников сырья и узость внутреннего рынка ставили чехословацкую промышленность в большую зависимость от внешних рынков.

Промышленность в буржуазной Чехословакии развивалась неравномерно, низкими темпами (ежегодный прирост продукции составлял 1—2%)³; это развитие прерывалось периодическими кризисами. В стране существовала хроническая безработица. Технический уровень промышленности довоенной Чехословакии был ниже уровня высокоразвитых капиталистических стран (например, США, Германии). После экономического кризиса 1929—1933 гг. значительная часть оборудования во всех отраслях промышленности, кроме военной, почти не обновлялась.

Промышленность капиталистической Чехословакии была неравномерно и нерационально размещена. Наряду с высокоразвитыми северными, северо-западными и центральными районами чешских земель существовали экономически отсталые Словакия и некоторые южные районы Чехии.

Немецко-фашистская оккупация еще более деформировала экономику Чехословакии. Предприятия тяжелой и, частично, легкой промышленности были переведены на военное производство. Особенно пострадали от оккупации и войны угледобывающая, текстильная, стекольная, обувная и др. За годы оккупации значительно снизилась производительность труда. К концу войны она составляла примерно 40—60% довоенного уровня⁴.

Освобождение страны от немецко-фашистских захватчиков открыло перед чехословацким народом путь к строительству новой жизни.

В 1945—1948 гг. народно-демократическое государство осуществило ряд важных социально-экономических мероприятий. Оно конфисковало

¹ В. К а й г л. Особенности социалистического строительства в Чехословакии. — «Вопросы строительства социалистической экономики Чехословакии», М., 1957, стр. 6.

² В 1937 г. соотношение тяжелой и легкой промышленности в общем промышленном производстве составляло 50,5 : 49,5. А. Д о б р ý. Základní směry vývoje československého průmyslu v letech 1913—1938 a některé otázky sociálně politické. — «Československý časopis historický», 1964, № 5, s. 745.

³ «Социалистическая индустриализация стран народной демократии». М., 1960, стр. 96.

⁴ О. М р á з е к. Patnáct let rozvoje znarodněného průmyslu ČSSR. Praha, 1960, s. 38.

имущество немецких и венгерских фашистов, военных преступников и коллаборационистов. Это подорвало экономические основы немецкой, венгерской и, в значительной степени, чешской и словацкой буржуазии. Затем последовала национализация ключевых отраслей промышленности, осуществлявшаяся в два этапа и проходившая в острой борьбе рабочего класса и остальных трудящихся с буржуазией. Борьбу рабочего класса за скорейшее осуществление национализации возглавила Коммунистическая партия Чехословакии при поддержке революционных профсоюзов. В результате первого этапа национализации в руки народно-демократического государства перешли предприятия, на которых работало около 62% рабочих и служащих. Национализация положила начало созданию социалистического сектора в экономике, что позволило приступить к планоному ведению хозяйства (двухлетний план 1947—1948 гг.).

Однако в руках буржуазии еще оставалось 49% общего числа предприятий, внутренняя и внешняя оптовая торговля. Буржуазия сохраняла значительные позиции в деревне. Обстановка в стране накануне февральских событий 1948 г. настоятельно требовала дальнейшего ограничения капиталистического сектора, являвшегося экономической базой реакции. Необходимо было также воспрепятствовать утечке прибыли в руки буржуазии, обеспечить успешное выполнение производственных планов.

Второй этап национализации был осуществлен после победы трудящихся масс над реакцией в феврале 1948 г. законом от 28 апреля 1948 г.

Теперь практически вся промышленность стала собственностью государства, доля социалистического сектора в ней (по числу занятых рабочих и служащих) возросла к концу 1948 г. до 96%. Национализация промышленности облегчила выполнение двухлетнего плана. За три с половиной года народной власти были преодолены последствия оккупации, покончено с безработицей. Довоенный уровень промышленного производства был превзойден на 8%⁵. Все это создало необходимые условия для перехода страны непосредственно к строительству социализма. IX съезд Коммунистической партии Чехословакии, состоявшийся в мае 1949 г., наметил главную экономическую задачу — создание материально-технической базы социализма.

На ее решение оказали влияние следующие факторы: во-первых, сотрудничество Чехословакии с СССР и другими странами социалистического содружества, позволившее ускорить развитие социалистической промышленности, сократить разрыв между темпами роста производства средств производства и предметов потребления, использовать преимущества складывающегося социалистического разделения труда, имевших особенно важное значение для Чехословакии — страны с недостаточной собственной сырьевой базой и развитыми обрабатывающими отраслями, создать условия для повышения жизненного уровня населения. Во-вторых, сравнительно высокий уровень развития чехословацкой промышленности, наличие квалифицированного рабочего класса и технической интеллигенции определило видную роль Чехословакии в создании промышленности и подъеме экономики ряда социалистических стран. В-третьих, международное положение, традиционные связи с Западом и зависимость чехословацкой экономики от внешних рынков.

При разработке конкретных задач на тот или иной период, в частности при определении заданий пятилетних и годовых планов развития экономики, Коммунистическая партия Чехословакии внимательно изучала и учитывала все эти факторы, проявлявшиеся в отдельные периоды в различной степени.

⁵ «Statistická ročenka republiky Československé 1957». Praha, 1957, s. 77.

Особенность создания материально-технической базы социализма в Чехословакии заключалась в том, что перед страной в целом не стояла задача создания запово крупной современной промышленности, поскольку таковая, в том числе тяжелая и ее сердцевина — машиностроение, уже имелась. В этих условиях главным для Чехословакии была социалистическая реконструкция промышленности, изменение ее структуры и дальнейшее развитие на базе новой техники, более рациональное размещение и ликвидация ее зависимости от западных рынков.

В 1949—1955 гг. основные усилия Коммунистической партии и чехословацкого народа были направлены на перестройку структуры промышленного производства. Большое внимание уделялось и социалистической индустриализации Словакии — необходимому условию создания и развития единой социалистической экономики страны. Эта перестройка и расширение промышленной базы требовали огромных капиталовложений и большого организаторского опыта, которого тогда еще не было.

В начале 50-х годов на развитии промышленности сказалось обострение международной обстановки. Экономическая блокада и дискриминация Чехословакии и других социалистических государств со стороны западных стран вынуждали правительство ЧСР прибегнуть к ряду мер, которые в обычной, нормальной обстановке были бы не нужны и отрицательные последствия которых сказываются еще и сегодня. «Нет сомнения в том, — говорил А. Новотный, — что ... внешние причины оказали нездоровое влияние на развитие нашей экономики и в значительной степени обусловили то, что структура и технический уровень нашей промышленности не развивались полностью так, как это было возможно и необходимо»⁶.

Известные трудности в этот период порождались и недостаточным использованием уже тогда имевшихся возможностей международного социалистического разделения труда и координации строительства социализма в странах СЭВ. Стремление во что бы то ни стало создать комплексную экономику отрицательно сказывалось на развитии промышленного производства. Дублирование производственных программ в некоторых странах приводило к малоэффективному использованию средств и фондов, что тормозило развитие техники и рост производительности труда.

На развитии чехословацкой промышленности отрицательно сказывалось и влияние культа личности, выразившееся в распространении некоторых ошибочных взглядов и теоретических положений, а также элементов субъективизма и догматизма.

Однако, несмотря на все это, в развитии чехословацкой промышленности были достигнуты значительные успехи. В 1949—1955 гг. были введены в строй новые и реконструирован ряд старых предприятий. Повысилась механизация и автоматизация основных производственных процессов, а энерговооруженность труда в промышленности возрасла ежегодно в среднем на 6,5%⁷. За годы первой пятилетки (1949—1953) среднегодовой прирост промышленной продукции составлял 14%⁸. Произошли изменения в структуре промышленности. Доля группы А составила в 1955 г. около 57%, а группы Б — 43% (в 1948 г. соответственно было 51,4% и 48,6%)⁹. Удельный вес машиностроения возрос в 1955 г. до 25,5% всего промышленного производства (в 1948 г. он составлял 15,5%¹⁰). Производительность труда возросла на 91% по сравнению с 1948 г. За это же время

⁶ «Rudé právo», 18 III 1964.

⁷ «Социалистическая индустриализация стран народной демократии», стр. 103.

⁸ Там же, стр. 102.

⁹ «Statistická ročenka Republiky Československé 1958», Praha, 1958, s. 122.

¹⁰ Ibid.

численность занятых в промышленности увеличилась примерно на 400 тысяч человек¹¹. Наибольшая доля этого прироста приходилась на машиностроительную и металлообрабатывающую промышленность.

Огромное влияние на весь последующий ход социалистического строительства в Чехословакии оказал XX съезд КПСС. Состоявшийся в марте-апреле 1956 г. пленум ЦК КПЧ обсудил итоги XX съезда КПСС и наметил пути решения экономических и политических задач, стоявших перед Чехословакией. Большое внимание вопросам экономической политики уделила Общегосударственная конференция КПЧ (июнь 1956 г.), на которой обсуждался проект директив второго пятилетнего плана (на 1956—1960 гг.), важного этапа в построении материально-технической базы социализма. Строительство социализма в Чехословакии КПЧ увязывала с перспективами развития всей мировой социалистической системы.

Во втором пятилетнем плане предусматривалось преодоление временного отставания топливной, энергетической и сырьевой промышленности, а также существенное улучшение технического оснащения народного хозяйства за счет механизации, автоматизации и химизации производственных процессов. В результате успешного выполнения второй пятилетки объем промышленного производства Чехословакии возрос на 66%, производство средств производства на 74%, производство предметов потребления на 56%¹² (плановые задания были ниже — соответственно 54%, 61%, 44%).

Средний годовой прирост промышленной продукции составил 10,7% (по плану — 9%), а национальный доход возрос на 41%¹³. За этот период объем промышленного производства в Словакии увеличился на 90% (вместо 74% по плану) и превзошел в 10 раз уровень 1937 г.¹⁴ Произошли также изменения и в структуре промышленного производства. Доля средств производства в общем объеме промышленного производства возросла до 59,8%. Особенно быстрыми темпами развивалась ведущая отрасль чехословацкой промышленности — машиностроение. Его доля возросла до 33,7%¹⁵. Машиностроительная промышленность освоила производство ряда новых типов машин и механизмов, металлургического оборудования, шарикоподшипников, генераторов, дизельных моторов, подъемных кранов и другой продукции. Были созданы некоторые новые типы станков, кузнечно-прессового оборудования, освоено производство мощных турбин, котлов, счетно-измерительных приборов, не уступавших лучшим мировым образцам. Чехословацкое машиностроение играло важную роль в укреплении экономической мощи стран мировой социалистической системы.

За прошедший период высокие темпы роста промышленного производства были достигнуты прежде всего за счет притока новой рабочей силы в постоянно расширяющуюся сферу материального производства. Однако к началу 60-х годов этот источник экстенсивного развития был практически уже исчерпан. Задачи дальнейшего продвижения страны к коммунизму настоятельно требовали ориентации экономики на интенсивное развитие, на сосредоточение внимания к качественным показателям.

Большое значение в определении пути дальнейшего развития чехословацкой экономики имел XII съезд Коммунистической партии Чехословакии (декабрь 1962 г.). На основе анализа развития народного хозяйства

¹¹ Ibid., p. 19

¹² «Statistická ročenka ČSSR 1962», Praha, 1962, s. 24—25, 155.

¹³ Сообщение Гос. статистич. упр. Чехословакии о выполнении второго пятилетнего плана. «Rudé právo», 20 V 1964.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

страны съезд пришел к выводу о необходимости интенсивно развивать экономику и поднять научный уровень руководства народным хозяйством. Съезд постановил ускорить создание предпосылок для постоянного роста производительности труда на основе полного использования достижений науки и техники.

Система управления и планирования совершенствовалась вместе с развитием экономики страны. Изменения, вносимые в нее, соответствовали определенным историческим условиям, уровню развития производительных сил, степени познания и использования экономических законов.

В настоящее время в Чехословакии, как и в других странах, идут поиски новых форм управления и планирования, отвечающих новому этапу в развитии социалистической экономики, поиски лучшего и более полного использования преимуществ социалистического строя. Состоявшийся в январе 1965 г. пленум ЦК КПЧ принял решение о главных направлениях совершенствования планового руководства народным хозяйством¹⁶.

Новая система экономического руководства предусматривает единую систему мер, направленных на совершенствование планирования и руководства. Прежде всего намечается усовершенствовать планирование, покончить с существующими методами составления плана, которые часто страдали субъективизмом и опирались на большое число директивных и обязательных показателей. Народнохозяйственный план будет определять только основные направления в развитии экономики (важнейшие народнохозяйственные пропорции, распределение национального дохода, участие чехословацкой экономики в международном разделении труда, основные направления научно-технического прогресса, повышения жизненного уровня населения и т. д.)¹⁷. Тем самым предоставляется широкий простор для развертывания инициативы предприятий и трудящихся.

Новая система руководства предусматривает более широкое и правильное использование закона стоимости и социалистических товарно-денежных отношений и таких экономических рычагов, как прибыль, цена, себестоимость, кредит. Предусматривается расширение прав и повышение ответственности предприятий с тем, чтобы усилить их материальную заинтересованность в эффективном ведении производства. Новая система предполагает более правильное сочетание интересов государства, предприятий и отдельных трудящихся. Общее вознаграждение каждого работника будет зависеть не только от результатов индивидуального труда, но и от экономических результатов работы предприятия, от размеров полученного валового дохода.

Цены будут устанавливаться таким образом, чтобы они гарантировали высшую эффективность народного хозяйства. Более выгодные цены будут устанавливаться на новые, высококачественные изделия. В задачу центральных органов войдет определение твердых и лимитных цен и контроль за соблюдением правил ценообразования. В рамках этих правил и лимитов конкретные цены будут определяться соглашением между заказчиками и поставщиками. В некоторых случаях предприятия смогут устанавливать свободные цены на основе спроса и предложений и на основе действующих в общегосударственных масштабах директив.

Новая система руководства будет вводиться постепенно. В 1966 г. предполагается внедрить ее основные принципы в главные отрасли народного хозяйства. Но уже в настоящее время на некоторых предприятиях начаты экономические эксперименты — опыты по проверке ее действенности,

¹⁶ См. «Rudé právo», 30 I 1965.

¹⁷ О. Ш и к. Новая система руководства хозяйством в Чехословакии. — «Новое время», 1965, № 9, стр. 8.

прежде всего принципов материальной заинтересованности и ценообразования. При Государственной плановой комиссии создан специальный комитет, который занимается подготовкой экономических экспериментов.

За двадцать послевоенных лет чехословацкий народ под руководством Коммунистической партии много сделал для развития экономики страны

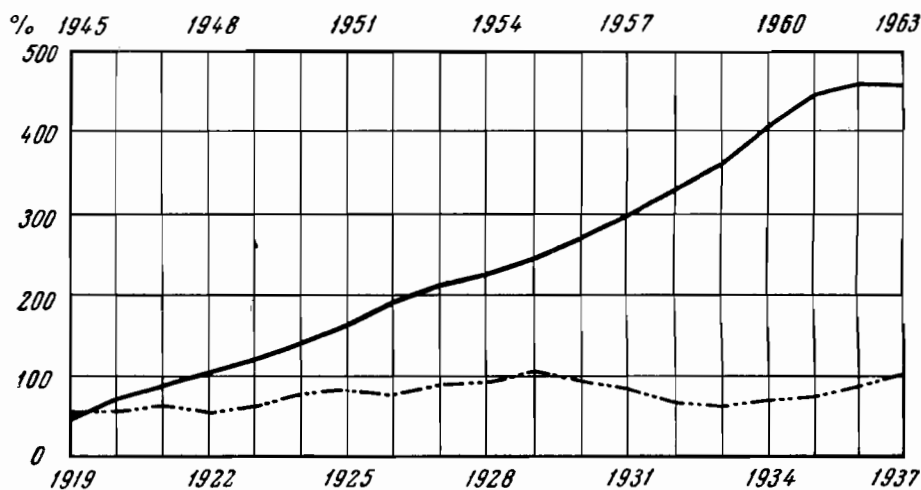

Рис. 1 ——— Чехословацкая социалистическая республика; - - - - буржуазная Чехословацкая республика

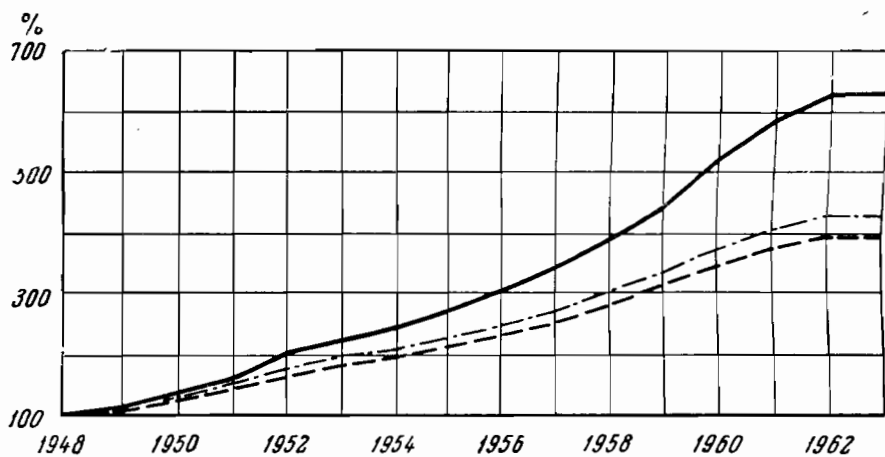

Рис. 2 ——— промышленность в целом; - - - - чешские области; — · — · — словацкие области

и особенно по созданию социалистической промышленности. Возник ряд новых, отвечающих современному уровню производственных мощностей, которые увеличили промышленный потенциал страны. Доля Чехословакии в мировом промышленном производстве возросла с 1,6% в 1937 г. до 1,9% в 1962 г. при одновременном уменьшении доли населения Чехословакии в численности населения мира с 0,66% до 0,45%¹⁸. По сравнению с 1937 г.

¹⁸ Доклад председателя правительства ЧССР И. Ленарта на пленуме ЦК КПЧ в январе 1965 г. «Rudé právo», 2 II 1965.

в 1963 г. промышленное производство возросло в 4,8 раза, а национальный доход составил 260%. На 122% увеличилась реальная заработная плата рабочих¹⁹. Чехословакия вышла на первое место в мире по добыче угля на душу населения, а по выработке электроэнергии на душу населения она обогнала такие развитые капиталистические страны, как Бельгия, Франция, по выплавке стали — Великобританию и США. Доля промышленности в национальном доходе достигла в 1963 г. 67,3%²⁰. Наглядное представление о развитии промышленного производства ЧССР в сравнении с буржуазной Чехословакией дает диаграмма (рис. 1)²¹.

Особенно больших успехов достигла экономика Словакии. За двадцать лет промышленное производство возросло более чем в 12 раз²² и составило в общем объеме промышленного производства страны в 1964 г. 20%²³ (в 1937 г. 8%)²⁴. Темпы роста промышленного производства Словакии были выше, чем в чешских областях, и выше, чем по республике в целом (рис. 2)²⁵.

За прошедший период Чехословакия накопила большой опыт в создании и развитии социалистической промышленности, изучение которого имеет большое теоретическое и практическое значение. Успехи социалистического строительства в Чехословакии опровергают вымыслы буржуазной пропаганды, что якобы социализм пригоден только для экономически отсталых стран. Пример Чехословакии показывает, что промышленно развитая страна в ходе социалистического строительства может добиться более высоких темпов развития производительных сил и повышения жизненного уровня населения.

¹⁹ Там же.

²⁰ Из выступления П. Ленарта. «Rudé právo», 31 I 1964.

²¹ «Hospodářské noviny», № 2, 15 I 1965.

²² Из выступления А. Дубчека. «Rudé právo», 5 II 1965.

²³ Сообщение Центральной комиссии народного контроля и статистики ЧССР, «Rudé právo», 29 I 1965.

²⁴ «Социалистическая индустриализация стран народной демократии», стр. 119.

²⁵ «Hospodářské noviny», № 2, 15 I 1965.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА СОЮЗ И ДРУЖБУ МЕЖДУ СССР И НАРОДНОЙ ПОЛЬШЕЙ

(К 20-летию советско-польского договора о дружбе,
взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве)

В оглашенном 22 июля 1944 г. Манифесте к польскому народу — первом документе новой революционной власти, устанавливавшей на польской земле, указывалось: «Прочный союз с Советским Союзом будет основным принципом польской внешней политики»¹.

Этот союз, воспринимаемый ныне, спустя два десятилетия после его заключения, как нечто само собой разумеющееся, явился выдающимся революционным завоеванием польского народа. На протяжении многих лет правящие круги буржуазно-помещичьей Польши видели смертельную опасность для своего режима классового и национального гнета не в немецком империализме, не в политике «Дранг нах Остен», а в одном лишь факте существования СССР. Считая Советский Союз «врагом № 1», они искали любых союзников против него и против проводившейся им политики мирного сосуществования и коллективной безопасности. Когда гитлеровцы захватили власть в Германии, именно правящие круги Польши поспешили вывести гитлеровскую Германию из состояния международной изоляции и уже в январе 1934 г. заключили с нею пакт, направленный против СССР².

Доведенная до своего логического завершения, эта политика привела к полной изоляции Польши от единственной страны, которая могла и хотела оказать ей помощь в случае гитлеровской агрессии. Так антисоветизм правящих польских кругов перерос в прямую национальную измену.

Лишь одна Коммунистическая партия Польши самоотверженно противодействовала политике правящих кругов и неизменно разъясняла, что единственная политика защиты независимости страны — это политика сближения с СССР и совместной с ним борьбы за мир.

Идея советско-польского союза по сути дела непосредственно и прямо вытекала из пробывавшегося в течение многих поколений стремления передовых кругов Польши и России к польско-русскому революционному союзу. Польские коммунисты, предупреждая еще на II съезде своей партии в 1923 г. об опасности удушения Польши буржуазной Германией, тогда же подхватили лозунги, начертанные на старых знаменах борьбы за независимость: «За вашу и нашу свободу!», «Свободные со свободными, равные с равными!»³.

¹ Manifest Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego. «Rzeczpospolita», 23 VII 1944.

² K. L a p t e r. Pakt Piłsudski — Hitler. Warszawa, 1956; J. J u r k i e w i c z. Pakt Wschodni. Warszawa, 1963.

³ «КРР. Учwały i rezolucje». Т. I. Warszawa, 1953, s. 225—227.

Только союз с СССР мог отвести от Польши угрозу гитлеровской агрессии и пресечь опасную игру западных держав судьбами Польши. Гитлер у ворот Польши, Гитлер угрожает Польше, — предупреждали польские коммунисты⁴. Но польским антифашистам не удалось добиться отстранения реакционных сил от власти в стране и изменения ее катастрофического внешнеполитического курса.

После того, как преданная своими правителями Польша в сентябре 1939 г. оказалась во власти гитлеровцев, польская реакция, несколько видоизменив свой антисоветизм, выдвинула фальшивую «теорию» «двух врагов»: фашистской Германии и ... Советского Союза. Этой теории сопутствовал лозунг выжидания «с оружием у ноги» — тем более преступный, что гитлеровцы, нисколько не «выжидая», превратили Польшу в огромный лагерь уничтожения. Смысл теории и тактики польской реакции состоял в том, чтобы парализовать волю польского народа к освободительной борьбе, дезориентировать его, лишити веры в помощь и освобождение.

Правда, вслед за тем, как началась Великая Отечественная война Советского Союза, находившееся в Лондоне польское эмигрантское правительство во главе с В. Сикорским сделало попытку отойти от своих антисоветских позиций. После острой внутренней борьбы оно заключило ряд соглашений с СССР, направленных против гитлеровской Германии. Но вскоре же под давлением наиболее оголтелых реакционных кругов оно стало уклоняться от выполнения взятых на себя обязательств⁵. Уже в ноябре 1941 г. штаб польских вооруженных сил, находившийся в Англии, занимался планами вооруженной борьбы против Советской Армии в случае, если она погонит гитлеровцев за линию довоенной советско-польской границы⁶.

С иной, демократической и национальной, концепцией внешней политики, которую должна проводить Польша, выступила сложившаяся в 1942 г. в подполье Польская рабочая партия. Она провозгласила лозунг активной борьбы с оккупантами за свободную и независимую Польшу, призвала к созданию широкого национального фронта и указала, что в этой борьбе польский народ не будет одинок, так как вместе с ним борьбу за свое освобождение ведут все славянские народы, все поработанные народы Европы, все антигитлеровские силы во главе с Советским Союзом⁷.

В своей декларации «За что мы боремся», принятой 1 марта 1943 г. и содержащей программу-минимум мероприятий, которые надо осуществить, чтобы Польша была действительно свободной и независимой, чтобы не повторился 1939 год, ППР указала, что надо включить в состав Польши все польские земли, установить добрососедские и союзнические отношения со всеми народами Европы, «проводить заграничную политику, опираясь на союз с Советским Союзом»⁸. В этом же духе было выдержано открытое письмо, с которым еще 15 января 1943 г. ЦК ППР обратился к нелегальному представительству эмигрантского правительства в Польше, предлагающее образование единого национального фронта борьбы против оккупантов, за свободную Польшу⁹.

⁴ См. «Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны». М., 1955, стр. 253—254, 256, 270—273 и др.

⁵ См. S t. S t r u m p h - W o j t k i e w i c z. Gwiazda generała Sikorskiego. Warszawa, 1946; S t. K o t. Listy z Rosji do gen. Sikorskiego. Londyn, 1955.

⁶ См. «Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej», t. III. Londyn, 1951, s. 185.

⁷ W dziesiątą rocznicę powstania Polskiej Partii Robotniczej. Materiały i dokumenty». Warszawa, 1952, s. 23—27.

⁸ Ibid., p. 139.

⁹ «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945 (Wybór materiałów i dokumentów)». Warszawa, 1958, s. 82—92.

Между тем эмигрантское польское правительство продолжало препятствовать развертыванию антигитлеровского сопротивления в стране, увело на Ближний Восток польские войска, сформированные в 1941—1942 гг. на советской земле, пыталось оказать давление на правительства Англии и США, добиваясь ослабления их сотрудничества с СССР¹⁰. В своей преступной антисоветской политике эмигрантское правительство весной 1943 г. практически сомкнулось с гитлеровской Германией, что привело к разрыву отношений между эмигрантским правительством и СССР¹¹.

Для того чтобы навязать свою власть народу и вернуть Польшу к положению решающего звена в антисоветском «санитарном кордоне», реакционное эмигрантское правительство вынашивало поддерживавшиеся западными державами планы замены гитлеровской оккупации Польши оккупацией ее англо-американскими войсками; оно ставило своей целью восстановление довоенной советско-польской границы и создание вокруг Польши и Чехословакии обращенной против СССР федерации стран Центральной Европы¹². Оно добивалось от союзников открытого выступления против СССР в момент приближения Советской Армии к польской границе 1939 г. и с их согласия в 1943 г. приступило к подготовке в Польше антисоветского вооруженного выступления, планируя его на тот момент, когда советские войска отгонят гитлеровцев к границам Польши или уже вступят на ее территорию¹³.

Вопрос об отношении к СССР, о политике союза с СССР или борьбы против СССР по сути дела оказался в центре острой борьбы вокруг того, должна ли Польша после разгрома гитлеровцев вернуться к старой политической, социальной и экономической структуре или она должна стать на путь подлинной демократии, коренных социальных преобразований и социалистического развития. Концепция новой, демократической и национальной внешней политики, опирающейся на союз с СССР, заняла центральное место в концепции новой, народно-демократической Польши.

В конечном счете, на почве борьбы с гитлеровскими захватчиками и их польскими союзниками и пособниками, признания недопустимости возвращения к власти в стране сил реакции, повинных в сентябрьской катастрофе и продолжающих свою преступную политику, и необходимости воссоздания сильной, с рубежами на Одре, Нисе и Балтийском море, единой Польши, способной противопоставить любой угрозе своей независимости союз с Советским Союзом, сложился блок демократических сил польского народа во главе с ППР. Формирование этого блока проходило на фоне крупных военных успехов, достигнутых Советским Союзом в 1943 г., и существенного повышения его международной роли. Об этом убедительно свидетельствовала Тегеранская конференция руководителей СССР, США и Великобритании, состоявшаяся 28 ноября—1 декабря 1943 г. Во время конференции Советский Союз, развивая инициативу в вопросе о послевоенной польско-германской границе, проявленную им еще во время визита в Москву английского министра иностранных дел А. Идена в декабре 1941 г.¹⁴, предложил, чтобы послевоенная польско-германская граница проходила по Одре¹⁵.

¹⁰ См. J. Ciechanowski. Defeat in Victory. N. Y., 1947, p. 142.

¹¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I. М., 1946, стр. 346—347.

¹² J. Ciechanowski. Ibid., p. 214 и 234; S. Stanisławska. Projekty konfederacji polsko-czechosłowackiej w czasie drugiej wojny światowej. «Sprawy Międzynarodowe», № 4, 1963.

¹³ E. J. Rozek. Allied Wartime Diplomacy. A Pattern in Poland. N. Y., 1958, p. 157—159; «The Memoirs of Cordell Hull», v. II, N. Y., 1948, p. 1316.

¹⁴ «The Memoirs of Cordell Hull», v. II, p. 1166—1167.

¹⁵ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 2. М., 1958, стр. 475.

Состоявшийся обмен мнениями показал, что участники конференции в принципе одобрили выдвинутые СССР предложения о восточной и западной границах Польши, соответствующие чаяниям польского народа и интересам мира и безопасности всей Европы¹⁶.

В духе глубокого понимания необходимости проведения подлинно национальной политики, направленной на создание сильной, независимой, демократической Польши, 14 общественно-политических и военных организаций, сплотившихся вокруг ППР, приняли в декабре 1943 г. манифест, провозгласивший образование Крайовой Рады Народовой как фактического политического представительства польского народа. В Манифесте устанавливалось, что польское эмигрантское правительство всей своей политикой предает польский народ и не имеет права считаться представителем его интересов. Эти интересы призвана выражать КРН, в задачи которой входит, в частности, руководство борьбой против кровавой немецкой оккупации, установление дружеских отношений с СССР, борьба за независимую и суверенную Польшу, воссоздающуюся на основах широкой политической и экономической демократии¹⁷.

Образование КРН, являвшееся выражением консолидации демократических сил польского подполья вокруг ППР, означало победу в широких массах польского народа концепции новой, Народной Польши. Польские демократические круги, находившиеся в СССР, сыграли большую роль в создании и пропаганде этой концепции. Союз польских патриотов во всей своей многогранной деятельности¹⁸ исходил из необходимости тесного послевоенного сотрудничества Польши и СССР¹⁹.

1 января 1944 г. КРН на своем тайном заседании в Варшаве приняла программную декларацию. В вопросах внешней политики, указывалось в декларации, КРН будет стремиться к возвращению Польше всех польских земель на западе и севере, которые были насильственно германизированы; к разрешению пограничных вопросов на востоке в духе дружеского соглашения между Польшей и СССР, при признании права народов на самоопределение; к быстрейшему установлению отношений прочной дружбы и сотрудничества Польши с СССР, а также присоединению Польши к договору, заключенному в декабре 1943 г. между СССР и Чехословакией; к поддержанию и укреплению дружбы и сотрудничества с остальными союзниками²⁰.

11 января 1944 г. было опубликовано знаменитое заявление Советского правительства о советско-польских отношениях. В этом документе Советское правительство подтверждало, что оно стоит за воссоздание сильной и независимой Польши и за дружбу между СССР и Польшей на основе добрососедских отношений и взаимного уважения и, «если этого пожелает польский народ, — на основе союза по взаимной помощи». Далее в заявлении

¹⁶ См. Б. Вевюра. Польско-германские границы и международное право. М., 1959, стр. 42—44, а также «Переписка председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I. М., 1957, стр. 214; Тегеранская конференция руководителей трех великих держав. «Международная жизнь», № 8, 1961, стр. 158.

¹⁷ «Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej», s. 461—468.

¹⁸ См. П. М. Калениченко. Польска прогресивна еміграція в СРСР в роки другої світової війни. Київ, 1957; F. Z b i n i e w i c z. Rola komunistów w organizowaniu i działalności Związku Patriotów Polskich oraz Polskich Sił Zbrojnych w ZSRR (maj 1942 — lipiec 1944 r.) — «Z pola walki», № 4 (16), 1961.

¹⁹ А. Лампе. Myśli o Nowej Polsce. Wybór artykułów z okresu 1942—1943. Warszawa, 1948; Его же. O Nową Polskę. Artykuły i przemówienia. Warszawa, 1954.

²⁰ «Kształtowanie się podstaw programowych...», s. 471.

излагались советские соображения о советско-польской границе, которая могла бы пройти по так называемой линии Керзона, и о возвращении в состав Польши ранее отнятых Германией исконных польских земель²¹. Эти предложения Советского правительства полностью учитывали позицию польских демократических кругов и соответствовали в принципе одобренной Тегеранской конференцией позиции СССР по вопросам послевоенных границ Польши.

Состоявшееся в глубоком подполье 20—23 января 1944 г. второе пленарное заседание КРН солидаризировалось с заявлением Советского правительства о советско-польских отношениях²².

Делегация КРН, преодолев значительные трудности, летом 1944 г. перешла через линию фронта и прибыла в Москву, где имела восемь встреч с руководителями СССР.

В ходе состоявшихся 23—26 июля в Москве переговоров между представителями КРН и созданного ею 21 июля, в момент вступления Советской Армии на территорию Польши, временного органа исполнительной власти — Польского Комитета Национального Освобождения, с одной стороны, и Советским правительством, с другой, был рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся советско-польских отношений. В целях твердого обеспечения безопасности Польши от возможного возобновления агрессии со стороны Германии представители Польши предложили признать в качестве границы Польши с Германией линию Одры с ее продолжением на юг вдоль Нисы Лужицкой. Граница, установленная по этой линии, была бы наиболее короткой из всех возможных пограничных линий между Польшей и Германией, обеспечивала Польшу лучшие условия безопасности и гарантировала воссоединение с матерью-родиной исконных польских земель. Советская сторона согласилась с аргументами польских представителей и взяла на себя инициативу переговоров с западными державами в отношении признания прав Польши на линию Одры — Нисы²³. Тогда же были урегулированы основные вопросы, касающиеся восточной, советско-польской границы.

В духе полного уважения к суверенитету Польши, взаимной дружбы и союза 26 июля 1944 г. в Москве было подписано соглашение между правительством СССР и ПКНО об отношениях между советским главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши²⁴. 1 августа 1944 г. Народный комиссариат иностранных дел в письме на имя председателя ПКНО формально подтвердил признание ПКНО Советским правительством и выразил готовность к обмену с ним дипломатическими представителями²⁵.

Опираясь на своих западных союзников²⁶, особенно на английское правительство, главари польской реакции решили прибегнуть к самым вероломным средствам для того, чтобы захватить власть хотя бы в части Польши, сорвать советско-польское сотрудничество, не допустить укрепления позиций представителей интересов трудового народа — КРН и ПКНО. Для этого польская реакция при поддержке западных стран предприняла коварный маневр: направив в Москву для переговоров премьер-

²¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. II. М., 1946, стр. 59—61.

²² J. P a w ł o w i c z. Z dziejów konspiracyjnej KRN. 1943—1944. Warszawa, 1961, s. 166—167.

²³ См. W. T. K o w a l s k i. Międzynarodowe tło powstania Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego. — «Z pola walki», № 3 (27), 1964, s. 52—53.

²⁴ «Внешняя политика Советского Союза...», т. II, стр. 158.

²⁵ «Polska Partia Robotnicza. Kronika. I 1942 — V 1945», Warszawa. 1962, s. 197.

²⁶ См. B. D r u k i e r. Sprawa polska w przededniu powstania Polskiego Komitetu Wyzwolenia Narodowego. — «Kwartalnik historyczny», № 2, 1964, s. 301—327.

министра эмигрантского правительства С. Миколайчика, заменившего на этом посту трагически погибшего В. Сикорского, почти одновременно она подала сигнал к неподготовленному восстанию в оккупированной гитлеровцами Варшаве. Организаторы восстания имели целью захват Варшавы и установление там своей власти, враждебной КРН и советско-польскому боевому союзу²⁷.

Во время переговоров в Москве с советскими руководителями и представителями КРН и ПКНО Миколайчик, используя варшавскую трагедию, предъявил столь необоснованные претензии, обнаружил столь большое непонимание реального положения вещей, что переговоры не дали результатов. Во время переговоров советские деятели вновь подтвердили неуклонное стремление Советского Союза к объединению поляков, к тому, чтобы польские дела решались самими поляками, вновь заявили о невмешательстве Советского Союза во внутренние дела Польши и о желании строить отношения между СССР и Польшей на основе сотрудничества и союза по взаимной помощи на случай возможного повторения германской агрессии²⁸.

Польская реакция и ее английские вдохновители предприняли еще одну попытку вмешательства в польские дела и в польско-советские отношения. Во время пребывания в Москве в октябре 1944 г. Миколайчик, упоывая на поддержку со стороны Англии, предъявил необоснованные претензии и выразил свое несогласие с «линией Керзона» как основы советско-польской границы, что сделало невозможным достижение какого-либо соглашения²⁹. Антисоветская, совершенно нереалистическая позиция польской реакции вынудила даже Черчилля в разговоре с лондонскими поляками обрушиться на Миколайчика за его стремление «завоевать Россию»³⁰.

Прочность положения ПКНО, успехи, достигнутые им в возрождении и преобразовании освобожденной части Польши, абсолютное взаимопонимание между ПКНО и Советским правительством и полная невозможность побудить Советское правительство превратить польский вопрос в предмет торга и сделок, вынудили английских деятелей, не лишенных способности к реалистической оценке обстановки, пойти на октябрьских переговорах на согласование в общих чертах своей и советской точки зрения по вопросу о границах Польши³¹.

Между тем успешное развитие народно-демократической революции в стране, консолидация демократических сил, укрепление авторитета ПКНО побудили КРН 31 декабря 1944 г. преобразовать ПКНО, в соответствии с ясно выраженной волей польского народа, во Временное правительство. Не имея возможности предотвратить создание Временного правительства, западные державы попытались воспрепятствовать его признанию со стороны Советского правительства. На этот раз воздействовать своим авторитетом на Советский Союз решили США. В своем послании Советскому правительству президент Ф. Рузвельт, ссылаясь также на то что его точку зрения разделяет У. Черчилль, настойчиво просил воздержаться от признания ПКНО в качестве правительства Польши³². В ответном послании Советского правительства отмечалось, что ПКНО добился серьезных успехов и союзники заинтересованы в том, чтобы подержать ПКНО, так как это важно для решения общей задачи — ускоре

²⁷ «Polskie Siły Zbrojne w drugiej wojnie światowej», Т. III, s. 664.

²⁸ См. В. Л. И с р а э л я н. Антигитлеровская коалиция. М., 1964, стр. 392.

²⁹ Е. У. Р о з е к. Ibid., p. 268—276.

³⁰ Ibid., p. 283.

³¹ См. «Внешняя политика Советского Союза...», т. II, стр. 271—272.

³² «Переписка председателя Совета Министров СССР...», т. II. М., 1957, стр. 17:

ния разгрома гитлеровской Германии. Советское правительство выражало мнение, что общее дело союзников выиграло бы в случае, если западные державы пошли бы на обмен представителями с ПКНО; в противном случае доверие польского народа к союзным державам может ослабнуть, так как он убедится, что интересы Польши приносятся в жертву интересам кучки польских эмигрантов в Лондоне³³. В своем новом письме, написанном в тоне явного раздражения, Рузвельт настаивал на том, чтобы Советское правительство воздержалось от признания ПКНО в качестве Временного правительства³⁴.

Но нажим западных держав не возымел последствий. Еще 27 декабря 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР в ответ на соответствующий запрос с польской стороны сообщил, что он намерен признать Временное правительство Польши, как только оно будет сформировано. Уведомление об этом решении было направлено 1 января 1945 г. и президенту США³⁵.

Следуя своей политике поддержания и укрепления дружественных отношений с Народной Польшей, Президиум Верховного Совета СССР, получив 4 января 1945 г. уведомление о преобразовании ПКНО во Временное правительство Польши, принял решение признать Временное правительство и обменяться с ним послами³⁶. В конце месяца Временное правительство было признано правительством Чехословакии³⁷.

Дальнейшее цепляние США и Англии за эмигрантское «правительство» могло только осложнить их взаимоотношения с СССР в вопросе, который уже оказался решенным вопреки позиции западных держав.

Реалистический, правда недолго сохранявшийся, подход западных держав к решению ряда вопросов обеспечил успех новой конференции руководителей трех держав, состоявшейся в феврале 1945 г. в Ялте.

Руководители трех государств пришли к выводу: восточная граница Польши должна идти вдоль «линии Керзона». Советская сторона полагала возможным сделать отступление от «линии Керзона» в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши³⁸. При этом даже Черчилль посчитал нужным заявить, что предложения Советского Союза в отношении «линии Керзона» основываются не на силе, а на праве³⁹. Но тот же Черчилль возражал против предложения СССР об установлении западной границы Польши по рекам Одра и Западная Ниса⁴⁰, а Рузвельт вообще предлагал передать Польше лишь некоторую часть ее западных земель⁴¹. В конечном счете главы трех государств признали, что Польша должна получить свои исконные земли. Значение этого решения состояло в том, что теперь уже не только СССР, но все три участника Крымской конференции взяли на себя обязательство уважать законные права демократической Польши.

Что касается вопроса о самом польском правительстве, то западным державам, после длительного сопротивления и провала ряда попыток навязать свои предложения⁴², пришлось отступить перед позицией СССР, считавшего признанное им Временное правительство единственным правительством Польши. В своих решениях конференция указала, что пол-

³³ Там же, стр. 178—179.

³⁴ Там же, стр. 180—181.

³⁵ Там же, стр. 182.

³⁶ «Внешняя политика Советского Союза...», т. III. М., 1947, стр. 61—62.

³⁷ «Rzeczpospolita», 1 II 1945.

³⁸ «Внешняя политика Советского Союза...», т. III, стр. 107.

³⁹ W. S. Churchill. The Second World War. v. VI, London, 1954, p. 321.

⁴⁰ Ibid., p. 327.

⁴¹ «The Conferences of Malta and Yalta». Washington, 1955, p. 883.

⁴² «Переписка председателя Совета Министров СССР...», т. II, стр. 185—187.

ное освобождение Польши требует создания Временного польского правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно ранее, до недавнего освобождения западной части Польши.

Крымские решения о Польше представляли собой крупную дипломатическую победу СССР и Народной Польши. Эти решения исчерпали в самом важном «польский вопрос», используя который силы международной реакции в течение ряда лет вносили осложнения во взаимоотношения трех главных участников антигитлеровской коалиции и рассчитывали вернуть Польшу к положению орудия антисоветской политики польской и международной реакции.

Однако Англия и США сразу же после Ялтинской встречи попытались отойти от буквы и духа Крымских решений, мешали их полному осуществлению⁴³ и даже искали путей к тому, чтобы добиться прекращения социально-экономических преобразований в Польше⁴⁴. Но эти их действия были совершенно несовместимы с принятыми ими на себя обязательствами и с тем фактом, что народная власть победила и утвердилась на территории всей Польши — от границ с СССР до берегов Балтийского моря, Одры и Западной Нисы.

Теперь создались условия для закрепления сложившихся советско-польских отношений формальным соглашением о союзе. Заключению союзного договора благоприятствовал процесс непрерывного укрепления народной власти в стране, успешное осуществление аграрных и других преобразований на вновь освобожденной западной части Польши, рост сплоченности революционных сил, возглавлявшихся ППР⁴⁵. Руководствуясь ленинскими принципами, Советский Союз не только освободил Польшу от гитлеровских поработителей, но и продолжал оказывать польскому народу многостороннюю посильную помощь.

В радостный период завершения освобождения Польши, подтвердившего абсолютную правильность внешнеполитической концепции польских революционно-демократических национальных сил во главе с ППР, в канун полного разгрома гитлеровской Германии, наступил момент юридического закрепления отношений дружбы и братства, сложившихся между советским и польским народами. 19 апреля 1945 г. в Москву для переговоров с Советским правительством о заключении договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве прибыла представительная польская делегация, в которую входили президент КРН Б. Берут, премьер-министр и министр иностранных дел Временного правительства Э. Осубка-Моравский, генеральный секретарь ЦК ППР, заместитель премьер-министра В. Гомулка и другие лица. Советско-польские переговоры завершились подписанием 21 апреля 1945 г. договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Польшей.

Этот договор имел решающее значение в утверждении достойного и справедливого места Польши среди других стран мира, в закреплении ее нового места в международной жизни. Заключение этого договора закрепляло коренной перелом в советско-польских отношениях в сторону дружественного, союзного сотрудничества, сложившегося между СССР и Польшей в ходе совместной борьбы против германского империализма. Обе вступающие в союз стороны обязались оказывать друг другу помощь

⁴³ Там же, стр. 200—202, 209—211, 213—214, 216—218; Там же, т. I, стр. 315—320. См. также Г. М. С л а в и н. Борьба Советского Союза за выполнение Крымских решений о Польше. — «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XXII, М., 1961.

⁴⁴ W. S. Churchill. Ibid., v. VI, p. 371—372.

⁴⁵ См. В. Д р у к и е р. Sytuacja polityczna w kraju w okresie Rządu Tymczasowego (Styczeń-czerwiec 1945 г.). — «Z pola walki», № 4 (12), 1960, s. 5—35.

в войне против немецких захватчиков до полной и окончательной победы и поддерживать после войны дело мира и безопасности народов. Они знали, что дальнейшее укрепление отношений доброго соседства и дружбы между СССР и Польшей отвечает жизненным интересам советского и польского народов, они были убеждены, что их дружба и тесное сотрудничество будут служить делу их успешного развития как в военное время, так и после войны.

Советскому Союзу договор гарантировал дружбу и союз с соседним государством, ранее, при господстве помещиков и капиталистов, являвшимся очагом постоянной военной опасности и авантур в непосредственной близости и на кратчайшем направлении к ряду важных жизненных центров СССР. Народной Польше договор гарантировал самое существование, независимость, безопасность, неприкосновенность границ, условия для дальнейших социальных, политических и культурных завоеваний, для борьбы за мир и социализм. Всем народам, всем миролюбивым силам всего мира договор давал твердую гарантию того, что в Восточной Европе создан достаточно серьезный барьер против возобновления агрессии со стороны германского империализма.

Советско-польский договор от 21 апреля 1945 г. не только увенчал политику обеих сторон в годы второй мировой войны — он достойно увенчал длительную борьбу за русско-польский революционный союз, который издавна объединял передовые силы обоих народов в совместной борьбе за социальное и национальное освобождение.

Советско-польский договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве и полный разгром и безоговорочная капитуляция Германии создали обстановку, при которой западным державам пришлось отказаться от противодействия осуществлению принятых Крымской конференцией решений о Польше. Состоявшаяся в июле-августе 1945 г. Берлинская конференция трех держав признала права Польши на исконные польские земли на севере и на западе.

Союз с Советским Союзом дал возможность польскому народу воссоединить все польские земли — от Одры и Западной Нисы до Западного Буга, от Карпат и до Балтийского моря. Выйдя на естественные прочные рубежи, став морской державой, Польша закрепила свое новое положение на карте Европы. Это новое место на европейской карте Польша сумела занять только в результате того, что в стране победила народно-демократическая революция, в ходе которой произошел коренной перелом в советско-польских отношениях в сторону союза и дружбы двух стран.

Опираясь на свой союз с СССР и на его помощь, новая, Народная Польша успешно решила многие сложные вопросы государственного, экономического, культурного строительства. Освобожденная от гнета эксплуататорских классов и иностранных империалистов, руководимая и направляемая марксистско-ленинской Польской объединенной рабочей партией трудовая энергия польских трудящихся подняла страну из руин и пепелищ, оставшихся после гитлеровского разбоя. При братской помощи Советского Союза, надежно гарантировавшего безопасность и нерушимость польских земель, польский народ за сравнительно короткий срок превратил свое государство в передовую индустриально-аграрную страну.

По сравнению с буржуазной Польшей промышленный потенциал Народной Польши вырос — в перерасчете на душу населения — в 10 раз! В 4 раза возросли ряды польского рабочего класса, занятого в промышленности, в 8 раз — кадры инженеров. Увеличение национального дохода в 3 раза не только обеспечило большой размах промышленного, жилищного и культурного строительства, но и позволило значительно поднять

жизненный уровень населения, увеличить потребление материальных и культурных благ.

Успехи польского народа — это часть общих успехов всех стран социализма, с которыми Польша связана тесными узами общности и единства интересов и целей. Развивая и углубляя в рамках Совета Экономической Взаимопомощи, а также на основе двусторонних и многосторонних соглашений взаимовыгодные экономические отношения со всеми социалистическими странами, Народная Польша существенно способствует прогрессу всего социалистического содружества народов. Вместе со всеми социалистическими странами она ведет неустанную борьбу за мир во всем мире. Как и другие участники Варшавского договора, она решительно противодействует силам империалистической агрессии и реваншизма. Своей энергичной, инициативной внешней политикой, борьбой за создание в Европе безатомной зоны, за замораживание атомных вооружений Народная Польша снискала уважение миролюбивых людей всего земного шара.

В условиях, когда западногерманские реваншисты открыто требуют поглощения ГДР и возвращения империалистической Германии по меньшей мере к границам 1937 г., Народная Польша смело и спокойно продолжает следовать своему социалистическому пути развития, зная, что на страже международного права, на страже ее мира и безопасности стоит ее союз с СССР, ее союз и дружба с ГДР, ЧССР и другими социалистическими странами.

Двадцать лет, истекших со времени подписания советско-польского договора 1945 г., показали, что братские отношения между СССР и ПНР, сложившиеся на основе жизненных интересов обоих народов, на общности стоящих перед ними исторических задач и объединяющих их идей, успешно служат делу советского и польского народов, всем прогрессивным и миролюбивым силам. Естественным развитием этого явилось последовавшее 8 апреля 1965 г. заключение советско-польского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который представляет собой обновленный договор 1945 г. Произведенные в договоре изменения вытекают не из каких-либо изменений в характере советско-польских отношений, а из того, что договор 1945 г. был заключен еще во время военных действий против существовавшей тогда гитлеровской Германии, что уже после заключения договора была установлена раз и навсегда польско-германская граница на Одре и Нисе Лужицкой и что спустя ряд лет после заключения советско-польского договора, в 1949 г., образовалась ГДР — первое миролюбивое германское государство, успешно строящее социализм.

Возрождение западногерманского империализма и его реваншистская политика, поддерживаемая империалистами США, придают особо действенный характер советско-польскому союзу. Рожденный в тяжелых испытаниях и битвах против общего врага, он продолжает надежно служить делу мира и безопасности народов.

ПРЕДМЕТ, РАЗВИТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО НЕМЕЦКОГО ОСТФОРШУНГА ¹

Изучение истории Восточной и Юго-Восточной Европы — задача большого гуманистического значения. Оно может содействовать лучшему знакомству немецкого народа с его соседями на Востоке и Юго-Востоке.

Способ подхода к изложению истории этих народов — с симпатией и дружескими чувствами или с позиций националистического превосходства отражает и взгляды автора в целом на демократию и прогресс в собственной стране.

Если К. Маркс в 1856 г. измерял силу и жизнеспособность всех революций, начиная с 1789 г., их отношением к польскому вопросу² и рассматривал Польшу как их «внешний термометр», то в переносном смысле можно утверждать, что отношение деятелей немецкой науки к нашим славянским соседям, в первую очередь к русскому и польскому народам, было и остается мерилom их прогрессивности и действительного патриотизма.

Немецкие ученые, которые сочувствовали польскому восстанию 1830/31 г. и информировали о нем общественность (как, например, Иоганнес Мюллер в полемике с лейпцигским профессором философии Вильгельмом Кругом³ или лейпцигский историк Р. О. Шпацнер в изложении истории польского ноябрьского восстания⁴), одновременно выступали против тирании Священного союза, за национальное единство и демократические права немецкого народа. При этом они высоко оценивали освободительную борьбу польского народа. Когда после неудавшейся революции 1848 г. и антидемократического объединения страны сверху «железом и кровью»,

¹ F.-H. Gentzen, J. Kalisch, G. Voigt, E. Wolfgramm. Die «Ostforschung» — ein Stoßtrupp des deutschen Imperialismus. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее ZfG), 1958, Н. 6, S. 1181 ff; B. Spiru. Ostforscher-Ostfälscher-Ostfahrer. — «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas», Berlin, 1959, Bd. 3, S. 37 ff; G. Voigt. Methoden der Ostforschung. ZfG, 1959, Н. 8, S. 1761—1803; В. Т. Пашуто. Так называемый «Остфоршунг» — идеология западногерманского реваншизма. — «Вопросы истории», 1959, № 3; R. Goguel. Ziele und Methoden der Ostforschung. — «Ostforschung und Slavistik». Berlin, 1960, S. 39 ff; F.-H. Gentzen, E. Wolfgramm. Ostforscher-Ostforschung, Berlin, 1960; Der Oberländerprozess. Protokoll der Verhandlung vor dem Obersten Gericht der DDR vom 20—27 und 29 IV 1960. Berlin (1960); Auf den Spuren der «Ostforschung». Eine Sammlung von Beiträgen der Arbeitsgemeinschaft zur Bekämpfung der westdeutschen «Ostforschung» beim Institut für Geschichte der europäischen Volksdemokratien. Gesamtedaktion Dr. C. Remer. Leipzig, 1962.

² Marx an Engels vom 2 XII 1856. Werke, Bd. 29. Berlin, 1963, S. 88 (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 67).

³ F. C. J. Müller. Für Polen und Freiheit. Gegen Krieg und die an die Gewalt Verkauften. Altenburg, 1832.

⁴ R. O. Spazier. Geschichte des Aufstandes des polnischen Volkes in den Jahren 1830 und 1831. Altenburg, 1832—1834.

немецкая буржуазия отбросила мысль о завоевании политической власти и удовлетворилась лишь тем, что оставили ей корона и дворянство, тогда она перестала быть прогрессивным классом, а большинство ее историков превратилось в апологетов прусско-германской экспансионистской политики «Дранг нах Остен». Например, Леопольд фон Ранке, излагая историю немецкого рыцарского ордена, приписывал ему «всемирно-историческую роль» защиты европейской культуры на «европейском востоке»⁵. В таком же духе излагало историю большинство немецких ученых позднейших поколений, а также большинство современных историков в Западной Германии.

Одновременно всегда были и есть такие историки, которые выступали как друзья восточных соседей Германии, но они оставались в меньшинстве. В 1894 г. Макс Леман в публичном докладе «Пруссия и Польша» в Геттингене высказал следующую мысль: «Польская поговорка: „пока стоит мир — поляк не станет братом немцу“ — и тезис новейших политиков, что географические условия приговорили польскую и немецкую нацию к вечной вражде и ненависти — оба эти утверждения не подтверждаются историей»⁶.

Объективно в Западной Германии выступают сейчас историки Фриц Фишер⁷ и Иммануэль Гейсс⁸. В своих трудах о первой мировой войне они разоблачают антинациональную, враждебную немецкому народу экспансионистскую политику германского империализма. Этих историков нельзя называть остфоршерами. Но и к Ранке и к историкам, жившим позднее (которые оправдывали политику «Дранг нах Остен»), этот термин не подходит. Об остфоршунге как особом направлении исследований, специально занимающемся проблемами Восточной Европы, можно говорить лишь в канун империализма, когда немецкая буржуазия только готовилась к войне за передел мира. Поскольку Восток и Юго-Восток Европы представляли важнейшие направления экспансии германского империализма, исключительное значение придавалось изучению этого пространства — сначала истории, а затем экономики, географии и других научных дисциплин.

При этом представителями нового направления исследования считались лишь те ученые, которые были готовы к полному оправданию экспансии германского империализма на Восток. Важной предпосылкой этой экспансии было поражение всех демократических и прогрессивных сил собственного народа и, в первую очередь, революционных сил рабочего класса. Поэтому остфоршер должен был оправдывать реакционную внутреннюю политику своего государства. В связи с этим антидемократизм и антикоммунизм стали прочной составной частью остфоршунга.

Не случайно, основание первой кафедры восточноевропейской истории при Берлинском университете, положившей начало немецкому остфоршунгу, произошло в 1892 г., т. е. почти сразу же после отставки Бисмарка, чей внешнеполитический курс не совпадал более с экспансионизмом крепнущего немецкого монополистического капитала. Не случайно также, что

⁵ L. v. R a n k e. Zwölf Bücher preußischen Geschichte. Bd. I (S. W. Bd. 25), Leipzig, 1874, S. 37.

⁶ M. L e h m a n n. Preußen und Polen. Речь, произнесенная 8 II 1894 г. на заседании Королевского научного общества в Геттингене. «Historische Aufsätze und Reden». Leipzig, 1911, S. 83.

⁷ F. F i s c h e r. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegsziele des kaiserlichen Deutschland 1914—1918. Düsseldorf, 1961.

⁸ I. G e i s s. Der polnische Grenzstreifen 1914—1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im ersten Weltkrieg. Lübeck — Hamburg, 1960.

историк Теодор Шиман, из балтийских немцев, ярый русофоб, стал руководить этой кафедрой. Шиман был специальным советником кайзера по проблемам Восточной Европы во время первой мировой войны и оказывал определенное влияние на германскую восточную политику. Империалистическая немецкая восточная политика, отягченная противоречием между целями и возможностями германского империализма, отличалась крайним авантюризмом и отсутствием реализма. Соответственно и находившийся у нее на службе остфоршунг вступал во все большее противоречие с исторической правдой. В период начала и углубления всеобщего кризиса капитализма враждебность остфоршунга истинной науке становилась все более очевидной. Поэтому его трудно сравнивать, по крайней мере на первом этапе, с изучением восточной Европы в других странах, например в Англии или США.

Таким образом немецкий остфоршунг появился на свет в качестве инструмента реакционной империалистической восточной политики. Результаты обеих мировых войн показали, что она была нереальной и обречена на неудачу. Но, так как после двух мировых войн германский империализм — этот главный виновник их развязывания — не был уничтожен, его восточная политика также продолжает функционировать, становясь после каждого поражения лишь еще более авантюристической и нереальной. В соответствии с этим находящийся у нее на службе остфоршунг все дальше удаляется от истинной науки, неразрывно связанной с человеческим прогрессом. Остфоршеры неизбежно оказывались в конфликте со своей научной совестью, что иногда приводило к полному разрыву с остфоршунгом (например, Отто Хетч, Георг Заке и Эбергард Вольфграмм). Наличие элементов научной добросовестности у остфоршеров зависело, в первую очередь, от их характера и честности, а также от степени классовых и националистических предрассудков. Но было бы неправильно считать их труды только лишь кучей реакционного мусора. Все же стоит отыскивать распыленные в них крупицы научного знания.

Предмет, характер и метод остфоршунга не остаются раз навсегда данными, а изменяются в той же степени, в какой обновляет свои задачи, тактику и направление восточная политика германских монополий, вынужденных более или менее реалистически приспособляться к изменяющемуся соотношению сил. В целом периодизация остфоршунга следует за периодизацией германского империализма. Начальный этап остфоршунга относится к 1892 г., к периоду становления германского империализма, и заканчивается с первой мировой войной, с провалом планов германского империализма, связанных с экспансией на Восток. Последующие этапы остфоршунга (с 1918 по 1945 г., с 1945 по 1955 г. и с 1955 г. до настоящего времени) соответствует этапам общего кризиса капитализма после победы Октябрьской социалистической революции в России⁹.

За первые десять лет своего существования остфоршунг занимался лишь историческими дисциплинами, созданием соответствующих кафедр и распространением враждебных России теорий Шимана среди офицерской молодежи прусского генерального штаба и читателей консервативной «Кройццейтунг». С основанием при Берлинском университете «Семинара восточноевропейской истории и краеведения» остфоршунг стал заниматься не только историей. Революция 1905 г. в России вынудила заняться историческим феноменом — Россией — представителей и других дисциплин: эконо-

⁹ Ср. R. G o g u e l. Zur Definition und den Tätigkeitsmerkmalen der deutschen Ostforschung. Informationen der Abteilung für Geschichte der imperialistischen Ostforschung an der Humboldt-Universität (Informationen). Jg. 2, № 2/3, чья периодизация не полностью совпадает с приведенной. См. критические замечания E. P a c h a l y. Ibid., Jg. 2, № 5/6, S. 1 ff.

номистов, языковедов и литературоведов. С 1911 г. немецкие промышленные и торговые круги активизировали свой интерес к России. Это нашло свое выражение в издании журнала «Оствиртшафт». Создание «Немецкого общества Восточной Европы» за год до начала первой мировой войны отражало поразительно возросший интерес к России. Оно стало образцом организационной структуры для остфоршунга. Последний мог служить восточной политике германских монополий, лишь концентрируя свое внимание на комплексном изучении России.

Насколько далеко зашел в своем служении политике германского империализма остфоршунг, свидетельствует его поспешная готовность, особенно во время первой мировой войны, накинуть покрывало наукообразности на разбойничью политику немецких юнкеров и монополий. Историки, праведы, экономисты, геологи, географы, демографы, сельские хозяева и многие другие посылали в адрес высших властей свои памятные записки, считая официальную экспансионистскую политику слишком умеренной. Среди многих произведений такого рода укажем лишь на записку Макса Гильдебурга Бёма, который и сегодня активно действует в рядах западно-германского остфоршунга. Бём исследовал кажущиеся возможности, которые якобы открывались после Февральской революции в России, для реализации захватнических планов германского империализма в Прибалтике. При этом он пришел к выводу: «Отказ от расширения территорий на Востоке сегодня более невозможен»¹⁰.

Памятные записки немецких профессоров, посвященные немецкой военной политике, были не только продуктом безудержной фантазии, они полностью соответствовали целям немецких монополий. Недаром фирма Фридриха Круппа основала фонд в 3,7 млн. марок, который должен был служить осуществлению составленных остфоршерами планов переселения немцев на захваченные территории Восточной Европы¹¹. Остфоршеры и непосредственно сотрудничали с военными органами. Так, Шиман подвизался в качестве эксперта по восточным вопросам при Большом генеральном штабе, занимаясь там оценкой агентурных сообщений из России. В них говорилось, например, об отношении общественности прибалтийских провинций к возможному присоединению их к Германии¹². Чтобы лучше использовать в экономическом отношении разоренные восточные территории, весной 1916 г. в Кёнигсберге был создан «Институт восточно-германской экономики», во главе которого находились пять профессоров. Перед Институтом была поставлена задача «поднять всю экономическую жизнь на Востоке» в связи с тем, «что границы отодвинулись на Восток и новые области сделались доступными для немецкого народного хозяйства»¹³.

Из яростного хора аннексионистов в это время выделялись лишь отдельные голоса остфоршеров, которые реалистически оценивали экономический, социальный и военный потенциал России. К их числу можно от-

¹⁰ М.-Н. B ö h m. Die baltische Frage und die russische Revolution.— «Die Grenzboten», Jg. 1917, Н. 48, S. 129—130, 135 f.

¹¹ Deutsche Zentralarchiv Merseburg (DZAM), Rep. 77, Tit. 1871, № 1, Adh. 4.

¹² DZAM, Rep. 89, Н. VI, Europa 21, Bd. I, Bl. 55, m. R. Berlin, 30 V 1916. Агентурное донесение, подписанное А. Фолком, направлено в Большой генеральный штаб (пметки карандашом проф. Шимана).

¹³ S. G r u m b a c h. Das annexionistische Deutschland. Eine Sammlung von Dokumenten, die seit dem 4. August 1914 in Deutschland öffentlich oder geheim verbreitet wurden. Lausanne, 1917, S. 147.

нести лейпцигского проф. Иозефа Парча¹⁴ и берлинского специалиста по истории Восточной Европы Отто Хетча¹⁵.

Угроза, которую представляла Октябрьская революция для господства империализма, была осознана сразу не всеми представителями германских господствующих классов. Генерал Эрих Людендорф, оказывавший решающее влияние на немецкую восточную политику, относился к числу тех, кто понимал эту опасность. Он со страхом наблюдал за использованием представителями Советской России мирных переговоров в Брест-Литовске для искусной пропаганды своих идей и за сильным влиянием этих идей на революционное движение в Германии. «Мне было ясно, — писал он, — что большевизм (поддержит его Антанта или нет) остается для нас чрезвычайно опасным врагом, из-за которого нам придется беречь свои вооруженные силы, даже если наступит мир»¹⁶. Грабительский Брест-Литовский мир создал, казалось, для германских монополий неограниченные возможности эксплуатации сельскохозяйственных и сырьевых запасов Украины, Белоруссии, Польши и прибалтийских государств.

Этим же целям должен был служить и остфоршунг. Президиум «Немецкого общества по изучению России» в феврале 1918 г. принял решение сделать его «центром по сбору материала из революционной России», для чего наладить необходимые связи с компетентными военными и гражданскими инстанциями¹⁷. В этом же году для изучения и экономического освоения огромных областей на Востоке был создан первый комплексный институт остфоршунга — Институт Восточной Европы в Бреслау (Вроцлаве), объединивший историков, славистов, экономистов и историков культуры. В числе его основателей были магнаты рейнской и верхнесилезской тяжелой промышленности¹⁸.

Поражение германского империализма в первой мировой войне означало также и банкротство его восточной политики. Однако, сохранив свою экономическую и политическую мощь, германский империализм стал возрождать и свою восточную политику, целью которой было вернуть любыми средствами потерянные позиции на Востоке и осуществить экономическое проникновение в Советскую Россию. Германский империализм стремился также поддерживать капиталистические элементы в России и свалить с их помощью социалистический строй. Идеология антикоммунизма и реваншизма должна была служить этим целям. При этом реваншизм выполнял и антикоммунистическую функцию, отвлекая революционно настроенные массы Германии от справедливых требований социального преобразования. Антикоммунизм и реваншизм стали важнейшими идеологическими элементами остфоршунга. Центральную роль в нем играл Бреслауский институт Восточной Европы, открывшийся непосредственно в канун Ноябрьской революции. Из программного заявления его основателей следует, что он должен был заниматься главным образом Польшей, а в перспективе интересоваться также всей Восточной и Юго-Восточной Европой: Белоруссией, Литвой, Украиной, Сербией, Болгарией и Велюкороссией¹⁹.

¹⁴ J. P a r t s c h. Deutschlands Ostgrenze.— «Zeitschrift für Politik», hrsg. R. Schmidt und A. Grabowski, Bd. VIII, Berlin, 1915, S. 25 f.

¹⁵ O. H o e t z s c h. Vorläufige Gedanken zur polnischen Frage, Dezember 1914. DZAM, Rep. 77, Tit. 1875, № 10, adh. V, Bd. II, Bl. 69—79.

¹⁶ E. L u d e n d o r f f. Meine Kriegserinnerungen 1914—1918. Berlin, 1919, S. 438.

¹⁷ F.-H. G e n t z e n, J. K a l i s c h, G. V o i g t, E. W o l f g r a m m. Ibid, S. 1187 f.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ P. D i e l s. Das Osteuropa-Institut in Breslau.— «Zeitschrift des Oberschlesischen Berg- und Hüttenmännischen Vereins», 1920, S. 150.

Задачи остфоршунга в период между двумя мировыми войнами²⁰ были следующими: а) борьба против притягательных идей социализма, которые приобрели особую действенность в период революционного кризиса послевоенных лет и во время мирового экономического кризиса; б) нахождение и распространение аргументов, которые способствовали бы пропаганде ревизии созданных Версальским договором границ на Востоке («культурная почва», «культуртрегерство», «древнее заселение германцами», «право национальных групп» и пр.); в) «научная» разработка программы экспансии германским империализмом в Северо-Восточной, Восточной и Юго-Восточной Европе; для чего использовались все средства, начиная с тщательного анализа выходявших там материалов и кончая политическим и экономическим шпионажем.

Для достижения этих целей в Веймарской республике и в гитлеровском рейхе были расширены и созданы заново многочисленные институты и учреждения остфоршунга. В университетах было введено изучение истории и языков народов Восточной Европы. Между руководящими кадрами институтов остфоршунга и министерствами иностранных дел и экономики установилось тесное сотрудничество. «Всю деятельность Немецкого общества по изучению Восточной Европы,— писал 25 февраля 1931 г. его долголетний президент Шмидт-Отт тогдашнему министру иностранных дел Курциусу,— я во время своего более чем десятилетнего руководства стремился рассматривать как содействие министерству иностранных дел в его отношениях с Россией»²¹.

Восточная политика Веймарской республики, благодаря Раппальскому (1922 г.) и Берлинскому (1926 г.) договорам и долговременному сотрудничеству с Советской Россией, имела и позитивные стороны. Определенная двойственность этой политики отражалась и на остфоршунге и, в частности, на деятельности «Немецкого общества по изучению Восточной Европы»²².

Достаточно вспомнить лишь о германо-советской неделе историков в 1928 г. в Берлине. Но одновременно с этим ведущие деятели общества пытались оградить его от «опасности большевистской агитации», стремились организовать экономический шпионаж через поддерживавшуюся Крупным сельскохозяйственной концессией ДРУЗАГ на Северном Кавказе²³. Несколько месяцев спустя после прихода Гитлера к власти общество объявило о своей полной солидарности с внешней и внутренней политикой третьей империи. «Именно уничтожение коммунизма в Германии открыло путь к установлению отношений с Россией, которым более не вредят внутривнутриполитические препятствия»²⁴,— так говорилось в одном из его сообщений.

О роли, которая предназначалась немецкому зюдостфоршунгу, говорил министр в кабинете Шейдемана Георг Готейн. Будучи «добровольным» и ревностным сторонником концепции Средней Европы Фридриха Наумана, он в речи перед представителями саксонских промышленных и торговых кругов в декабре 1927 г., посвященной обоснованию необходимости создания Института Средней Европы, заявил: «В нашем представлении Средняя Европа может быть достигнута лишь по этапам. Первой ступенью могло бы быть хозяйственно-политическое включение Австрии в состав Германии путем постепенной ликвидации таможенных границ

²⁰ См. G. Voigt, Methoden der Ostforschung. S. 1781—1793.

²¹ Ibid., S. 1783 f.

²² Ibid., S. 1782.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid., S. 1784.

между двумя странами. К такому объединению, как это следует из заявления ведущих венгерских политических деятелей, присоединилась бы вскоре и Венгрия. За ними вынуждена была бы последовать почти полностью окруженная этими государствами Чехословакия. Благодаря своей силе эти страны Средней Европы сделали бы центром притяжения расположенных по соседству с ним государств: Югославии, Болгарии и Румынии. Такое развитие требует тщательного изучения экономических и культурных отношений в среднеевропейских государствах. Лучше всего с этой задачей справился бы научный институт. Он должен в отличие от уже существующих работать над созданием четких контуров хозяйственно-политической программы. Таким образом, его цель в первую очередь сугубо практическая»²⁵.

Тесная связь между деятельностью остфоршунга и империалистической восточной политикой проявлялась в активном участии ведущих остфоршеров в различных реваншистских организациях. Головная организация реваншистских союзов «Союз охраны пограничных немцев и немцев, проживающих за границей» (Schutzbund für das Grenz- und Auslandsdeutschtum) располагала даже собственным пропагандистским и исследовательским учреждением — «политическим центром». В числе ее руководителей был Макс-Гильдеберт Бём, ныне директор Восточногерманской академии в Люнебурге. С 1920 г. Бём — один из руководителей «Учреждения по национальному вопросу», из которого впоследствии образовался примкнувший к Берлинскому университету «Институт по изучению пограничных и заграничных вопросов» (Institut für Grenz- und Auslandsstudien). После захвата власти фашистами остфоршеры активно участвуют в пропагандистской работе руководимого Оберлендером «Союза немецкого Востока», для которого они изготовляли так называемые «учебные письма».

Немалую роль сыграл остфоршунг в пропаганде фашистских идей в Германии. В 1932 г. остфоршеры Хейч и Хиллен-Цитфельд сформулировали программу экспансии, которая затем выполнялась нацистами. «Если мы хотим сохранить на Востоке немецкие государственные и национальные границы, — писали они, — то нам следует организовать, опираясь на новый немецкий склад ума, движение на Восток (Ostbewegung). Оно явилось бы предпосылкой для активизации немецкой политики на Востоке с целью упорядочения средней Европы»²⁶.

Правда, после захвата фашизмом власти в Германии отдельные остфоршеры были уволены, либо по причине их добросовестного отношения к науке и национальной политике (О. Хётч), либо по «расовым основаниям» (Р. Соломон). Но в целом, примкнув к национал-социализму, остфоршунг получил большие возможности для своего развития. В 1935 г. по заданию разведгруппы «Силезия» Институт Восточной Европы в Бреслау подготовил доклад о производственных возможностях и потребностях в сырье польской железодобывающей и сталеплавильной промышленности в случае войны²⁷. В том же году руководитель его экономического отдела, а позднее директор подчиненного СС «Ванзее института» Ахметели издал приказ, в котором говорилось: «Важнейшая задача объективного изучения экономики России состоит в отказе от использования лишь официальных, по большей части слишком общих статистических данных. Необходимо проникать в советский хозяйственный организм и изучать посредством

²⁵ G. Voigt. Ibid., S. 1793.

²⁶ F.-H. Gentzen, J. Kalisch, G. Voigt, E. Wolfgramm. Ibid., S. 1193.

²⁷ G. Voigt. Ibid., S. 1790.

индуктивного метода его внутреннее состояние, функционирование и эффективность»²⁸. Это были уже прямые директивы к шпионажу.

Руководимый Оберлендером Институт восточноевропейской экономики должен был заниматься Прибалтийскими государствами и Польшей. Судетонемецкий фашист и нацистский агент Конрад Генлейн рекомендовал создать при Лейпцигском университете «отделение по германизму в Средней и Юго-Восточной Европе». Он в следующих словах обрисовал задачи этого отделения: «Следить за экономикой и политическим положением в Судетской области и представлять в форме докладов добытые сведения правительственным учреждениям»²⁹.

В рамках остфоршунга трудились немецкие ученые, жившие не только на территории рейха, но и за границей. Последних объединял основанный в 1920 г. в Риге Институт им. И. Г. Гердера, финансировавший немецким правительством. Позднее эта задача перешла к основанному в 1933 г. «Северо- и Восточногерманскому исследовательскому обществу»³⁰, в котором сотрудничали проживавшие тогда в Польше остфоршеры из местных немцев: Люк, Латтерман, Биршенк, Брейер, Роде и др. Таким образом, как это было показано во время процесса против военного преступника Оберлендера, остфоршунг все более активно участвовал в идеологической подготовке завоевания государств Восточной Европы³¹.

Во время второй мировой войны остфоршунг полностью поддерживал фашистскую оккупационную политику. Его представители сотрудничали с Министерством по оккупированным областям Розенберга, занимаясь составлением планов рекапитализации советского сельского хозяйства (проф. Шиллер); подобно Оберлендеру они служили в фашистской разведке и в специальных учреждениях остфоршунга, в Северо- и Восточногерманском исследовательском обществе, краковском «Институте германской работы на Востоке» и Имперском университете в Познани. В докторской диссертации Руди Гогуэль (на богатом, до сих пор не использовавшемся материале — анализе всех печатных трудов этих учреждений) убедительно показал вину немецких ученых в создании нацистских представлений о «сверхчеловеке» и «культуртрегерстве», в германизации ограбленных польских территорий, оправдании расистской практики на оккупированной территории Польши, в экономическом ограблении страны, в разрушении ее культуры и в уничтожении евреев³².

Многочисленными были задачи, которые ставило остфоршерам руководство СС; с наукой это, конечно, ничего не имело общего. Так, Виттрам (сегодня профессор в Геттингене, а в прошлом заведующий кафедрой Имперского университета в Познани) получил заказ рейхсфюрера СС написать «историю» России для перебежчиков (власовцев) и насильственно включенных в состав нацистского вермахта русских военнопленных. Эта история должна была «вопреки той исторической картине (диалектический материализм), с помощью которой большевизм успешно влиял на свои массы, способствовать созданию национальных исторических концепций»³³.

²⁸ K. Michael. Querschnitt durch die Industrie Sowjetrußlands. — «Ostraumberichte», 1935, № 1, S. 70, цит по G. Voigt. S. 1790.

²⁹ G. Voigt. Ibid., S. 1791.

³⁰ Cp. Die Nord- und ostdeutsche Forschungsgemeinschaft (1933—1945) — «Informationen...», Jg. 2, № 5/6, S. 11—29.

³¹ Der Oberländerprozeß. Ibid., S. 205.

³² R. Goguel. Über die Mitwirkung deutscher Wissenschaftler am Okkupationsregime in Polen im zweiten Weltkrieg, untersucht an drei Institutionen der Ostforschung. Phil. Diss. 1964. Humboldt-Universität, Berlin.

³³ Der Reichsführer SS, SS-Hauptamt, Amtsguppe D, D 1/3 g Ostraum, Dr. B. Sch. Berlin, 26 IX 1944. Оттиск этого документа был любезно предоставлен нам д-ром А. Каминским (Западный институт в Познани).

Примечательно, что заказ рейхсфюрера СС был сделан 26 сентября 1944 г., когда советские войска, освободив свою родину, уже стояли на Висле, а в Польше, Венгрии, Болгарии и Румынии были созданы народные правительства и их армии совместно с Советской Армией изгоняли фашистских оккупантов.

Подобно первому, второй этап всеобщего кризиса капитализма непосредственно связан с материальными и человеческими жертвами второй мировой войны, развязанной и проигранной немецким империализмом, стремившимся к осуществлению своих авантюристических, захватнических планов на Востоке Европы.

В результате второй мировой войны германский империализм был значительно ослаблен. Полностью уничтоженный в одной части Германии, он был в целом отброшен значительно дальше за свои исходные позиции, чем после первой мировой войны. Если тогда реваншизм германских империалистов был направлен и против стран, в которых господствовал капиталистический строй, т. е. не всегда совпадал с антикоммунизмом, то после второй мировой войны антикоммунизм и реваншизм полностью покрывают друг друга.

Уже год спустя после Потсдамского соглашения, которое открывало перед всей Германией возможность демократического развития, Соединенные Штаты Америки — сильнейшая страна капиталистического лагеря — нарушила это соглашение. Речь государственного секретаря Бирнса, произнесенная 6 сентября 1946 г. в Штуттгарте, вдохновила германских реваншистов. В конце 1946 г. для выполнения задания статссекретаря по иностранным делам Маршалла было основано «Геттингенское научное общество восточнонемецких ученых». В нем собралась «старая гвардия» остфоршунга. Общество издало ряд пропагандистских материалов против границы по Одеру — Нейсе, использованных возникшими тогда землячествами. Остфоршунг провел значительную идеологическую подготовку раскола Германии и создания в 1949 г. сепаратного боннского государства.

Вторая фаза развития западногерманского империализма, реваншизма и остфоршунга началась с основания боннской федеративной республики, которая, согласно зачитанному Аденауэром заявлению, отказывалась признать как историческую реальность итоги второй мировой войны и установленные в Потсдаме границы Германии на Востоке. Окончилась эта фаза неудавшимся контрреволюционным мятежом в Венгрии. В этот период происходила государственная консолидация Западной Германии, началось ее вооружение. После присоединения ФРГ к НАТО усилились попытки использовать возникшие в результате культа личности трудности для фронтального наступления на социалистический лагерь. Наряду с этим расширялась система остфоршунга: возникли Немецкое общество по изучению Восточной Европы в Штуттгарте, Исследовательский совет им. И. Г. Гердера с институтом в Марбурге, институты Восточной Европы в Мюнхене и Западном Берлине, «Рабочее содружество по изучению Восточной Европы» в Геттингене (позже оно переехало в Тюбинген), эмигрантский «Институт по изучению истории и культуры СССР» в Мюнхене, «Восточногерманская академия» в Люнебурге, основаны кафедры Восточной Европы и славистики при университетах и высших школах. По выражению проф. Г. Шленгера, все это было сделано для того, чтобы иметь наготове «в момент решения проблем на Востоке армию специалистов..., способных давать квалифицированные советы ответственным лицам»³⁴. Согласно заявлению патриарха остфоршунга Г. Аубина, воз-

³⁴ H. Schlegel. Die Stellung Ost-Mitteleuropas in der deutschen Wissenschaft. — «Vergessener Osten», H. 2, der Schriftenreihe «Vergessene Wissenschaft» des «Notverbandes vertriebener Hochschulerner», Göttingen, 1952, S. 14.

рождение остфюршунга поможет избежать «роковых политических и военных ошибок в ведении войны», которые были допущены из-за незнания истории народов Восточной Европы³⁵.

В этот период западногерманские историки в своих публикациях отрицали пособничество немецкого меньшинства в Польше и Чехословакии в деле развязывания войны Гитлером, замазывали фашистские преступления в оккупированных странах и с помощью вышедших массовым изданием «Документов об изгнании» представляли как возмутительную несправедливость границу по Одеру — Нейсе, исправление которой, якобы, явится актом исторической справедливости. Судетонемецкие «специалисты» по международному праву Рашгофер и Рабль, заслужившие свои шпоры отыскиванием правовых аргументов для захвата Чехословакии еще в нацистские времена, подхватили лозунг «права на родину», призванный обосновать «право на возвращение». Но чтобы не отпугнуть союзников жуелом национализма, остфюршеры пытались представить цели германского реваншизма как «всеобщую западноевропейскую задачу»³⁶.

Лозунг «На немецкий манер должен быть перестроен весь мир», с которым немецкие солдаты сражались в первой мировой войне, был заменен лозунгом «западноевропейской миссии немецкого народа».

Новая фаза развития западногерманского остфюршунга начинается с поражения попыток контрреволюционных переворотов в Центральной и Восточной Европе и заканчивается в 1959/60 г. В это время усиливается международный авторитет и мощь Советского Союза, а также успешно осуществляется строительство социализма в европейских странах народной демократии. Прямые действия против социалистических стран заменяет политика «смягчения». Одновременно населению Федеративной Республики Германии с помощью усиленной «политической работы» прививается «иммунитет» против коммунистического влияния. Этим целям служат: «Союзный центр на службе родине» (впоследствии «Союзный центр политического образования»), «Всевропейский учебный центр» во Флото на Везере, евангелические академии, католические учреждения в Кенигштейне (Таунус). Учреждения эти щедро финансируются государством и имеют задачу привлекать западногерманскую молодежь к осуществлению реваншистских планов германских империалистов. Основанная в 1957 г. «Восточная коллегия союзного центра на службе родине», управляемая профессорами Тальгеймом, Веттером и Штеклем, играет роль координационного центра по инструктажу «мультипликаторов» (так называются распространители идеологии остфюршунга). Восточная коллегия активно участвует в «духовно-политической борьбе с международным коммунизмом» — организует курсы для учителей, журналистов, судей, чиновников, евангелических академий и католических учреждений, офицеров, руководителей молодежных организаций, промышленников, профсоюзов и т. п.³⁷. В связи с критикой западногерманского реваншизма английским историком Элизабет Уискеманн³⁸ и бывшим Верховным комиссаром США в Германии Мак Клоем³⁹, отразивших растущее нежелание англо-американцев

³⁵ H. Aubin. An einem neuen Anfang der Ostforschung. — «Zeitschrift für Ostforschung», 1952, H. 1, S. 14.

³⁶ H. Aubin. Der deutsche Osten und das Abendland. München, 1953.

³⁷ «Osteuropa. Zeitschrift für Gegenwartsfragen des Ostens». 1958, H. 2, S. 216.

³⁸ E. Wiske mann. Germanys Eastern Neighbours. Problems relating to the Oder-Neiße-Line and the Czech Frontier Regions. London — New York — Toronto, 1956.

³⁹ Предисловие к книге. H. L. Roberts. Russia and Amerika. Dangers and Prospect. New York, 1956.

подчиняться авантюристическим планам западногерманских империалистов, в лагере остфоршунга возникли разногласия. Они наглядно проявились при обсуждении книги Уискеманн⁴⁰. Для западногерманских остфоршеров настало время перестроиться и разработать новую, более современную концепцию.

Когда в ноябре 1960 г. собрались в Москве представители коммунистических и рабочих партий, они смогли констатировать, «что теперь не только в Советском Союзе, но и в других социалистических странах ликвидированы социально-экономические возможности реставрации капитализма». В заявлении этого Совещания говорится о новом этапе всеобщего кризиса капитализма, который был вызван уже не мировыми войнами, а успешной политикой мирного сосуществования. Одновременно Московское совещание указало на растущую «угрозу делу мира и безопасности народов Европы» со стороны западногерманского империализма и его агрессивных планов, направленных против социалистических стран Европы. В нем говорится, что боннское государство «стало главным врагом мирного сосуществования, разоружения и разрядки напряженности в Европе»⁴¹. Меры по безопасности, предпринятые ГДР 13 августа 1961 г., воспрепятствовали попыткам боннских ультра повторить политику 1956 г. Это обстоятельство вынудило западногерманских политиков искать новые «эластичные» методы для осуществления своих старых целей. Министр иностранных дел ФРГ Шредер в своем интервью по телевидению от 15 апреля 1964 г. провозгласил целью западногерманской политики по отношению к странам Восточной Европы «заботиться о сохранении старых отношений к Западу, содействовать известным к нему в Восточной Европе симпатиям и тем самым воспрепятствовать тому, чтобы эти страны ввиду недостаточного соприкосновения с Западом примыкали к одному лагерю». По мысли Шредера такого рода отношения должны использоваться для «постоянного политико-дипломатического и психологического наступления в интересах права на самоопределение», т. е. для ревизии границ по Одеру — Нейсе.

Дополнением к этой новой форме реваншистской боннской восточной политики «на резиновых подошвах», отличающейся от прежней политики «в подкованных сапогах»⁴², внутри остфоршунга служит «советология»⁴³. Она выражает устремления той части буржуазии, которая ввиду неудачи политической и экономической агрессии намерена сконцентрировать свои усилия на идеологической диверсии. Эта буржуазия надеется реализовать свои планы в условиях мирного сосуществования. Одновременно советология свидетельствует о все большем отступлении буржуазной идеологии. «Главная причина возникновения этой науки в том, — пишет один из ведущих западногерманских советологов, философствующий доминиканский патер, проф. Иозеф Бохенский, — что коммунизм не только представляет собой складывающийся национальный фактор в тех странах, где он пришел к власти, но и прежде всего является международным движением с очень своеобразными и, вероятно, даже единственными в своем роде характерными чертами. Он сегодня не только физическая опасность, но и духовный вызов. Не определить своего отношения к коммунизму было

⁴⁰ Сообщение о дискуссии у А. Каминского. — «Przegląd Zachodni», 1956, № 9/10, s. 28—41.

⁴¹ «Dokumentation der Zeit», № 229, S. 39; «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», М., 1964, стр. 49, 55.

⁴² G. K e g e l. Revanchepolitik auf Gummisohlen. — «Neues Deutschland», 18 IV 1964.

⁴³ Cp. E. B l a s c h e j. Einige Aspekte der Sowjetologie im Rahmen der westdeutschen Ostforschung. — «Informationen...», Jg. 4, № 2, S. 35—44.

бы не только трудно, но и просто невозможно»⁴⁴. В развитых капиталистических странах, где, по мнению советологов, притягательная сила коммунизма не столь значительна, коммунисты надеются «вступить во владение наследием пессимизма, разобщенности и морального упадка, когда наступит час экономического поражения. С этой точки зрения некоммунистический мир — неизлечимо болен». К такому пессимистическому выводу приходит коллега Бохенского, профессор Института Восточной Европы при Фрейбургском университете (Швейцария) Мюллер-Маркус⁴⁵. Известный советолог, профессор мировой экономики в западноберлинском «Свободном университете» Карл Тальгейм, в свою очередь, отмечает «притягательность экономической системы и общественного строя советского коммунизма для слаборазвитых стран в Азии, Африке и во все возрастающей степени в Латинской Америке». Также, по его мнению, не следует недооценивать «значения попыток постоянной инфильтрации» в развитые промышленные страны. Особенно опасным симптомом он считает все более распространяющуюся в широких кругах интеллигенции веру в прогрессивность коммунизма, в проводимую социалистическими странами политику мирного сосуществования и в возможность улучшения отношений между Востоком и Западом⁴⁶. Чтобы противодействовать этому процессу, который капиталистическому общественному строю кажется угрожающим, от идеологов империализма требуется обстоятельно изучить коммунизм во всех его проявлениях, а затем нейтрализовать силу его воздействия путем соответствующей контрпропаганды.

Для реализации этого требования под эгидой тогдашнего министра внутренних дел Герхарда Шредера 21 марта 1961 г. был основан в Кельне «Федеративный институт по изучению марксизма-ленинизма» (Институт советологии). Перед новым институтом была поставлена задача собирать и анализировать «научные данные, имеющие значение для борьбы между Востоком и Западом». Это включает «систематическое научное проникновение в марксистско-ленинское учение и в диалектический и исторический материализм» и «изучение мирового коммунистического движения, внутри восточного блока и за его пределами, изучение его политического и социально-идеологического развития, особо принимая во внимание проблемы развивающихся стран в Африке и Азии». Выводы должны представляться федеративным властям как отзывы экспертов, а широкой общественности в виде печатных трудов. Комплексный характер института выражается уже в составе его руководящего органа — директората, куда должны войти специалисты по «историческим, философским, правовым и государственно-правовым, а также экономическим и общественным дисциплинам»⁴⁷. В этом ученом совете собраны ведущие исследователи в области остфоршунга и антикоммунизма. Основателем института, как и председателем его директората был проф. д-р международного права Борис Мейснер (зав. кафедрой Восточного права Кельнского университета), обеспечивающий в качестве советника посольства I класса связь с министерством иностранных дел. Профессора Гюнтер Штекль (История Восточной Европы при Кельнском университете), Карл Тальгейм (проф. мировой эконо-

⁴⁴ J. M. B o c h e n s k i. Sowjetologie.— «Aus Politik und Zeitgeschichte» (далее APZ), 1962, № 11, S. 108.

⁴⁵ S. M ü l l e r - M a r k u s. Versuch oder Versuchung eine Gegenideologie. APZ, 1963, № 43, S. 3.

⁴⁶ K. T h a l h e i m. Grundzüge des sowjetischen Wirtschaftssystems. Abhandlungen des Bundesinstituts zur Erforschung des Marxismus-Leninismus (Institut für Sowjetologie). Berlin, 1962, Bd. I, S. 8—10.

⁴⁷ Bulletin des Presse-und Informationsamtes der Bundesregierung. Bonn, 15 IV 1961, № 71, S. 674.

мики в Институте Восточной Европы при Западноевропейском университете), иезуитский священник Густав Веттер, проф. философии и ректор папского «русского семинара» в Риме, составляют директорат Института.

В то время как прежнее немецкое «изучение Востока» из-за своих специфически немецко-националистических реваншистских целей существенно отличалось от изучения Восточной Европы в других капиталистических странах, западногерманская советология, включившись в ведущийся американскими идеологами антикоммунистический поход, осуществляет разделение труда с американской советологией. Специалист по историографии остфоршунга Иенс Хакер пишет, что задача западногерманской советологии состоит в пополнении историческими, философскими и юридическими анализами американских исследований, которые сконцентрированы в основном на политических, социологических и экономических аспектах⁴⁸. В связи с таким разделением труда осенью 1961 г. при Колумбийском университете в Нью-Йорке появился институт подобного же наименования⁴⁹, а в Лондоне этими проблемами занимается «Школа экономических и политических знаний» (School of Economic and Political Science), выпускающая журнал «Survey».

Западногерманский институт издает свои труды в четырех сериях: 1) Документы по исследованию коммунизма, 2) Статьи, 3) Текущие исследования, 4) Доклады по советологии.

Кроме Федеративного института специально советологией занимаются еще следующие учреждения:

1) Находящийся под покровительством министерства иностранных дел «Рабочий кружок по вопросам Востока — Запада» во главе со «знатоком» аграрной политики проф. Отто Шиллером. Этот институт издает журнал «Модерне вельт». Его постоянные сотрудники — известные остфоршеры Гарольд Лауен, Вернер Маркерт, Борис Мейснер, Георг фон Раух, Отто Шиллер, Георг Штадтмюллер и Карл Тальгейм.

2) «Немецкое общество по изучению Восточной Европы» со своими журналами «Остойропа», «Остойропавиртшафт» и «Остойропарехт».

3) «Федеративный центр политического образования» и его органы «Аус политик унд цайтгешихте», являющийся приложением к газете «Дас Парламент».

4) «Всевропейское учебное заведение» во Флото на Везере, директор которого д-р В. Гиллебрандт одновременно издатель журнала «Модерне вельт» и ученый секретарь «Рабочего кружка по вопросам Востока — Запада».

5) Общество им. Фридриха Эберта в Бонне, близкое к руководству социал-демократической партии. Оно имеет отделение, которое занимается проблемами остфоршунга и развивающихся стран и собирает материалы о влиянии социалистических государств на эти страны.

Требования, предъявляемые к советологам, широки и весьма разнообразны. Бохенский требует от них законченного университетского образования в области философии, социологии, истории, юридических и экономических наук; сверх того они должны еще три года изучать русский язык и историю, марксизм-ленинизм, историю КПСС и организационную структуру партийных организаций. Получив эту обязательную для всех советологов подготовку, каждый должен специализироваться на какой-то

⁴⁸ J. Hacker. Soviet Studies in Western Europe — Germany. — «Survey», Januar 1964, № 50, p. 115.

⁴⁹ Research Institute of Communist affairs. — «Osteuropa», 1962, Н. 3, S. 239.

определенной стране⁵⁰. Американский советолог Артур Е. Адамс требует, кроме того, чтобы советологи были постоянно в курсе всех событий советской внешней и внутренней политики и постоянно следили за советскими печатными органами «Правдой», «Известиями», и «Коммунистом», а также за китайскими органами «Хунци» и «Женьминьжибао». Кроме того, они должны уметь делать политические прогнозы и, например, по тому как стоят руководители партии и правительства во время майского парада на Красной площади, предсказывать будущую политику Советского правительства. Советологи интересуются прежде всего «людьми, делающими политику, и их борьбой за положение, престиж и власть»⁵¹. Народные массы имеют для них значение только тогда, когда они проявляют признаки недовольства «режимом» и таким образом могут быть восприимчивы к подрывной деятельности. Цель подобных исследований ясна. Она была еще несколько лет назад охарактеризована западногерманским специалистом по ведению психологической войны, бывшим полковником нацистского генерального штаба и руководителем фашистской разведки в Норвегии Эрихом Пруком. Он заявил: «Дело идет о том..., чтобы лучше узнать его (т. е. противника, социалистическое государства.— Ф. Г.), нащупать слабые места в его организме, найти там опорные точки для контрнаступления и искусной рукой заложить туда мощную психологическую мину»⁵².

Центральной проблемой, интересующей советологов, с которой прямо или косвенно связано большинство других проблем, является «изучение» программы КПСС, принятой на XXII съезде. О ней появились многочисленные работы. Критику ее предпринял Борис Мейснер⁵³. В клеветнических комментариях Мейснера политика партии внутри страны объявляется «чистой пропагандой», а основанная на принципах пролетарского интернационализма внешняя политика СССР по отношению к социалистическим странам — «русским великодержавным шовинизмом»; искренность политики мирного сосуществования берется под сомнение и как единственная реальность превозносится «равновесие атомного устрашения», которое якобы только и способно вынудить Советский Союз вести мирную внешнюю политику. Подробно комментируется и экономический раздел программы, причем с помощью заведомо неверных цифр доказывается, что СССР не в состоянии выполнить поставленные экономические задачи, построить коммунизм, а также догнать и перегнать США. При этом особенно охотно делаются предсказания о дальнейшем процессе «десталинизации» в СССР и других социалистических странах. Далее делаются попытки доказать противоречия между техническим прогрессом и естественными науками, с одной стороны, и марксистско-ленинской теорией, с другой.

Коммунистическое будущее также стало главной темой критиков партийной программы. Наряду с другими ею занимается ренегат Вольфганг Леонгард, пытающийся изобразить коммунизм в качестве неосуществимой утопии⁵⁴.

Во второй группе работ, написанных советологами, делается попытка опровергнуть марксизм-ленинизм с помощью так называемой имманентной

⁵⁰ J. M. W o c h e n s k i. Ibid., S. 409.

⁵¹ A. E. A d a m s. The hybrid of Sovietology.— «Survey». Januar 1964, p. 155.

⁵² E. P r u c k. Probleme psychologischer Kriegführung.— «Wehrkunde». 1958, H. 7, S. 358.

⁵³ B. M e i ß n e r. Das Parteiprogramm der KPdSU 1903—1961. Köln, 1963.

⁵⁴ W. L e o n h a r d. Die kommunistische Zukunftsvision. APZ, 1962, № 31, S. 1862.

критики⁵⁵ и противопоставить ему свою собственную позитивную концепцию. Но здесь они ограничиваются тем, что превозносят христианство и повторяют избитые фразы о свободе и демократии⁵⁶.

Третья группа работ посвящена проблеме, особенно близкой западно-германским империалистам, а именно влиянию коммунизма на освободившиеся от колониальной зависимости страны. В этих работах делается попытка доказать, что марксистская теория национально-освободительной борьбы и национальной демократии, а также экономическая помощь социалистических стран развивающимся странам является не чем иным, как теорией и методом политики нового колониального порабощения этих стран «империалистическим» Советским Союзом. Напротив, экономическая помощь со стороны США, Западной Германии и других империалистических стран представляется как истинно гуманная, продиктованная демократическими соображениями⁵⁷.

В четвертой группе работ, где рассматриваются проблемы коммунизма, национализма и так называемого полицентризма, делаются попытки отыскать трещины в мировой социалистической системе и представить их как закономерность. В качестве сильнейшего доказательства используются различия во взглядах коммунистических партий Советского Союза и Китая. Работы, посвященные этим проблемам, ясно показывают, что империалисты надеются извлечь для себя выгоды из разногласий в международном рабочем движении.

Если выше шла речь об оборонительных тенденциях остфоршунга и, в частности, его новейшей формы — советологии, то это не значит, что как средство влияния на массы он неопасен. Чем труднее приходится империалистическим идеологам, тем рафинированнее и утонченнее становятся применяемые ими средства. Империалистические идеологи хорошо поняли, что между империализмом и социализмом не может быть сосуществования идеологий, хотя они и пытаются использовать этот тезис как средство «размягчения» социалистических стран. Они начали против нас «духовную войну». Один из них даже объявил, что Запад может «избежать мировой войны или поражения в холодной войне, если добьется того, что Россия, советские люди, коммунистические вожди сами изменят свой образ мыслей»⁵⁸. Можно только посмеяться над такими непосильными задачами. Но для империализма это вопрос жизни и смерти. При этом его идеологи обладают большим опытом демагогической пропаганды. В этой пропаганде советологи опираются прежде всего на социальное учение католической церкви и современную американскую социологию. Они ловко используют недостатки, имеющиеся у нас в социалистическом и коммунистическом строительстве, а также в сознании наших людей. Поэтому было бы неверным и даже вредным преуменьшать значение советологии и силу оказываемого ею воздействия.

⁵⁵ G. A. W e t t e r. Die Umkehrung Hegels. Grundzüge und Ursprünge der Sowjetphilosophie. Köln, 1963.

⁵⁶ См. J. H o m m e s. Sozialismus in der Entwicklung — kommunistische und freie Gesellschaft. APZ, 1963, N 8; J. M. B o c h e n s k i. Der freie Mensch in der Auseinandersetzung zwischen West und Ost. APZ, 1963, № 23; W. R ö p k e. Die innere Bedrohung der westlichen Kultur. APZ, 1963, № 23; S. M ü l l e r - M a r k u s. Ibid.

⁵⁷ R. L ö w e n t h a l. Kommunistische und nachkoloniale Revolution. APZ, 1963, № 10; W. G r o t t i a n. Die sowjetische Wirtschaftshilfe an «bürgerliche» Regierungen Asiens in leninistischer Sicht. — «Moderne Welt», 1959, № 2; B. M e i ß n e r. Die marxistisch-leninistische Lehre von der «nationalen Befreiung» und dem «Staat der nationalen Demokratie». — «Moderne Welt», 1963, № 1. E r o ж e. Die marxistisch-leninistische Lehre von «Staat der nationalen Demokratie». APZ, 1963, № 10.

⁵⁸ S. M ü l l e r - M a r k u s. Ibid., S. 51.

Лучшей контрпропагандой было бы изучение, обобщение и популяризация опыта строительства коммунизма и социализма в СССР и других социалистических странах в такой форме, которая была бы понятна читателям из капиталистических стран.

Следует также помнить, что есть и остфоршеры, у которых накопление элементов исторической правды и объективности приводит к глубоким качественным изменениям, к коренной переоценке их собственных политических взглядов. К числу таких остфоршеров, на наш взгляд, принадлежит профессор западноберлинского университета д-р Вальтер Медер, который в октябре 1963 г. выступил на семинаре в Дортмунде за признание границы по Одру — Нейсе, как предпосылки для установления мирных отношений между Германией и Польшей. Тем самым Медер по сути дела перестал быть остфоршером. Помогать таким людям увидеть истину — одна из важнейших задач борьбы против западногерманского остфоршунга.

Д. Ф. МАРКОВ

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ РЕАЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРАХ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ КОНЦА XIX — 20-х ГОДОВ XX в.

Историко-типологическое изучение южнославянских и западнославянских литератур XX в. — одна из важнейших проблем. Между тем в наших славистических исследованиях этого периода мы все еще мало соотносим явления одной литературы со сходными явлениями других национальных литератур и с общими закономерностями мирового литературного движения. В работах же общетеоретического плана, в которых советские литературоведы стремятся к установлению этих закономерностей, опыт зарубежных славянских литератур учитывается еще крайне слабо, хотя он во многих отношениях имеет принципиальное значение. Его необходимо шире обобщать — этим мы, несомненно, будем способствовать более глубокому раскрытию общих черт всемирной литературы.

Общее и национально-специфическое — не взаимноисключающие стороны. Понятие национальной специфики в литературе связано прежде всего с образным отражением исторического своеобразия общественной жизни народа. Полнота и богатство этого отражения определяют собой богатства данной литературы, ее подлинно национальное и вместе с тем мировое значение.

Говоря о литературах западных и южных славян конца XIX — 20-х годов XX в., мы не ставим перед собой задачи — рассмотреть их сколько-нибудь систематично и полно в контексте мирового литературного процесса. Цель статьи лишь в постановке некоторых вопросов, в заострении внимания хотя бы на отдельных, по нашему мнению, очень интересных явлениях этих литератур, на присущих им характерных тенденциях, обогащающих наши представления о мировом литературном развитии.

* * *

В последние годы советские литературоведы оживленно обсуждают вопрос о своеобразии реализма в зарубежных литературах XX в. Интересны, например, споры о различных формах реалистического обобщения жизни и в этой связи — о месте и функции условных форм, о которых говорится особенно много и часто. Не анализируя здесь эти вопросы, отметим, что все еще крайне недостаточно, на наш взгляд, сказано о художественных открытиях в реализме, связанных с существенными сдвигами в его идейной базе, о тех его особенностях, в которых начинали проявляться тенденции, как бы образующие мост к новому, социалистическому искусству.

Новые социально-исторические события в XX в., изменения в общественном сознании людей — это, в сущности, главные факторы, определившие общий характер литературного развития, в том числе, разуме-

ется, и характер реализма, его поэтику. Опыт южнославянских и западнославянских литератур представляет в этой связи большой интерес.

Важнейшая общая особенность этих литератур состояла в том, что критический реализм именно в конце XIX — начале XX в. вступил в фазу расцвета (в отличие от ряда западноевропейских литератур, прошедших эту стадию ранее). Заметим, что его расцвет совпал по времени с периодом империализма, характеризующимся чрезвычайным обострением классовой борьбы, с периодом интенсивного развития социалистического движения. В творчестве писателей-реалистов отразился сложный комплекс общественных противоречий, связанных с социальной и национально-освободительной борьбой народов.

Для Чехословакии и Польши, а во многом и для Югославии, задачи национально-освободительной борьбы оставались нерешенными. Движение за национальную независимость в этих странах охватывало самые широкие слои населения. Вполне понятно, что оно находило свое отражение и в литературе: одной из характерных черт реализма был его национально-освободительный пафос. Им проникнуто творчество многих крупных писателей.

П. Кочич в своих рассказах гневно обличает произвол австрийских поработителей и с величайшим сочувствием рисует бесправную участь трудящихся родной ему Боснии. Рабское положение словенцев вызывает в душе О. Жупанчича и тревогу, и боль, и бурный протест (стихотворный сборник «Монологи», 1908). Духом непримиримости к рабству и тирании проникнуты стихи старшего современника О. Жупанчича — А. Ашкерца. Поэт призывает народные массы к активной борьбе. Он воспевает героическое прошлое Словении, обращается в своем творчестве и к героическому прошлому других народов (интересен цикл его стихов и поэм, посвященный Апрельскому восстанию против турецкого ига в Болгарии).

Национально-патриотическая тема является одной из основных в творчестве выдающегося словацкого поэта П. Гвездослава. Известно, какое большое место занимает эта тема и в песнях С. Чеха, в исторических романах А. Ирасека и др. Герои их произведений — будь то современники или деятели далекого прошлого (например, из славной эпохи гуситов) — это носители высоких освободительных идей.

Отражение борьбы против чужденационального гнета — существенная особенность творчества ряда польских писателей. С этими проблемами, несомненно, связано и развитие исторического романа в Польше¹.

Таким образом, национально-освободительный пафос был неотъемлемой чертой жизни и демократической литературы южнославянских и западнославянских стран в конце XIX — начале XX в.

Вместе с тем в литературе формировались и иные черты. Капитализм резко обнажил социально-классовые противоречия. Развивалось рабочее движение. Демократические писатели выступили на стороне народных масс, обличая классовый эгоизм буржуазии. Усиление социально-обличительных тенденций — другая важная сторона реализма этих лет. Большой размах и глубина отражения социальных условий жизни народа наблюдаются, например, в сербской реалистической литературе, в которой высокого уровня достигла сатира (Р. Доманович, С. Сремац, Б. Нушич)², в творчестве выдающихся писателей Польши (М. Конопницкая, В. Реймонт, В. Оркан и другие).

¹ См. И. К. Горский. Польский исторический роман. М., 1963.

² См. об этом: М. Б. Богданов. Сербская сатирическая проза конца XIX — начала XX века. М., 1962.

Можно говорить о том, что писатели шли к широкому раскрытию социальных отношений, как источника сложного потока человеческих чувств и переживаний; в произведениях возникали резко очерченные социальные характеры. Это вносило новые черты в реализм, в его поэтику — определяло своеобразие конфликтов, внутренний пафос произведений.

В романе В. Реймонта «Мужики» (1902—1908) дана картина социального расслоения польской деревни. Осуждая мир сельских хищников и сутяг, писатель с теплотой рисует образы крестьян-бедняков. Глубоко правдиво и ярко сходные процессы в галицийской деревне изобразил В. Оркан в романе «Батраки» (1900). Психология кулака и психология простого труженика, столкновение интересов, чувств и стремлений — все это составляет главную пружину сюжета в романе, для которого в высшей степени характерна контрастность образов и деталей. В поэме «Пан Бальцер в Бразилии» (1892—1910) М. Конопницкая рисует невзгоды и лишения крестьян, их нерадостные дни на чужбине, куда они отправились в поисках счастья, постепенное осознание ими причин собственной трагедии и нарастающее чувство протеста против социального неравенства и гнета.

Наблюдая вопиющую несправедливость общественного устройства, И. Вазов писал в 1893 г.: «Моя вознегодовавшая душа искала объяснения зла, непременно объяснения, и находила его именно в этом строе жизни, который представлялся великой неправдой...»³ Нищета крестьянства, социальная дифференциация деревни — главные темы вазовских поэтических сборников «Песни скитальца» (1899), «Под нашим небом» (1910).

Ощущение социально-классовых противоречий, резко выраженной противоположности между народом и верхами — отличительная особенность творчества абсолютного большинства славянских писателей, стремившихся осмыслить пути развития человеческого общества. В этой обнаженной социальной тенденциозности мы и видим одну из важнейших сторон развития и углубления реализма.

Обострение социального чувства у писателей вело к возникновению новых аспектов и в художественной разработке национально-патриотической проблематики. Мысль о родине соединялась с мыслью о трудовом народе как реальной силе национально-освободительной борьбы. Поэтому изображение национально-патриотических настроений неизменно сопутствовало изображению социальной жизни трудящихся.

Интересно при этом отметить стихийную тягу ряда писателей к новому классу — пролетариату. Романы А. Сташека («В мутном водовороте», 1900; «В пограничье», 1908) выделяются в чешской литературе резкой контрастностью образов: с одной стороны, буржуазных хищников, с другой — рабочих, людей высокой человеческой морали. В конце своей жизни и Ян Неруда увидел в пролетариате подлинную надежду нации. В очерке «1 Мая 1890 года» он приветствовал демонстрацию чешских рабочих. С. Чех также связывал национальное и социальное освобождение народов с выходом на историческую арену рабочего, которого он называл героем будущего.

Реализм — явление многообразное. В каждой национальной литературе существуют различные формы реализма. Их возникновение зависит от многих факторов — от своеобразия исторического периода, от проблематики творчества, от мировоззренческой и индивидуально-художественной позиции автора. Без рассмотрения внутренней (проблемно-тематической

³ И. В а з о в. Сѣбрани сѣчинения в двадесет тома. Т. 6, стр. 312.

и формально-стилевой) дифференциации в реализме нельзя в должной мере представить себе динамику литературного процесса.

Выше мы и стремились подчеркнуть своеобразие некоторых черт реализма. Сошлемся еще на пример из истории болгарской литературы конца прошлого — начала нашего столетия.

В первые годы после освобождения Болгарии от турецкого ига (70—80-е годы XIX в.) облик литературы определяла линия «героического реализма». Писатели еще жили под свежим впечатлением только что отгремевших событий. Роман И. Вазова «Под игом», цикл его поэм «Эпопея забытых», его многочисленные стихи, а также мемуары З. Стоянова «Записки о болгарских восстаниях» и др. — это произведения, проникнутые духом революционного патриотизма, высоким пафосом национально-освободительной борьбы. Им присуща героическая романтика — черта, связывающая их с реализмом эпохи национального возрождения.

С 90-х годов XIX в., в пору обострения капиталистических противоречий, реализм обретает новые черты — в нем начинают преобладать социально-обличительные тенденции; формируется направленные критического реализма, объединившее большую группу писателей (А. Константинов, И. Вазов, Г. Стаматов, С. Михайловский, Елин-Пелин, А. Страшимиров и др.). В самом критическом реализме были свои нюансы, он видоизменялся на разных исторических этапах, в творчестве разных художников.

В произведениях ряда поэтов начала XX в. (П. Славейков, П. Яворов, Д. Дебелянов и др.) сильно выражена тенденция к «чистому» психологизму. Эти поэты нередко чуждались социальной проблематики, и потому в критике к ним относились длительное время настороженно, даже зачисляли в декаденты. Между тем им принадлежит немало замечательных лирических произведений, некоторые из которых стали народными песнями. Преодолевая упрощенный подход к этой группе крупных художников, болгарский литературовед П. Зарев, анализируя их творчество, характеризовал его как «психологический реализм». Название, конечно, условное, но несомненно верной представляется попытка увидеть обособляющуюся реалистическую форму и определить ее особенности и границы.

Таким образом, необходимость тоньше дифференцировать реализм продиктована не какими-либо схоластическими требованиями, а многообразной творческой практикой художников, с которой мы не можем не считаться, если действительно хотим ее понять.

Реализм в южнославянских и западнославянских литературах характеризуется, естественно, многими национально-специфическими чертами. Здесь, однако, мы подчеркиваем в нем то общее, что явилось результатом сходства социально-исторических условий развития отдельных стран и дает более широкую возможность его соотнесения с мировым литературным процессом. Реализм в этих литературах развивался на широкой основе национально-освободительного и социально-политического движения трудящихся. Этот глубокий демократизм, с одной стороны, способствовал ослаблению позиций декадентских течений, с другой, делал литературу особенно восприимчивой к наиболее передовым идеям эпохи. Мы здесь не касаемся вопроса о борьбе писателей-реалистов против модернистских, натуралистических и иных тенденций, сосредоточивая внимание на поступательном развитии реализма.

Широкое распространение социалистических идей, характерное для конца XIX — начала XX в., оказывало благотворное влияние на творчество большого числа выдающихся демократических писателей. Влияние это было часто не столько непосредственным, сколько косвенным, далеко не всегда осознанным; тем не менее с ним связано возникновение новых важных тенденций в развитии реализма.

Ярким примером связи демократической литературы Польши с социалистическими идеями может служить творчество С. Жеромского⁴. Трудно говорить о глубоком и последовательном восприятии писателем научного социализма. Сближение было стихийным, оно выросло из общих стремлений демократически настроенного художника к социальной справедливости, шло больше от чувства, от собственных жизненных наблюдений. С. Жеромскому были свойственны и серьезные противоречия. И все же значительно углубилось его видение мира. Это нашло свое отражение в беспощадной критике капиталистического строя, в утверждении идеи неизбежного преобразования общества на иных, справедливых началах, хотя и абстрактно представляемых.

Под влиянием социалистических идей в той или иной степени находилась в конце прошлого — начале нашего века целая группа болгарских демократических писателей: П. Яворов, Елин-Пелин, А. Страшимиров, Ц. Церковский и др. Некоторые из них были прямо связаны с социал-демократической партией. Факты эти подробно описаны⁵. В чем же состоит их общий смысл?

Влияние социалистических идей прежде всего способствовало углублению социально-обличительного начала в реализме: в изображении резко противопоставленных характеров, воплощающих черты полярных общественных сил, все острее ощущалась непримиримость классовых противоречий, необходимость социальных преобразований; развивалось, обретая прочную основу, чувство исторического оптимизма — оно выросло из близости писателей к социально-освободительной борьбе трудящихся. И характерно, что в ряде произведений возник образ крестьянина-бунтаря, активно выступающего против насилия, произвола и гнета (таковы образы крестьян в рассказах Елин-Пелина, А. Страшимирова; мотивы народного недовольства и протеста звучат в произведениях М. Конопницкой, С. Жеромского и др.).

Вообще резкая социальная контрастность образов, постепенный приход к эстетическому утверждению положительных начал жизни в облике человека, выражающего социально-освободительные настроения народных масс, — это, несомненно, новаторские черты общей концепции реализма и его поэтики.

Социально-героические мотивы — новая струя в литературе конца XIX — начала XX в. Отдельные писатели-демократы подходили и к изображению совершенно нового для них героя — рабочего, социалиста. Образ передового человека — носителя социалистических идей появляется в произведениях болгарских писателей: поэта Ц. Церковского (стихотворение «Еретик», 1891), прозаика А. Страшимирова («Рассказ», 1895). Рабочий в стихах хорватского поэта С. Краньчевича — новая общественная сила, способная осуществить социальное равенство. Под влиянием русской революции 1905 г. поэт создает ряд стихотворений, полных горечи и гнева. Отрицание эксплуататорского мира сочетается в них с призывами к революции. Стихи эти публиковались в тогдашней рабочей печати Хорватии. Тема пролетариата входит в творчество и словенского поэта О. Жупанчица. В его лирической поэме «Дума» (1908) есть строки, звучащие гимном рабочему классу, взволнованно передающие надежды на будущее обновление

⁴ См. об этом: В. В и т т. О некоторых тенденциях развития реализма в польской литературе конца XIX — начала XX в. В сб.: «Славянские литературы», М. 1963.

⁵ См. об этом: Г. Ц а н е в. Начало и развой на критическия реализъм в българската литература. Славистичен сборник, т. 2, София, 1958; Д. М а р к о в. Проблема гезенеса социалистического реализма в болгарской литературе. М., 1958.

человечества. В этом плане тематически и идейно близки поэме стихотворения «Песня кузнецов» (1910), «Песня гвоздильщиков» (1912) и др.⁶

В реализме XX в., следовательно, происходили симптоматичные изменения. Они выражались и в предельно остром развитии социально-критического начала, доведенного до полного отрицания буржуазного общественного строя, и в изображении нарастающего протеста народных масс — в формировании социально-героического пафоса литературы, и, наконец, в первых попытках художественного освоения социалистической действительности. Тяга реализма к новым идейным горизонтам, к социализму — важнейшая тенденция литературного развития эпохи: в ней как бы утверждалась внутренняя необходимость возникновения социалистической литературы.

Это один из центральных вопросов генезиса социалистического реализма. И задача состоит в том, чтобы, кропотливо накапливая факты, все шире и шире раскрывать картину исключительно важного процесса, показывать, как в демократической литературе конца XIX — начала XX в. возникали тенденции нового, как они начинали менять характер реализма, превращая его в своеобразную переходную форму из одного качества в другое.

Необычайно яркой фигурой, как бы воплощавшей в себе этот процесс перехода, был Петр Безруч. Условия жизни сблизили его с рабочим классом — он стал певцом силезских шахтеров. И хотя марксизм не был его идеологией и у нас нет оснований говорить об усвоении им мировоззрения революционного пролетариата, поэт объективно выступал как выразитель новых тенденций в общественной жизни Чехии конца XIX — начала XX в. Сборник «Силезские песни» (1909) раскрывает социальную трагедию трудящихся, нарастание их стихийного протеста и борьбы. Недаром Безруч подвергался преследованиям со стороны властей. Не только рабочая проблематика, но и мотивы пролетарской солидарности, ощущение силы класса, поднимающегося на борьбу, делают поэзию Безруча новым явлением в чешской литературе на рубеже веков — «она была как бы связующим звеном между реалистической демократической поэзией XIX в. и нарождающейся пролетарской поэзией»⁷.

При исследовании истоков социалистического реализма в мировой литературе нам дороги все факты этого большого процесса. Очень важно здесь изучение ранней пролетарской литературы. А она была довольно сильно развита в южнославянских и западнославянских странах. В Чехословакии — это и первые поэты-социалисты 80-х годов (Л. Запотоцкий, Б. Пецка, Н. Зоула и др.) и второе поколение пролетарских поэтов конца XIX — начала XX в. (А. Мацек и Й. Крапка-Находский), в Югославии — это, например, деятельность марксистского критика Д. Поповича, поэтическое творчество К. Абрашевича, творчество прозаика и поэта И. Цанкара. Огромной популярностью пользовались песни, созданные первыми польскими социалистами: «Варшавянка» В. Свендичкого, «Красное знамя» Б. Червенского, «Тюремная мазурка» Л. Варынского и др. Они стали революционными маршами.

Особенно характерен процесс развития ранней пролетарской литературы в Болгарии. Там уже в 90-х годах прошлого — начале нашего столетия возникло течение этой литературы. Его развитию благоприятствовали общественно-политические факторы. Марксистское крыло во главе с

⁶ См. статью М. И. Рыжовой в сб. «Развитие зарубежных славянских литератур в XX веке». М., 1964.

⁷ А. П. Соловьева. Петр Безруч. — «Очерки истории чешской литературы XIX—XX веков». М., 1963, стр. 332.

Д. Благоевым в Болгарской социал-демократической рабочей партии и затем марксистская партия «тесных социалистов», образовавшаяся в 1903 г. после разрыва с «широкими социалистами», проводили последовательно революционную линию. Партия тесняков не была в плену оппортунистически-реформистской идеологии II Интернационала; несмотря на свои ошибки, она во многом была близка позициям, отстаиваемым русскими социал-демократами во главе с В. И. Лениным, и это делало ее активной силой, способствовавшей формированию в рабочем движении революционно-социалистической идеологии.

В такой идейной атмосфере выростала новая, пролетарская литература. Ее представляла большая группа литераторов, среди которых выделяются: в поэзии — Д. Полянов, в прозе — Г. Кирков, в критике — Д. Благоев. Изучение этого этапа пролетарской литературы Болгарии имеет не только национальное, но и более общее значение.

Здесь нет надобности конкретно анализировать отдельные произведения. Подчеркнем только некоторые особенности, с которыми связаны общие закономерности становления социалистических литератур. В творчестве пролетарских писателей ясно прослеживается начало художественного утверждения новой концепции человеческой личности. В литературу вошел человек с новым строем мыслей, чувств, переживаний, пропагандист и защитник идей социализма. То, что у критических реалистов проявлялось лишь как тенденция, часто не вполне осознанная, здесь превратилось в целостное мировосприятие. Герой открыто декларирует свою связь с революционной борьбой пролетариата, видит закономерности и перспективы общественного развития. Именно эта глубокая убежденность явилась источником того революционно-героического пафоса, который вообще составляет главнейшую особенность социалистической литературы.

Конечно, эти новые эстетические принципы выражались поначалу слабо, развивались постепенно, по мере развития революционного движения пролетариата. Но уже в первых ростках заключены типологические черты, необычайно важные для понимания того, как постепенно складывалось и утверждалось самое передовое искусство нашей эпохи — социалистический реализм.

Значение опыта южнославянских и западнославянских литератур для понимания некоторых общих закономерностей развития социалистического реализма в мировой литературе особенно возрастает в период после Октябрьской социалистической революции. В чем же именно состоит это значение?

Ныне уже никто не утверждает, что социалистический реализм возможен только после победы социалистической революции. Однако вопрос о его конкретной периодизации в зарубежных литературах требует еще дополнительной разработки. В этой связи представляется методологически важным уточнение этапов генезиса социалистического реализма.

До недавнего времени в советском литературоведении высказывалась точка зрения, согласно которой формирование нового метода в зарубежных литературах связывалось только с тридцатыми годами. Причем, как нам кажется, смешивались разные вопросы: становление метода и возникновение широких направлений новой литературы, проявление социалистического реализма в небольшом числе отдельных стран и более массовое его распространение во многих странах. Инерция этих взглядов, пожалуй, не преодолена полностью до сих пор: существует известная недооценка социалистической литературы двадцатых годов — о новом применительно к этим годам говорят весьма ограничительно, без должного раскрытия действительной сущности новаторских явлений, как бы с оглядкой на то, чтобы не нарушать представления о поворотном значении

тридцатых годов; где-то подспудно все еще чувствуется тенденция к выравниванию происходящих в разных странах процессов, в результате чего пропадает многообразная картина их реального развития.

Как всякое общественное явление, социалистический реализм формировался отнюдь не внезапно и, конечно, не одновременно в разных литературах, тем более не по единому эталону. Это был сложный, неравномерный процесс, в котором нашло отражение историческое своеобразие условий общественной жизни в разных странах.

В авангарде социалистической литературы мира шла, разумеется, советская литература. Вместе с тем и в некоторых литературах капиталистических стран 1910—1920-х годов мы наблюдали такие явления, которые можно характеризовать как социалистический реализм. Вспомним хотя бы таких выдающихся революционных писателей, как А. Барбюс, М. Андерсен-Нексе, Джон Рид. В то же время очень глубокие сдвиги совершались в ряде литератур Центральной и Юго-Восточной Европы.

В чешской, болгарской, венгерской, польской, югославских литературах в 20-х годах выдвинулась целая плеяда крупных писателей революционно-социалистических убеждений. Притом в отдельных странах, например в Чехословакии, Болгарии, Польше, образовались сильные течения пролетарской литературы, в лоне которых, на наш взгляд, уже тогда утверждались основные эстетические принципы социалистического реализма.

Не станем здесь характеризовать историческую обстановку и излагать факты, свидетельствующие о возникновении этих течений, о характере творчества каждого их представителя, о периодических изданиях, вокруг которых группировались писатели, и т. д. Все это подробно изложено в ряде исследований по отдельным национальным литературам⁸. Опираясь на такие исследования, можно обозначить некоторые общие черты становления социалистических литератур.

В пролетарских литературах 20-х годов складывалась новая эстетическая концепция, ядро которой составлял принцип коммунистической партийности. В области художественной практики этот процесс проявлялся в тяготении к непосредственному изображению революционного народа, в создании образа наиболее передового человека эпохи — пролетарского революционера; в области мировоззренческой он приводил к формированию у художников нового, подлинно революционного взгляда на жизнь, который только и позволяет достичь глубочайшей правдивости в раскрытии центральных проблем эпохи, всего многообразия действительности. Уже тогда этот процесс получил и свое теоретическое обоснование.

В 20-х годах выступало много видных марксистских критиков: в Болгарии — Г. Бакалов; в Чехословакии — С. Нейман, И. Волькер, Э. Уркс; в Польше — Я. Гемпель, А. Ставар; в Югославии — С. Косовел и др. В своих работах они выдвинули и стремились решать теоретические проблемы развития социалистических литератур.

В противоположность буржуазному эстетству и индивидуализму они выступили с программой отражения в литературе интересов революционного пролетариата, отстаивали мысль о необходимости теснейшей связи литературы с революционным движением трудящихся, с коммунистическими идеалами. Иржи Волькер уже в начале 20-х годов писал: «Наша идея коммунистическая, как и наша тенденция»⁹. И, конечно же, не слу-

⁸ Назовем, например, книгу «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян». М., 1963.

⁹ И. В о л ь к е р. Избранное. М.— Л. 1949, стр. 140.

чайно марксистская критика этих лет уделяла столько внимания проблеме нового положительного героя, в котором видела носителя коммунистических идей, человека новой морали.

Рассмотрение творчества пролетарских писателей и критиков 20-х годов убеждает в том, что многогранное ленинское содержание партийности литературы открывалось и утверждалось ими не сразу и не во всей полноте. В те годы, например, далеко не все достаточно глубоко воспринимали критерий классовости искусства, нередко были случаи его упрощенного толкования. Особенно отчетливо это проявилось в отношении к культурному наследию прошлого. Ошибки сектантского характера были свойственны, например, в Польше А. Соколич, В. Вандурскому, в Болгарии — Г. Бакалову и др. Огромную роль в преодолении этой узости сыграло знакомство с трудами В. И. Ленина, намечавшими подлинные пути строительства социалистической культуры.

Свидетели и участники революционного движения широких народных масс, пролетарские писатели и критики отстаивали классовую солидарность трудящихся, силу и величие революционного коллектива, и в этом состояла одна из глубоко новаторских черт новой литературы. Но они поначалу далеко не всегда ясно представляли себе взаимосвязь общественного и личного; справедливо восставая против буржуазно-индивидуалистического психологизма, нередко впадали в крайность — отказывались от изображения внутреннего мира человеческой личности; подчеркивая то большое место, какое занимала и, естественно, должна занимать в пролетарской литературе политическая проблематика, они в то же время недооценивали интимную лирику.

Эти ошибки роста в какой-то мере были присущи, например, С. Нейману и некоторым другим писателям. Однако тут же следует отметить, что сами представители пролетарской литературы стремились преодолеть узкое понимание коммунистической партийности. Еще в 1920 г. Й. Гора писал: «И произведение, проникнутое чистейшей лирической мечтой, а иногда именно оно, может передать новую атмосферу, выразить эстетические и моральные качества нового мировоззрения»¹⁰. Весьма характерно и высказывание Г. Бакалова, писавшего в 1922 г.: «...Поэзия пролетариата не означает переложения в стихах партийной программы и лозунгов. Она означает образное воссоздание целого нового мира чувств и идей, воодушевляющих пролетариат в его эпической борьбе»¹¹.

Характеризуя формирование национальных социалистических литератур, уже в то время вносящих свой вклад в становление новой эстетической концепции в мировой литературе, следует иметь в виду как критику и теорию, так и практику этих национальных литератур. Это тем более важно, что в самом художественном творчестве писателей новые эстетические принципы выражались нередко и полнее и последовательнее, чем в критике, которая приходила к более широкому обобщению фактов несколько позднее.

Пролетарские литературные течения в Чехословакии, Болгарии, Польше были представлены в 20-х годах, как уже указывалось, большими группами художников. Назовем хотя бы только некоторых, — например, Иржи Волькера, Станислава Неймана, Христо Смирненского, Владислава Броневского. Каждый из них — яркая художественная индивидуальность, у каждого — свой путь творческого развития. В то же время через конкретно-индивидуальное и национальное преломляются общие черты.

¹⁰ Й. Г о р а. Poesie a život. Praha, 1959, s. 20.

¹¹ Г. Б а к а л о в. Избрани произведения. София, 1953, 347.

Как показали исследователи, для всех этих поэтов характерны преемственные связи с демократической литературой прошлого. Они опирались на лучшие традиции этой литературы, утверждая тем самым одну из важных особенностей становления нового искусства. И вместе с тем все они — поэты-новаторы.

Ни одно из литературных течений 20-х годов в этих странах не понималось до такого широкого воспроизведения революционного подъема эпохи, какое мы находим в творчестве пролетарских писателей. Они впервые в своих литературах создали образы революционного коллектива, нарисовали картину роста социалистической сознательности масс (стихотворения «Толпы», «Мы», «Углекоп» Х. Смирненского; «Проснитесь, массы!» С. Неймана и др.). В произведениях И. Волькера («Баллада о сне», «Баллада о глазах кочегара» и др.), Х. Смирненского («Иоганн», «К. Либкнехт» и др.), С. Неймана («Роза Люксембург»), В. Броневского («Элегия на смерть Людвика Варынского») нарисован облик нового героя — пролетарского революционера, человека осознанных и активных действий. Притом образ героя раскрывается не только в общественно-политическом, но и в нравственно-психологических аспектах. Тем самым получала свое практическое разрешение одна из важнейших проблем художественного творчества — проблема соотношения общественного и личного; пролетарская литература шла к гармоническому изображению человеческой личности, героя нового типа, и это было ее крупнейшим, подлинно новаторским завоеванием.

Революция не требует отказа от личного, его противопоставления общественному. Пролетарские писатели шли к пониманию и утверждению слитности этих двух начал. Тем убедительнее раскрывалось ими величие социалистических идей — как исповедь души, как взволнованное человеческое размышление и переживание. Яркий пример тому — лирические стихи Смирненского, Волькера и особенно лирика Броневского в сборниках «Дымы над городом», «Печаль и песня».

В пролетарских литературах 20-х годов могут быть отмечены и другие общие черты. Интересен, например, последовательно развивавшийся процесс эстетического освоения новой социальной действительности — движение от революционно-романтических форм к широкому реалистическому изображению общественной жизни; характерно также и совершенно очевидно на том этапе преобладание жанров поэзии.

В 30-х годах фронт социалистического реализма значительно расширился: крупные произведения создаются в словацкой литературе (творчество П. Илемницкого), возникает «социальный реализм» в югославских литературах; новых завоеваний добиваются чешские писатели; в польской и болгарской литературах новый художественный метод уже проявляется не только в поэзии, но и в прозе. Вообще в это время социалистический реализм становится важнейшим направлением мировой литературы. По отношению к его новому качеству социалистическая литература 20-х годов сохраняет значение первоосновы, начального этапа, в котором выявились существенные типологические особенности процесса формирования нового искусства.

* * *

В западнославянских и южнославянских литературах первой трети XX в. есть немало других явлений, значение которых выходит за пределы одной национальной литературы. Они заслуживают специального анализа. В заключении этой статьи хотелось бы обратить внимание на некоторые из них.

Известно, какое большое место занимает художественная условность в литературах XX в. Проблема эта вызывает острые споры. Для ее решения важно опираться на классические примеры, на наиболее характерные факты, глубоко и полно представляющие данное явление. В этой связи невозможно обойти творческий опыт таких выдающихся писателей, как например, К. Чапек. В последнее время о нем появились работы, содержащие интересные наблюдения. И все же остается задачей широкое рассмотрение его богатого художественного наследия с точки зрения специфики образного обобщения и других особенностей, связанных с важными тенденциями общеевропейского литературного процесса.

Весьма актуален и вопрос о соотношении и перспективах развития различных художественных течений в XX в. То, что произошло, например, с болгарским символизмом, отражает характерные изменения в литературном движении эпохи. Как школа он распался после первой мировой войны. Путь Л. Стоянова, Х. Ясенова и других художников от символизма к революционной литературе дает возможность конкретно и убедительно раскрыть борьбу и исторические судьбы двух эстетических систем — модернизма и реализма.

Принципиально важен вопрос о так называемых левых течениях 20-х годов и в этой связи — о чешском авангардизме, по поводу которого не случайно и в наши дни все еще не стихают споры. В поисках верного решения литературоведы отбросили схематичный, недифференцированный подход к литературе. Не все можно делить только на черное и белое. Взгляд на авангардизм как на явление противоречивое позволяет увидеть в нем, с одной стороны, влияние модернистских концепций, с другой — черты, связывающие творчество крупных художников-авангардистов с социалистической литературой эпохи.

Много нового несет в себе критический реализм в период межвоенного двадцатилетия. Чрезвычайно знаменательны происходившие в нем процессы, связанные, например, с антифашистским движением, характерен и процесс постепенного перехода крупнейших демократических писателей на позиции социалистического реализма, и т. д.

Явления разных литератур отличаются национальной спецификой; вместе с тем в них выражены, иногда очень сильно, общие черты. Анализ этих явлений, их историко-типологического сходства, несомненно, будет способствовать расширению наших представлений о закономерностях развития всемирной литературы.

О РАЗЛИЧИЯХ МЕЖДУ ДВУМЯ ВАРИАНТАМИ СЕРБСКО-ХОРВАТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

При изучении литературных языков и их истории значительный интерес представляет исследование дивергентных процессов, которые по разным причинам возникают в литературном языке и приводят к формированию двух или нескольких вариантов (разновидностей) этого языка (английский язык в Великобритании, США и некоторых других странах, испанский в Испании и в государствах Латинской Америки). Среди славянских языков функционирует в двух разновидностях сербско-хорватский литературный язык. Появлению этих разновидностей способствовали специфические условия исторического развития сербов и хорватов. Миную эту большую и сложную тему, напомним лишь, что до 1918 г. Сербия и Хорватия были разделены государственной границей. «Вне всякого сомнения, между двумя центрами, которые в течение долгого ряда не лет, а веков развивались обособленно, должны существовать различия, особенно в лексике», — писал А. Белич¹. Эти различия дают лингвистам основание говорить о двух вариантах литературного языка. Один из них именуется западным, хорватским или загребским, другой восточным, сербским или белградским. «Следует примириться с фактом, — заявляет Л. Йонке, — что в едином литературном языке имеются две нормы, не только лексические, но в какой-то мере и стилистические»².

То, что сербско-хорватский литературный язык функционирует в двух вариантах, известно давно. Однако сами языковые расхождения, характеризующие оба варианта, исследованы слабо. Изучение этого вопроса осложнялось преходящими политическими обстоятельствами. Видные лингвисты ограничивались настойчивым декларированием единства литературного языка сербов и хорватов. С другой стороны, известны факты тенденциозного преувеличения существующих языковых расхождений. В 1940 г. П. Губерина и К. Крстич издали книгу «Различия между хорватским и сербским литературным языком», которая открывается вопросом: «Почему мы можем говорить об особом хорватском литературном языке?». Эту книгу отличает весьма вольное обращение авторов с лингвистическим материалом. Ошибочность или неточность некоторых конкретных положений П. Губерины и К. Крстича будет показана ниже.

В прошлом лингвисты обращали внимание преимущественно на различия в лексике и словообразовании. Существует несколько списков таких расхождений. Эти списки далеко не всегда надежны, главным образом потому, что выбор материала обычно диктовался индивидуальным языковым восприятием составителя списка. Между тем есть хорошие источники, позволяющие объективно изучать лексические расхождения. Ценный материал дает сравнение параллельных переводов. Вот два отрывка из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», изданного в Белграде (Сербия) и в Загребе (Хорватия):

¹ А. Б е л и ч. Око нашег књижевног језика. Београд, 1951, стр. 238.

² Lj. Ј о н к е. Specificnosti u normiranju hrvatskosrpskog književnog jezika. «Jezik» god. XII, 1, 1964, s. 4.

Све срећне породице личе једна на другу, свака несрећна породица несрећна је на свој начин³.

Био је петак и у трпезарији је часовничар Немац навијао сат.

То, что выбор лексикки в этих изданиях не случаен и отражает языковые различия между белградским и загребским центрами, подтверждает лексикография. В русско-сербско-хорватских словарях находим следующее:

Лексемы, переведенные различно в двух изданиях романа

семья
счастливый
столовая

часовщик

М. С. Московљевић. Речник руског и српскохрватског језика. Београд, 1963

породица
срећан
трпезарија

часовничар, сајдија

Р. Ф. Пољанец и С. М. Мадатова-Пољанец. Руско-хрватскохрватски рјечник. Загреб, 1962

обител, породица
сретан
ручаоница, благоваоница, трпезарија
урар, часовничар

В таблице выделены те слова, которые фигурируют в переводах З. Велемирович и С. Краньчевича. М. Московлевич помещает только слова, которые находим в переводе З. Велемирович. Р. Полянец, правда, дает и лексемы, которые имеются в сербском переводе и у М. Московлевича, но эти слова не стоят на первом месте, они приводятся п о с л е лексем, свойственных хорватскому переводу романа.

Стабилизации двух языковых вариантов способствует узаконенная адаптация массовых текстов. «... Только писателям и научным работникам мы оставили право неприкосновенности их литературного текста», — пишет Л. Йонке⁵. Газета «Борба», выходящая в двух изданиях — белградском и загребском, редактируется в соответствии с принятыми в Сербии и Хорватии нормами. Приведем один пример. В текстах речи югославского государственного деятеля В. Влаховича, опубликованной 4 июня 1963 г., имеются следующие типичные разночтения:

а) различные рефлексы ѓ (ћ): белградское издание — *волео, захтев, пре* и др.; загребское издание — *волио, захтјев, прије* и др.

б) лексические различия: белградское издание — *ваздушни, учествовати, хиљада*; загребское издание — *зрачни, судјеловати, тисућа*;

в) словообразовательные различия: белградское издание — *одбрана, организовати, сарадња, шпански*; загребское издание — *обрана, организирајути, сурадња, штањолски*;

г) различное оформление отдельных заимствований: белградское издание — *милион, историја, Марсель*; загребское издание — *милијун, хисторија, Марсеј*.

Актуальной лингвистической задачей является выявление и анализ грамматических различий. «... Какое бы второстепенное значение они ни имели, — пишет М. Ивич, — такие различия следовало бы тщательно регистрировать в наших грамматиках. Мы должны избегать опасности одностороннего освещения языковой реальности»⁶.

Морфологические и синтаксические расхождения значительно менее заметны, чем лексические. Сербы и хорваты пользуются одним и тем же

³ Л. Толстој. Ана Карењина. Превела З. Велемировић. Београд, 1956.

⁴ L. Tolstoj. Ana Karenjina. Preveo S. Kranjčević. Zagreb, 1946.

⁵ Lj. Jonke. Ibid., p. 3.

⁶ М. Ивич. Данашњи аспекти проучавања српскохрватског књижевног језика. «Матица српска. Зборник за филологију и лингвистику», књ. IV—V, Нови Сад, 1961—1962, стр. 115.

инвентарем морфологических единиц. Однако литературная норма сербско-хорватского языка еще не вполне стабилизировалась. Об этом свидетельствуют многочисленные колебания в склонении и спряжении, допускаемые официальной орфографией. Распределение и фактическая употребительность отдельных морфологических (и словообразовательных) вариантов ждут специального исследования.

Наблюдение над современными литературными текстами показывает, что распределение морфологических вариантов прямо связано в некоторых случаях с существованием двух разновидностей сербско-хорватского языка. Значительные колебания известны, например, в оформлении родительного падежа множественного числа существительных женского рода. Если основу существительного замыкает группа согласных (*tt*), в родительном падеже множественного числа возможны три варианта: *-tata*, *-tta*, *-tti*. Для некоторых слов допускаются тройные формы (*кугла: кугла, кугли, кугала; мајка: мајки, мајка, мајака; палма: палма, палми, палама* и др.)⁷. В грамматиках сербско-хорватского языка мы не найдем четких правил, разграничивающих употребление вариантов *-tta* и *-tti*. А. Белич полагал, что формы с окончанием *-i* постепенно вытесняются формами с *-a*⁸.

Однако факты из произведений современных авторов не подтверждают мнения А. Белича. В применении вариантов *-tti* и *-tta* обнаруживаются различия между двумя разновидностями литературного языка. Ниже приводится табл. 1, демонстрирующая употребление вариантных форм родительного падежа множественного числа в произведениях двенадцати сербских и хорватских писателей. Таблица содержит две группы существительных с основой на два согласных. Первая группа состоит из отглагольных существительных с суффиксом *-ња*; во вторую входят слова на *-ња* иного образования. Родительный падеж множественного числа типа *-tta* обозначен в таблице как *a*, типа *-tti* как *i*, типа *-tata* как *aa*. В языке одного писателя возможны колебания, они отражаются в табл. 1 как *a/i*, *a/aa*. В целях экономии места не даны ссылки на соответствующие тексты. Исползованные издания будут перечислены в специальной работе о вариантных формах родительного падежа множественного числа.

Материал табл. 1 не нуждается в большом комментарии. Очевидно, что отглагольные и неотглагольные существительные на *-ња* образуют формы родительного падежа множественного числа по-разному. Первые выступают в вариантах *-tti* и *-tta*, причем вариант *-tti* характерен для сербской разновидности литературного языка, а вариант *-tta* для хорватской. У существительных второй группы формы родительного множественного образуются преимущественно по типу *-tata* в обеих разновидностях литературного языка.

В условиях, когда писатели привносят в литературный язык более или менее заметные локальные языковые особенности, важнейшее значение получает широкий подбор объектов лингвистического анализа. И. Попович опубликовал работу о распределении вариантов творительного падежа единственного числа существительных женского рода на согласный (*ствар* — тв. п. *стварју* и *ствари*; *кост* — тв. п. *кошћу* и *кости*). Он обнаружил, что у существительных с суффиксом *-ост* форма творительного падежа образуется, как правило, с помощью флексии *-ју* (*храброст* —

⁷ См. Правопис српскохрватскога књижевног језика са правописним речником. Нови Сад — Загреб, 1960.

⁸ А. Б е л и ч. Грамматика српскохрватског језика за други разред средњих и стручних школа. Београд, 1932, стр. 87.

Т а б л и ц а 1

Лексемы	Сербские писатели						Хорватские писатели					
	И. Андрич	Б. Чоич	Д. Чосич	Д. Костиц	И. Секулич	М. Попович	М. Крлежа	В. Назор	В. Десница	А. Цесарец	Р. Маринкович	М. Матич-Халле
I	градња 'стройка'			a						a/i		
	новоградња 'ново-стройка'						a			i		
	жудња 'желание, страсть'			i					a			a
	кретња 'движение'		i						a	a		a
	патња 'страдание'	i	i	i	i		i	a	a	a		a
	претња 'угроза'	i/a								a	a	
	радња 'действие; магазин'	i/a		i	i	i			a	a		
	слутња 'предчувствие'	a/i	i		i	i		a				
	сметња 'помеха'							a				a
	сумња 'сомнение'	a	i									a
	тежња 'стремление'	i/a			i/a		i	a				a
	чежња 'страсть; тоска'						i	a				a
шетња 'прогулка'	a/i	i				i					a	
II	вишња 'вишня'			aa	aa							
	крошња 'крона дерева'	aa	aa		aa		a/aa	a		aa		aa
	сукња 'юбка'			aa			aa			aa		aa
	трешња 'черешня'	aa	aa	aa			aa		aa			

храброшћу)⁹. Это наблюдение в значительной мере верно, но только в отношении сербских писателей, текстами которых пользовался И. Попович. Обращение к хорватской литературе заставляет внести коррективы в установленное И. Поповичем правило; ср.: за мојом крхком *старости* (И. Горан Ковачич); над грубом силом и *глупости* (В. Назор); над властитом *стидливости*, са љупком *срамежливости* (В. Десница); засуте душе болом, *гадости* и страхом (М. Матич-Халле).

Последовательное изучение современных текстов открывает не только частичные расхождения внутри литературного языка, оно позволяет исправить некоторые ошибочные представления о языковых различиях. П. Губерина и К. Крстич утверждали в упомянутой выше книге, что «существуют различия в окончаниях множественного числа. Хорватский литературный язык имеет формы *гријеси, звијери, шагови*, а сербский *грехови, зверови, шви*»¹⁰. Тут же они уточняли, что у хорватов существительное

⁹ И. Попович. Инструментал именица женског рода на сугласник. «Наш језик», нова серија, књ. III, св. 7—8, 1952, стр. 277.

¹⁰ P. G u b e r i n a, K. K r s t i ć. Razlike između hrvatskoga i srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1940, s. 35.

звјер женского, а у сербов *звер* мужского рода. Литературные тексты показывают несколько иное состояние. Верно, что для хорватских писателей типичны формы *гријеси*, родительный падеж *гријеха* и т. п. Однако у М. Крлежи наряду с ними находим и *гријехови*. Неправильно приписывать сербским авторам только расширенные формы множественного числа типа *грехови*. В сборнике Б. Чопича «Дјечак прати змаја» (Београд, 1956) находим: *гријехе* (вин. п. мн. ч.) и *гријехова* (род. п. мн. ч.). У Д. Чосича в романе «Корени» также встречаем колебания: *грехе*, *гресима* и *грехове*, *грехова*. У существительного *звер*, *звјер* колебания рода и в зависимости от этого различия в склонении фиксируются в обоих вариантах литературного языка. И. Андрич и М. Крлежа употребляют это слово то в мужском, то в женском роде. Сербский прозаик С. Яковлевич пишет *рањена звер*. У М. Поповича находим вин. п. мн. ч. *дивље звери*. Можно сказать, что на востоке *звер* все-таки чаще фигурирует в мужском роде (мн. ч. *зверови*), а на западе в женском роде (мн. ч. *звјери*). Более строгого разграничения дать, видимо, невозможно. Неточно определено и употребление форм *шавови* — *шви*. По мнению авторов книги, формы с *-ов-* характерны лишь для западного варианта сербско-хорватского языка. Ср., однако, у И. Андрича: *Болео га је додир поруба и шавова* («Травничка хроника»).

Заметные различия между двумя вариантами литературного языка существуют в образовании и употреблении некоторых глагольных форм.

При чтении сербских текстов создается впечатление, что одна из форм сослагательного наклонения, названных в классической грамматике Т. Маретича¹¹, утрачена в сербском варианте. Образования типа *био бих чувао* (наряду с более частым *чувао бих*) отмечены Маретичем в текстах Вука Караджича, но у современных сербских литераторов они встречаются исключительно редко. Для восточного варианта сербско-хорватского языка это архаизм. Во многих грамматиках такие формы даже не упоминаются. Однако хорватские писатели нашего времени активно пользуются ими. В сборнике Р. Маринковича «Под балконима» (200 стр. текста) встречается девять примеров. Такие формы нередко встречаются и у М. Крлежи (например: *Краљевић можда и не би био на све то реагирало...*, да није био још од јутра особито надражен).

Яркие примеры таких различий дают параллельные переводы. Формам сослагательного наклонения типа *био бих чувао* в загребском издании «Анны Карениной» соответствуют формы типа *чувао бих* в белградском издании. Ср.:

Загребское издание

Крист не би био никак рекао оних рјечи, да је знао, како ће их злоупотребљавати.

Да је могао чути, шта су говорили њезини родитељи ту вечер..., био би се врло зачудио и не би томе вјеровао.

Белградское издание

Христос никад не би казао те речи да је знао колико ће их злоупотребљавати.

Да је нешто могао чути о чему су разговарали њени родитељи то вече..., он би се веома зачудио, и не би томе поверовао.

Сослагательное наклонение типа *био бих чувао* — не единственный пример следующего соотношения: «живое явление в хорватском варианте литературного языка — архаизм в сербском». Эволюция грамматических форм и различных конструкций на востоке страны происходит стремительнее и последовательнее, чем на западе.

Известно, что в 3-м лице единственного числа перфекта возвратных глаголов вспомогательный глагол *је* опускается (*чувао је*, но *бојао се*).

¹¹ Т. Маретич. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. 3 izd. Zagreb, 1963, s. 298.

У Вука Караджича и Д. Даничича встречается еще довольно много примеров с сохранением *je*, например, *он се је сада сакрио*¹², но в произведениях современных сербских писателей нет форм такого типа. В хорватских текстах также господствуют образования без *je*, но встречаются и примеры с *je*: *Град се је ту завршио* (А. Цесарец); *Смијао се, јер се је студио плакати* (А. Цесарец); *Стара се је купала* по два пута дневно (М. Крлежа); *Ту се је одвијала* једна игра над гробовима и око гробова (М. Крлежа).

Интенсивнее, чем в западном варианте литературного языка, происходит на востоке процесс вытеснения инфинитива конструкцией «*да + + настоящее время*». Инфинитив почти полностью утрачен восточносербскими говорами. В центральных диалектах инфинитив и конструкции с *да* сосуществуют, а некоторым западным говорам конструкция с *да* не свойственна. Литературный язык не знает столь резких колебаний. Конструкцию с *да* употребляют и сербские и хорватские писатели, однако частота ее использования не одинакова на востоке и на западе.

Инфинитив утрачивается в определенной последовательности. Рано исчезает финальный инфинитив. Й. Вукович специально отметил в одной из своих грамматик, что инфинитив, выражающий цель при глаголах движения, неприемлем для хорошего литературного стиля¹³. У сербских писателей в финальной функции используется только конструкция с *да*. В отношении хорватских текстов можно говорить лишь о *п р е о б л а д а н и и* конструкции с *да*, так как финальный инфинитив еще нередко встречается. Ср.: *Грађани су их сигурно угледали издалека, да се дижу дочекаати* камарленга (В. Назор). Наряду с этим: *Камарленго бија-ше баш устао да пође* к Јожи (он же).

Последовательную замену финального инфинитива в восточном варианте литературного языка и сосуществование инфинитива и конструкции с *да* при выражении цели в западном хорошо иллюстрируют параллельные отрывки двух переводов «Анны Карениной».

Белградское издание

Грофица се диже *да иде*.
Вронски и Степан Аркадијевић пођоше
за светом *да дознају* појединости несреће.
Слуга отрча горе *да пријави* госта.

Степан Аркадијевић исприча да је дола-
зио *да се обавести* о ручку.

Загребское издание

Грофица се дигне *да иде*.
Вронски са Стјепаном Аркадијевићем пође
за свијетом *да сазнади* појединости несреће.
Журио се горе слуга *јавити* онога, који
је дошао.
Стјепан Аркадијевић приповиједи јој да
је дошао *питати* за објед.

Во всех четырех предложениях из перевода З. Велемирович (левая колонка) фигурирует конструкция с *да*. В переводе С. Краньчевича в двух случаях находим инфинитив и в двух — конструкцию с *да*.

Конструкция с *да* проникла и в формы будущего времени (*ја ћу зна-ти — ја ћу да знам*). Некоторые лингвисты полагают, что замена инфинитива в форме будущего времени свойственна только восточным диалектам. М. Кравар писал, что в формах будущего времени «штокавец употребит только инфинитив: например, *mi čemo vas čekati* или *gdje ću vas naći?* Но при сильном «дакании» (например, в Белграде) и эти предложения произносятся (и пишутся) так: *mi čemo da vas čekamo* или *gde ću da vas nađem?»*¹⁴. Этот факт послужил в свое время одним из аргументов в пользу

¹² Т. М а r e t i ć. Ibid., p. 294.

¹³ Ј. В у к о в и ć. Gramatika srpskohrvatskog jezika za VII razred osnovne škole. Sarajevo, 1962, s. 127.

¹⁴ М. К р а в а р. О «razlici» između infinitiva i veze da + present. «Jezik», god. II, 2, 1953, s. 47.

теории существования двух самостоятельных литературных языков — сербского и хорватского. П. Губерина и К. Крстич утверждали, что будущее время «в хорватском литературном языке всегда образуется из инфинитива и безударных форм глагола *хтети...*, в то время как в сербском литературном языке вместо инфинитива будет почти всегда *да* с презенсом...»¹⁵.

Изучение хорватских литературных текстов показывает несостоятельность столь резкого противопоставления. Формы будущего времени с *да* встречаются у писателей XIX века (А. Шеноа, Л. Ботич), а у некоторых современных авторов (В. Назора, И. Горана Ковачича, В. Десницы) они стали вполне обычными. В повестях и рассказах хорватского писателя М. Крлежи («Сабрана дјела», св. 8, Загреб, 1955, 600 стр.) зафиксировано 15 форм с *да*. В романе же сербского писателя Б. Чосича «Покошено поле» (Београд, 1955, 500 стр.) встретилось всего 7 примеров, в романе И. Андрича «На Дрини ћуприја» (Београд, 1955, почти 400 стр.) только 5.

Интересный материал дает сравнение двух переводов на сербско-хорватский язык романа И. А. Гончарова «Обломов». В тексте II части романа, переведенного классиком сербской литературы М. Глишичем, находим только пять утвердительных форм будущего I с конструкцией *да* + презенс, а в переводе хорвата И. Великановича — четырнадцать примеров такого рода, т. е. почти в три раза больше.

Приведенные факты не означают, что в хорватском варианте литературного языка формы будущего времени с *да* более распространены, чем в сербском. Неоспоримо и важно то, что такие формы свойственны всему сербско-хорватскому литературному языку, обоим его разновидностям. При этом мы не найдем единообразного употребления форм с *да*. У одних сербских писателей они встречаются довольно редко (И. Андрич, Б. Чопич), у других количественно преобладают, иногда господствуют, вытесняя формы будущего времени с инфинитивом (Д. Чосич, М. Ристич, Д. Грбич и др.). Для хорватских писателей характерно общее умеренное употребление форм будущего времени с *да*.

Неодинаково часто используются в восточном и западном вариантах сербско-хорватского языка формы будущего II от глаголов совершенного вида. В книге П. Губерины и К. Крстича декларируется, что будущее II является характерной особенностью сербского варианта: «Хорваты вместо будущего II почти всегда употребляют настоящее совершенное»¹⁶. Это утверждение недостаточно ясно. Вероятно, авторы имели в виду будущее II глаголов совершенного вида, так как только такая форма может свободно заменяться настоящим совершенным. В известной грамматике загребского коллектива (И. Брабец, М. Храсте, С. Живкович) сообщается, что будущее II «обычно образуется от глаголов несовершенного вида»¹⁷.

Объективную картину может дать подсчет форм будущего II в текстах сербских и хорватских авторов. Обзор более сорока литературных произведений большого объема, начиная с текстов Вука Караджича, дал достаточно выразительные результаты. Оказалось, что в текстах, отражающих сербскую разновидность литературного языка, формы будущего II от глаголов совершенного вида составляют более 40% всех примеров. У хорватских писателей число таких форм составляет менее 8% от общего количества примеров. Это означает, во-первых, что будущее II образуется от глаголов и несовершенного и совершенного вида; во-вторых, такие образования встречаются на всей территории распространения сербско-

¹⁵ P. Guberina, K. Krstić. Ibid., p. 32.

¹⁶ P. Guberina, K. Krstić. Ibid., p. 41.

¹⁷ I. Brabec, M. Hraste, S. Živković. Gramatika hrvatskosrpskoga jezika. Zagreb, 1961, s. 253.

хорватского литературного языка; в-третьих, различия между двумя вариантами литературного языка, касающиеся будущего II, выражаются лишь в частоте употребления форм от глаголов совершенного вида¹⁸.

Есть, впрочем, еще одно явление, фиксируемое в сербском и не свойственное хорватскому варианту. Т. Маретич отвергал, как ошибочные, формы будущего II глагола *бити* — *будем био* и т. д. Встретив в сербском переводе корана фразу «Онај, који буде био међу људима..., имаће», Т. Маретич отметил, что она «совершенно неправильна»¹⁹. Однако у современных сербских писателей формы *буде био* и подобные представляют обычное явление. Они встречаются и в лингвистических работах, в частности у А. Белича и М. Лалевича. В одной из школьных грамматик А. Белича приведен в качестве образца будущего II такой пример: Ако такав будеш увек био, добијаћеш од мене овако нешто сваке године о своме дану рођења²⁰. В хорватских текстах формы будущего II глагола *бити* не обнаруживаются.

Отличия существуют и в синтаксисе. Выше упоминалась полная утра инфинитива в финальной функции на востоке и лишь частичная — на западе. У сербских писателей именная часть сказуемого при глаголах со значением 'стать, сделаться кем-либо или чем-либо' обычно выступает в именительном падеже, а у хорватских писателей очень часто в творительном, например: То значи да је Леџиново име постало *легендом* (М. Крлежа). М. Пешикан находит небольшие различия в порядке слов²¹.

Вышеназванные факты позволяют определить характер грамматических расхождений между двумя вариантами сербско-хорватского литературного языка. Прежде всего подчеркнем, что мы не знаем абсолютных формальных различий, т. е. нет таких форм или конструкций, которые бы наличествовали в одном варианте языка и совершенно отсутствовали в другом (сербские писатели не употребляют флексию творительного падежа единственного числа *-и* у существительных на *-ост*, но вообще она им свойственна; в хорватских текстах нет форм будущего II глагола *бити*, но от прочих глаголов эти формы образуются нормально). Отмеченные расхождения можно в основном свести к трем типам:

- а) живое явление в хорватском варианте — архаизм в сербском (слагательное наклонение типа *био бих чувао*, финальный инфинитив);
- б) предпочтительное употребление одного морфологического варианта на западе (родительный падеж множественного числа типа *-та* у отглагольных существительных на *-ња*) и другого на востоке (*-ти*);
- в) большая употребительность некоторых форм и конструкций в хорватской или сербской разновидности литературного языка (формы будущего времени с конструкцией *да* + презенс и будущее II глаголов совершенного вида на востоке, именная часть сказуемого в творительном падеже на западе).

Таким образом, грамматические расхождения между двумя разновидностями сербско-хорватского литературного языка характеризуются в основном количественными показателями. Между двумя вариантами нет существенных структурных различий. Функционируя в двух вариантах, своеобразие которых определяется главным образом лексическими расхождениями, сербско-хорватский язык остается в сущности своей единым.

¹⁸ Подробные сведения о подсчете форм содержатся в нашей диссертационной работе «Формы будущего времени в сербско-хорватском литературном языке». Машинопись, М., 1963, стр. 91—94.

¹⁹ Т. M'aretic. Ibid., p. 294.

²⁰ А. Б е л и ч. Граматика српскохрватског језика за први разред средњих и стручних школа. Београд, 1933, стр. 79.

²¹ М. П е ш и к а н. О месту енклитике у реченици. «Наш језик», нова серија, књ. IX, св. 7—10, 1959, стр. 307.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

В. ГУРКИН, В. ЗУБАКОВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ ОТ ГИТЛЕРОВСКОЙ ОККУПАЦИИ

В истории каждого народа есть события, память о которых сохраняется навечно. Советский и чехословацкий народы всегда будут помнить о совместной борьбе в годы второй мировой войны против общего врага — немецкого фашизма. Более восьми месяцев (с сентября 1944 г. по май 1945 г.) советские, чехословацкие и румынские войска при активной помощи партизан вели упорные бои, завершившиеся освобождением Чехословакии от гитлеровских оккупантов. В этой борьбе окрепла и закалилась дружба народов Советского Союза и Чехословакии.

В начале августа 1944 г. советские войска вышли на ближние подступы к довоенной советско-чехословацкой государственной границе. Лишь труднопроходимый горный массив Восточных Карпат отделял советские войска от Чехословакии.

В конце августа положение на южном крыле советско-германского фронта резко изменилось в пользу советских войск. Блестящее проведение Яско-Кишиневской операции и выход Румынии из войны на стороне фашистской Германии создали благоприятные условия для наступления войск 2-го Украинского фронта по направлению к Чехословакии в обход Восточных Карпат с юга, а благодаря захвату сандомирского плацдарма на р. Висла войска 1-го Украинского фронта получили возможность для наступления в обход Восточных Карпат с севера. Все это обещало большие оперативные выгоды при дальнейшем развитии наступления советских войск. Тем временем в Словакии создалась сложная внутривнутриполитическая обстановка, вызванная резким усилением революционного движения народных масс.

Немецко-фашистское командование, учитывая эти обстоятельства, а также стремительное продвижение советских войск в обход Карпат с севера и юга, решило покончить с игрой в «самостоятельность» Словакии и 29 августа приступило к оккупации этого важного в политическом, экономическом и стратегическом отношении района.

В ответ на оккупацию словацкий народ поднял вооруженное восстание. Партизаны и рабочие отряды начали занимать крупные города и прилегающие к ним районы. На сторону восставших переходили некоторые части словацкой армии и гарнизоны ряда городов. К вечеру 30 августа две трети территории Словакии находились под контролем восставших. Руководящей силой восстания являлась Коммунистическая партия. Местные национальные комитеты брали власть в свои руки.

Немецко-фашистское командование, оценив размеры и опасность восстания, бросило для его подавления крупные силы: 357-ю пехотную дивизию, части дивизии СС «Татра», боевую группу «Шилл», несколько отдельных полков и батальонов из других дивизий группы армий «А».

31 августа посол Чехословакии в Советском Союзе З. Фирлингер обратился к Советскому правительству с просьбой оказать военную помощь восставшим¹. А на следующий день с аналогичной просьбой к Советскому командованию обратился глава Чехословацкой военной миссии в Москве².

Вечером 2 сентября Ставка Верховного Главнокомандования дала командующему 2-м Украинским фронтом Маршалу Советского Союза И. С. Коневу директиву, в которой, в частности, предлагалось «...подготовить и провести операцию на стыке 1 и 4-го Украинских фронтов с тем, чтобы ударом из района Кросно, Санок в общем направлении на Прешов выйти на словацкую границу и соединиться со словацкими войсками»³. Ставка разрешила привлечь к операции 1-й Чехословацкой армейский корпус. Командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии И. Е. Петров получил указание наступлением одного стрелкового корпуса на правом крыле фронта из района Санока на Команьчу обеспечить успех войск левого крыла 1-го Украинского фронта. Время наступления фронтов назначалось на 8 сентября 1944 г.

А несколько раньше командирам советских партизанских отрядов, действовавших на территории Чехословакии, было предложено «оказать помощь словацкому народу в его борьбе против немецких захватчиков за независимую демократическую Чехословакию»⁴.

Командование 1-го Украинского фронта для проведения операции выделило 38-ю армию генерал-полковника К. С. Москаленко. Армия силами 52, 101 и 67-го стрелковых, 25-го танкового, 1-го гвардейского кавалерийского и 1-го Чехословацкого армейского корпусов должна была прорвать оборону противника в районе Оджиконь, в первый день наступления выйти на границу Словакии, а на пятый день — овладеть рубежом Стара Любовня, Прешов⁵. С воздуха эти войска должны были поддержать 465 самолетов 2-й воздушной армии. От 4-го Украинского фронта к проведению операции привлекалась 1-я гвардейская армия генерал-полковника А. А. Гречко, имевшая задачу прорвать оборону противника юго-западнее Санок и, наступая в направлении Радошице, к исходу второго дня операции выйти на границу Словакии⁶. Для обеспечения наступления наземных войск выделялась часть сил 8-й воздушной армии.

Войскам 38-й армии 1-го Украинского фронта и войскам 4-го Украинского фронта противостояла армейская группа противника «Хейрици» (1-я немецкая танковая и 1-я венгерская армии), насчитывавшая в своем составе около 300 тыс. человек личного состава, более 2,5 тыс. орудий и минометов, около 100 танков и штурмовых орудий. На этом направлении противник имел около 450 боевых самолетов.

Советские войска превосходили гитлеровцев в 1,5 раза по артиллерии, в 2,5 раза по авиации, в 3,2 раза по танкам и самоходно-артиллерийским установкам, однако уступали по количеству личного состава. Организация наступления была связана со значительными трудностями. В конце августа войска 1-го и 4-го Украинских фронтов только что завершили длительную наступательную операцию. Части и соединения имели большой некомплект в личном составе и нуждались в отдыхе. Базы снабжения от-

¹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. IV. М., 1962, стр. 319.

² Архив МО СССР, оп. 1720, д. 11, лл. 7—11.

³ «История Великой Отечественной войны», т. IV, стр. 320.

⁴ Архив МО СССР, оп. 1720, д. 11, л. 27.

⁵ Там же, ф. 393, оп. 9005, д. 115, лл. 48—50.

⁶ Там же, ф. 292, оп. 6850, д. 377, лл. 1—4.

стали от войск, вследствие чего последние имели ограниченные запасы материальных средств. Войска не имели опыта наступательных действий в горно-лесистой местности, а времени на подготовку операции отводилось мало, всего пять суток.

Командование, штабы, политические органы и органы тыла за этот короткий срок проделали огромную работу по планированию операции, боевой и политической подготовке войск, оснащению их специальным имуществом и снаряжением, подготовке вооружения и транспорта для действий в горных условиях. Была произведена значительная перегруппировка частей и соединений.

8 сентября 1944 г. артиллерия 38-й армии обрушила свой удар по обороне противника. С воздуха на позиции врага сбросила свой смертоносный груз авиация 2-й воздушной армии. Вслед за тем в наступление перешли 52-й стрелковый корпус генерал-майора С. М. Бушева, 101-й стрелковый корпус генерал-лейтенанта А. Л. Бондарева и 67-й стрелковый корпус генерал-майора И. С. Шмыго. Утром 9 сентября началось наступление 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта. На направлении главного удара оборону противника атаковали соединения правофлангового 107-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Д. В. Гордеева.

С тяжелыми кровопролитными боями, отбывая у врага каждую высоту, каждый населенный пункт, советские войска настойчиво продвигались вперед. 11 сентября им удалось вклиниться в оборону противника в районе Лыса Гура и Глойсус (северо-западнее Дукли). Здесь был введен в бой 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта В. К. Баранова. В ночь на 12 сентября части корпуса прорвались в глубину вражеской обороны. Утром 13 сентября кенники 1-й гвардейской кавалерийской дивизии полковника П. С. Ващурина достигли района Нижня Полянка (10 км северо-восточнее Зборова), пересекли польско-чехословацкую границу и вступили на территорию Словакии. В тот же день на словацкую землю вступили части 7-й гвардейской кавалерийской дивизии полковника И. С. Борщева. Однако прорыв кавалерии не получил дальнейшего развития. Более того, двум танковым дивизиям врага удалось отрезать корпус от главных сил 38-й армии. Кавалеристам пришлось вести бой в окружении. Противник спешно перебросил в район прорыва 38-й армии дополнительные войска, увеличив свои силы с трех до семи дивизий. Бой принял затяжной характер. 24 сентября кавалерийский корпус вырвался из окружения и соединился со своими войсками. Развить его успех и перенести боевые действия на территорию Словакии частям 38-й армии в этот период не удалось. За семь дней напряженных боев 38 и 1-я гвардейская армии продвинулись вперед на 12—23 км, узкими клиньями врзались в оборону противника, но выполнить поставленные перед ними задачи не смогли. Однако чтобы парировать этот удар, противник был вынужден перебрасывать сюда силы с других участков фронта, в том числе значительную часть тех сил, которые были направлены против вставших словацких патриотов — 357-ю пехотную дивизию, полк 208-й пехотной дивизии, полк 1-й танковой дивизии, разведывательный отряд 68-й пехотной дивизии.

20 сентября войска 1-й гвардейской армии, сломив ожесточенное сопротивление врага, достигли польско-чехословацкой границы в районе Рудавка-Ясьлиська, Ясель, Каленов. Первыми на землю дружественной Чехословакии вступили воины 242-й горно-стрелковой дивизии генерал-майора В. Б. Лисинова и 129-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Т. У. Гринченко ⁷.

⁷ Архив МО СССР, ⁷оп. 6850, д. 434, лл. 310—311.

25 сентября на территорию Словакии юго-западнее польского населенного пункта Берехы-Гурне вступили части 66-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора С. Ф. Фролова из состава 18-й армии⁸. В первых боях на словацкой земле советские воины проявили массовый героизм. Наиболее отличившимся из них — подполковнику А. И. Демину, лейтенантам С. Д. Карицкому и И. А. Найдену, сержантам В. Н. Головань, В. П. Иваненко, В. И. Костину, И. М. Недвижай, рядовым Д. Каракулову, С. Достовалову и другим — было присвоено звание Героя Советского Союза⁹.

Продолжалось наступление и 38-й армии. Перед ней стояла задача нанести главный удар на Рыманув, Ясьлиська, Тыляву, в обход вражеских войск, оборонявшихся в районе Дуклинского перевала. 20 сентября 1944 г. части 4-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенанта П. П. Полубоярова вместе с танкистами 1-го Чехословацкого корпуса заняли Дуклю. В этих боях особенно отличились чехословацкие воины — поручик А. Сохор и надпоручик Р. Тесаржик, удостоенные высокого звания Героя Советского Союза.

Развивая наступление к югу от Дукли, войска 38-й армии и 1-го Чехословацкого армейского корпуса овладели Тылявой и отбросили врага к главному Карпатскому хребту. 1 октября части 211 и 241-й стрелковых дивизий 67-го стрелкового корпуса пересекли польско-чехословацкую границу в районе Шарбов (5 км северо-западнее перевала Дукля) и вступили на территорию Чехословакии¹⁰. В тяжелых боях части 211-й дивизии полковника Г. С. Томиловского, 241-й дивизии полковника Т. А. Андриенко и танкисты 31-го танкового корпуса генерал-майора В. Е. Григорьева к вечеру 3 октября вышли в район Вышня Писана, создав угрозу противнику, оборонявшемуся в районе Дуклинского перевала. Одновременно части 359-й дивизии полковника П. П. Косолапова и 1-го Чехословацкого корпуса генерала Л. Свободы усилили нажим на врага с фронта. Враг начал отступать.

6 октября воины 1-го Чехословацкого армейского корпуса при непосредственном содействии частей 67-го стрелкового и 31-го танкового корпусов овладели Дуклинским перевалом, вступив на землю своей родины. В этот день генерал Л. Свобода направил телеграмму Маршалу Советского Союза И. С. Коневу.

«Мы счастливы, — говорилось в этой телеграмме, — что в составе 1-го Украинского фронта под Вашим командованием мы впервые из состава чехословацкой заграничной армии вступили на родную землю. Мы вступили на родину плечом к плечу со славными воинами Красной Армии, которых наши народы встретили как освободителей от ненавистного фашистского ига»¹¹.

Совместные наступательные действия советских и чехословацких войск через Дуклинский перевал имели не только важное военное, но и огромное политическое значение. Здесь возник лозунг: «С Советским Союзом на вечные времена!» В тяжелых боях на Дукле родилась новая армия будущей свободной Чехословакии. День 6 октября впоследствии был объявлен Днем чехословацкой Народной армии.

К концу октября 1944 г. соединения 38-й армии 1-го Украинского фронта и войска 4-го Украинского фронта преодолели Восточные Карпаты и вышли в долины рек Тисса, Ондава и Вислока. Армейская группа

⁸ Там же, ф. 371, оп. 6367, д. 425, л. 63.

⁹ Там же, ф. 33, оп. 793756, д. 11, л. 11; д. 19, л. 4; д. 3, л. 60.

¹⁰ Там же, ф. 393, оп. 9005, д. 243, л. 5.

¹¹ «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Документы и материалы М., 1960, стр. 202.

противника «Хейнрици» потерпела очередное поражение. Немецко-фашистские войска лишились важного стратегического рубежа, прикрывавшего Чехословакию с востока. Для советских войск открылись благоприятные возможности для дальнейшего наступления в глубь Чехословакии с этого направления.

Советские войска в силу ряда причин не смогли соединиться с восставшими, но, оттянув на себя крупные силы врага, оказали тем самым помощь Словацкому народному восстанию. Достаточно сказать, что гитлеровское командование в сентябре-ноябре направило только в полосу 38-й армии 13 пехотных и 3 танковые дивизии и другие части — всего в общей сложности 18 дивизий¹².

В начале ноября 1944 г. 1-й Украинский фронт начал подготовку крупного наступления на берлинском направлении. Поэтому все его силы, в том числе и 38-я армия, перешли к обороне. Задача освобождения юго-восточных районов Словакии была возложена на 4-й Украинский и 2-й Украинский фронты.

Анализируя тяжелые бои войск 38-й армии и войск 4-го Украинского фронта по преодолению Восточных Карпат, Советское командование пришло к выводу, что наилучшим способом освобождения Чехословакии должен явиться стратегический маневр в обход мощных фронтальных горных цепей и выход на фланги и в тылы гитлеровским войскам, оборонявшимся в Чехословакии. В этих условиях особое значение приобретали наступательные действия войск правого крыла 2-го Украинского фронта, которые, наряду с охватом Будапешта с севера, могли решить и другую важную задачу — ударом с юга освободить южные районы Словакии и создать угрозу тылам вражеской группировки, действовавшей против 4-го Украинского фронта. Поэтому наступательная операция 4-го Украинского фронта в ноябре-декабре 1944 г. в юго-восточных районах Словакии проводилась в тесной оперативно-стратегической связи с действиями войск правого крыла 2-го Украинского фронта, Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, участвовавших в Будапештской операции.

К началу наступления 4-го Украинского фронта (1-я гвардейская и 18-я армии) в его составе имелось 16 стрелковых дивизий. Войска правого крыла 2-го Украинского фронта (27, 40, 53-я армии, 1 и 4-я румынские армии, 1-я конно-механизированная группа) насчитывали 36 стрелковых и кавалерийских дивизий. Противостоявшие этим силам 1-я немецкая танковая армия и армейская группа «Велер» (8-я немецкая и 1-я венгерская армии) к 7 ноября имели в общей сложности 23 дивизии и 3 бригады. Советские войска располагали одинаковым с противником количеством пехоты и незначительно превосходили его по артиллерии, танкам и авиации.

Наступление войск правого крыла 2-го Украинского фронта началось 7 ноября 1944 г. Ломая упорное сопротивление противника, советские войска вышли к венгерско-чехословацкой границе и 12 декабря пересекли ее. 14 декабря части 9-го гвардейского механизированного корпуса генерала М. В. Волкова освободили словацкий город Шахы. Развивая наступление, войска фронта очистили значительную часть словацкой территории в районе городов Шахы и Левице и освободили города Левице и Римавска-Собота¹³. Активную помощь войскам фронта оказывали советские партизаны.

В период с 20 по 23 ноября перешли в наступление и войска 4-го Украинского фронта. Действуя в тяжелых условиях горно-лесистой местности и резко ухудшившейся погоды, что крайне затрудняло поддержку

¹² «История Великой Отечественной войны...», т. IV, стр. 325.

¹³ Архив МО СССР, ф. 240, оп. 2779, д. 1202, л. 105.

наземных войск авиацией, соединения фронта не смогли достичь высоких темпов продвижения. Форсировав р. Черна Вода, они вскоре освободили города Гуменне, Михальовце и к 30 ноября на широком фронте вышли к р. Ондава. Преодолев этот важный естественный оборонительный рубеж, войска фронта выбили врага из города Требишов и крупного населенного пункта Сечовце, а в середине декабря закрепились на рубеже Стропков, западнее Сечовце-Надошть.

В результате наступательных действий войск 2 и 4-го Украинских фронтов в ноябре-декабре 1944 г. была освобождена значительная территория юго-восточной Словакии. В военном отношении важное значение имело освобождение на всем протяжении железнодорожной магистрали Львов — Ужгород — Чоп — Мишкольц. Противник, лишившись этой дороги, был отброшен в горы Словакии, что резко снизило его маневренные возможности и ухудшило снабжение войск материальными средствами. Немецко-фашистские войска, действовавшие на территории Словакии, оказались под ударами с двух сторон.

В январе 1945 г. Советские Вооруженные Силы, безраздельно владевшие стратегической инициативой, готовились к решающим сражениям с целью совместно с союзными войсками завершить разгром немецко-фашистской армии и принудить фашистскую Германию к безоговорочной капитуляции.

На чехословацком участке советско-германского фронта от Ясло до р. Дунай, протяженностью в 440 км, продолжали действовать войска 4-го Украинского фронта (38, 1-я гвардейская, 18-я общевойсковые и 8-я воздушная армии, 1-й Чехословацкий армейский корпус) и главные силы 2-го Украинского фронта (40, 27, 53 и 7-я гвардейская советские армии; 4-я румынская армия и два корпуса 1-й румынской армии).

4-й Украинский фронт получил задачу перейти в январе-феврале Западные Карпаты и выйти на подступы к Моравско-Оставскому промышленному району. Главный удар фронт наносил правым крылом в направлении Горлице, Новы Сонч, Краков; вспомогательные — в направлении Прешов, Люботин, Стара Любовня, Смолник, Спишка-Нова-Вес.

2-й Украинский фронт в это время в связи с необходимостью закончить уничтожение окруженной будапештской группировки гитлеровцев и отразить их наступление в районе Комарно, наступление в Словакии осуществлял только армиями правого крыла.

В конце января части 40-й армии генерала Ф. Ф. Жмаченко при активной помощи партизан перевалили через главный хребет Словацких Рудных гор и вышли на рубеж западнее Брезно, Кривань, Абелов. 53-я армия генерал-лейтенанта И. М. Манагарова, продвигаясь к Бан, Штявница, вышла на рубеж Абелов, Немце, р. Грон. Южнее ее, на плацдарме за р. Грон, занимала оборону 7-я гвардейская армия. В феврале эти войска продолжили наступательные бои в Словацких Рудных горах.

Одновременно с боями войск 2-го Украинского фронта по освобождению юго-восточной части Словакии, армии 4-го Украинского фронта развернули наступление в ее северных районах. Прорвав сильно укрепленную оборону врага западнее Кросно, войска фронта заняли польские города Ясло, Горлице и чехословацкие города Прешов, Кошице и Бардеев. Наряду с советскими войсками, в этих боях отличились 1 и 3-я чехословацкие пехотные бригады, 2, 4 и 5-й чехословацкие артиллерийские полки¹⁴. 15 января в боях под Ясло впервые приняли участие чехословацкие артиллерийские части. Этот день ныне отмечается как День артиллерии чехословацкой Народной армии.

¹⁴ Архив МО СССР, оп. 1028, д. 16, л. 87.

Важнейшим результатом январско-февральского наступления войск 4-го и 2-го Украинских фронтов явилось освобождение Кошицкой, Прешовской и Банско-Бистрицкой областей Словакии. Войска 4-го Украинского фронта преодолели большую часть Западных Карпат, вышли в район верхнего течения Вислы и завязали бои на подступах к Моравско-Оставскому промышленному району. Этот успех стоил советским и чехословацким войскам значительных жертв.

В марте-апреле 1945 г. боевые действия советских войск по освобождению Чехословакии разгорелись еще с большей силой. Войска 4-го Украинского фронта получили задачу освободить от врага Моравско-Оставский промышленный район и открыть путь на столицу Чехословакии — город Прагу с востока. Наступление 4-го Украинского фронта должно было осуществляться в тесном взаимодействии с войсками 1-го Украинского фронта, которому предстояло провести Верхне-Силезскую операцию. 2-му Украинскому фронту Ставка Верховного Главнокомандования поставила следующую задачу: подготовить и провести наступательную операцию севернее Дуная, освободить Братиславу и Брно. Войска левого крыла фронта должны были совместно с 3-м Украинским фронтом овладеть столицей Австрии — Веней.

Для удержания в своих руках Моравско-Оставского промышленного района гитлеровцы построили здесь ряд мощных оборонительных полос. 10 марта войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление. Сильная метель ограничила применение артиллерии и авиации. Вся тяжесть боев легла на плечи пехоты, что резко снизило темпы продвижения частей. Недостаточно подготовленное наступление развития не получило и 17 марта было приостановлено. Оборону врага прорвать не удалось.

В это время войска 1-го Украинского фронта на территории Польши окружили юго-западнее Ополе более пяти дивизий врага и завязали бои за Рацибуж. Это открывало новые возможности для действий войск 4-го Украинского фронта. Основные усилия фронта были перенесены на правое крыло с задачей нанести удар на Моравскую Оставу с севера. Возобновив 24 марта наступление, соединения 38-й армии в первых числах апреля, форсировав р. Одер северо-восточнее Моравской Оставы, захватили плацдарм на ее западном берегу. 1-я гвардейская армия вела упорные бои за город Живец. 18-я армия прорвать оборону врага в Карпатах в марте не смогла.

Наступление 2-го Украинского фронта началось 25 марта. Войска 53 и 7-й гвардейской армий форсировали р. Гроп, к северу от Дуная, прорвали тактическую зону обороны противника и с помощью 1-й гвардейской конно-механизированной группы к исходу 28 марта расширили прорыв до 135 км по фронту, продвинувшись на 40 км. При этом наши войска освободили более 200 чехословацких населенных пунктов. Вскоре наши части форсировали р. Нитра и освободили город Новы Замки. Большую помощь наземным войскам оказывала 5-я воздушная армия генерала С. К. Горюнова. На Дунае успешно действовала Дунайская военная флотилия вице-адмирала Г. Н. Холостякова.

Вскоре последовал удар 40-й советской и 4-й румынской армий. Освободив Банскую Бистрицу, войска фронта к концу марта находились в 35 км от Братиславы. 46-я армия фронта успешно продвигалась к Вене. В первых числах апреля разгорелись бои за Братиславу. Стремясь обеспечить ее быстрое освобождение, командующий 2-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский приказал обойти Братиславу с северо-запада и атаковать позиции гитлеровцев с трех сторон. Войска 25-го гвардейского и 24-го стрелковых корпусов 7-й гвардейской

армии с честью выполнили этот приказ, и 4 апреля столица Словакии была освобождена.

Медленное продвижение главных сил 4-го Украинского фронта северовосточнее Моравской Остравы в условиях глубокого выдвигания на запад 1 и 2-го Украинских фронтов вынудило Ставку Верховного Главнокомандования внести коррективы в план разгрома гитлеровских войск в восточных районах Чехословакии. 4-й Украинский фронт после овладения Опавой и Моравской Оставой, а 2-й Украинский фронт после овладения районом Брно должны были наступать на Оломоуц, навстречу друг другу, с целью окружить основные силы армии «Центр» в Карпатах¹⁵. Для успешного выполнения этой задачи из 1-го Украинского фронта в 4-й Украинский фронт была передана 60-я армия генерала П. А. Курочкина, действовавшая к северу от Моравской Остравы. В командование фронтом вступил генерал армии А. И. Еременко.

Наступление войск 4-го Украинского фронта на моравско-остравском направлении возобновилось 15 апреля. На восьмой день наступления 60-я армия после упорного штурма овладела важным опорным пунктом врага на пути к Моравской Оставе с запада — городом Опава. 30 апреля развернулись решающие бои за Моравскую Оставу. Для наблюдения за ходом борьбы за этот город на командный пункт 4-го Украинского фронта прибыли члены правительства Чехословацкой республики Клемент Готвальд, Зденек Фирлингер и Людвик Свобода, ставший министром национальной обороны республики. В этот день войны 38-й и 1-й гвардейской армий полностью очистили Моравскую Оставу от фашистских захватчиков.

Успешно наступала и 18-я армия, освободившая города Кис-Нове-Место и Чадца. Действовавший в ее составе 1-й Чехословацкий армейский корпус освободил важный узел дорог в Западных Карпатах — город Жилина.

Войска 4-го Украинского фронта к 5 мая вышли на рубеж Штернберк, Фульнек, Мистэк, Фридлянда, Рожнов, Всетин. 2-й Украинский фронт после овладения Братиславой нанес удар на Брно. 6-я гвардейская танковая армия обошла город с севера и 26 апреля совместно с частями 53-й армии и 1-й гвардейской конно-механизированной группы овладела им. Промышленные предприятия и жилые здания города были сохранены.

В период с 28 апреля по 2 мая 6-я гвардейская танковая и 53-я армии 2-го Украинского фронта продвигались в направлении Оломоуца навстречу войскам 4-го Украинского фронта. Предвидя реальную угрозу полного окружения, гитлеровцы начали отходить из Словакии и Моравии. В связи с этим перед фронтом встала новая задача: нанести удар на запад в направлении Пльзена, Прага. Советские войска за март-апрель очистили от врага три области Словакии — Жилинскую, Нитранскую и Братиславскую и три области Моравии — Оставскую, Злинскую и Брновскую. В результате наступательных действий 4 и 2-го Украинских фронтов создались благоприятные предпосылки для окончательного освобождения Чехословакии.

Заключительный этап борьбы Советских Вооруженных Сил за освобождение Чехословакии проходил в весьма сложной и своеобразной военно-политической обстановке. К началу мая советские войска блестяще осуществили Берлинскую операцию и водрузили Знамя Победы над поверженной столицей фашистской Германии. Американские войска, не встречая сопротивления со стороны противника, вступили в пределы Чехословакии с запада. В то же время крупная, почти миллионная груп-

¹⁵ Архив МО СССР, ф. 96, оп. 2011, д. 37, лл. 87—88.

пировка фашистских войск на территории Чехословакии уклонилась от капитуляции и продолжала борьбу против Советской Армии.

Перед Советскими Вооруженными Силами встала задача — в кратчайший срок подготовить и провести операцию с целью разгрома и пленения на территории Чехословакии крупной группировки фашистских войск и быстрого завершения освобождения дружественной Чехословакии и ее столицы Праги от немецко-фашистских захватчиков. Необходимость быстрее приступить к проведению новой наступательной операции диктовалась необходимостью оказать помощь начавшемуся 5 мая вооруженному восстанию жителей чехословацкой столицы против немецко-фашистских захватчиков.

Получив сведения о начале Пражского восстания, фашистское военное руководство предприняло экстренные меры для его ликвидации. В помощь военному гарнизону г. Праги, насчитывающему 40 тыс. человек, стали стягиваться войска из состава группы армий «Центр». Восставшая Прага ответила баррикадными боями. В течение ночи на 6 мая жители столицы воздвигли 1600 баррикад, на которых оборонялось около 30 тыс. человек¹⁶. Однако силы были неравны. Фашисты вели наступление на город с трех сторон: с севера, из района — Дечина — танковая дивизия СС «Райх»; с востока, из района Миловицы — танковая дивизия «Викинг» и с юга, из района Бенешова — усиленный полк дивизии «Райх», находившийся отдельно от основных сил своей дивизии¹⁷.

В создавшейся обстановке Чешский Национальный Совет обратился по радио с призывом о помощи к союзным войскам. В тот же день, 6 мая, начальник Чехословацкой военной миссии в СССР бригадный генерал Г. Пика обратился в отдел внешних сношений НКО СССР с просьбой к Советскому Верховному Главнокомандованию оказать помощь в этот исторический и решающий для чешского народа момент.

С целью оказания помощи братскому чехословацкому народу и разгрома немецко-фашистских войск в Чехословакии, отказавшихся капитулировать, Советские Вооруженные Силы с 6 по 11 мая 1945 г. провели Пражскую наступательную операцию.

Замысел операции заключался в нанесении двух мощных ударов по обоим флангам группы армий «Центр» войсками 1-го Украинского фронта из района северо-западнее Дрездена и войсками 2-го Украинского фронта из района южнее Брно в общем направлении на Прагу с целью освободить столицу Чехословакии, окружить основные силы вражеской группировки в районе Праги и отрезать противнику пути отхода на запад и юго-запад. Одновременно войска левого крыла 1-го Украинского, 4-го Украинского и правого крыла 2-го Украинского фронтов должны были продолжать наступление в прежних направлениях с целью рассеять окружаемую группировку на части, способствуя ее быстрейшему разгрому и пленению.

Сложность подготовки Пражской операции заключалась в том, что войскам 1 и 2-го Украинских фронтов, наносившим главные удары, предстояло за 3—4 суток осуществить крупные перегруппировки. Так, 1-му Украинскому фронту необходимо было вывести из-под Берлина в район северо-западнее Дрездена две танковые армии, а также перегруппировать силы четырех общевойсковых армий, двух танковых, механизированного, кавалерийского и артиллерийского корпусов. Значительные перегруппировки войск были осуществлены и во 2-м Украинском фронте.

¹⁶ «История Великой Отечественной войны...», т. V, стр. 315.

¹⁷ Архив МО СССР, оп. 178408, д. 24, лл. 168—169.

Выполняя указания Верховного Главнокомандования и спеша на помощь восставшим жителям Праги, войска 1-го Украинского фронта утром 6 мая нанесли мощный удар северо-западнее Дрездена. Несмотря на упорное сопротивление врага, его оборона к исходу дня была прорвана на всем фронте. 7 мая войска фронта, преодолевая сопротивление противника, продвигались по западному берегу Эльбы и к исходу дня вышли к северным склонам Рудных гор. Особенно успешно действовали соединения 3-й и 4-й гвардейских танковых армий, которыми командовал генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко. В этот же день перешли в наступление армии других ударных группировок 1-го Украинского фронта. С утра 7 мая в Пражскую операцию включился и 2-й Украинский фронт. Соединения 7-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника М. С. Шумилова успешно атаковали противника и к исходу дня продвинулись на 12 км. Войска 4-го Украинского фронта в трудных условиях горно-лесистой местности продолжали наступать на оломоуцком направлении. 1-й Чехословацкий армейский корпус, наступавший на левом фланге 18-й армии, продвинулся на 20 км¹⁸.

Положение восставшей Праги все ухудшалось. Днем 7 мая оно стало критическим. Используя преимущество в вооружении и боевой технике, гитлеровцы прорвались к центру города. В занятых кварталах они зверски расправлялись с восставшими. Несмотря на серьезность положения, борьба в столице Чехословакии не прекращалась.

С утра 8 мая наступление войск 1, 4 и 2-го Украинских фронтов продолжало успешно развиваться. На огромном фронте от Дрездена до Дуная в наступление включились все армии этих фронтов. Войска правого крыла 1-го Украинского фронта сломали сопротивление противника на рубеже Рудных гор. Танковые, а за ними и общевойсковые армии с ходу овладели пограничными укреплениями и вступили на территорию Чехословакии. Войска центра и левого крыла фронта, преследуя отходящего противника, вступили в пределы Судетских гор. В этот день командование 2-го Украинского фронта ввело в бой 6-ю гвардейскую танковую армию генерал-полковника танковых войск А. Г. Кравченко. К концу дня соединения армии овладели г. Яромержице и, продвинувшись более чем на 50 км, продолжали наступление в направлении Йиглава. 7-я и 9-я гвардейские армии освободили несколько городов Чехословакии, в том числе г. Зноймо.

Успешно развивались события и на 4-м Украинском фронте. 8 мая войска 60-й армии после упорных и напряженных боев освободили г. Оломоуц. Эта победа создала условия для наступления основных сил фронта на Прагу с востока. С утра 9 мая советские войска продолжали стремительное преследование врага. С севера на Прагу двигались армии 1-го Украинского фронта, с юга — войска 2-го Украинского фронта, а с востока наступал 4-й Украинский фронт.

Тем временем в Праге силы восставших убывали с каждым часом. На баррикадах погибло около 2 тыс. жителей столицы. В этот критический для восстания момент танковые армии 1-го Украинского фронта в ночь на 9 мая совершили 80-километровый марш-бросок. На рассвете 9 мая 1945 г. передовые подразделения этих армий прорвались к Праге и завязали бои на ее окраинах.

В 3 часа утра в северо-западную окраину Праги вступила 63-я гвардейская танковая бригада 10-го гвардейского танкового корпуса, а к 5 часам в городе находились все силы этого корпуса. В 4—6 часов на северной окраине Праги завязали бои 69-я механизированная и 16-я самоход-

¹⁸ Архив МО СССР, ф. 244, оп. 71964, д. 5, л. 134.

но-артиллерийская бригады, входящие в состав передового отряда 3-й гвардейской танковой армии¹⁹.

В числе первых подразделений, вошедших в город, был взвод лейтенанта Л. Е. Буракова в составе трех танков (командиры машин: Л. Е. Бураков, И. Г. Гончаренко, П. Д. Котор) из 1-го батальона 63-й гвардейской танковой бригады. В районе Манесова моста экипаж танка № 23 (И. Г. Гончаренко, П. Г. Шкловский, П. Г. Батыров, Н. С. Ковригин, А. Н. Филиппов) вступил в бой с гитлеровцами. В этом бою танк был подбит. И. Г. Гончаренко погиб, двое получили ранения. Жители Праги увековечили подвиг советских танкистов. Танк № 23 установлен на высоком гранитном постаменте на площади, получившей название «Площади Советских танкистов».

Вслед за танковыми соединениями в Прагу вошли передовые части 13-й и 3-й гвардейской армий 1-го Украинского фронта. Бои в городе продолжались более шести часов. К 10 часам советские войска при активной помощи населения полностью освободили его от немецко-фашистских оккупантов. Стремительно продвигались к столице Чехословакии с юго-востока подвижные войска 2-го Украинского фронта. 6-я гвардейская танковая армия к утру 9 мая овладела Йиглавой и форсированным маршем двинулась на Прагу. В 13 часов 9 мая 22-я гвардейская танковая и 6-я гвардейская механизированная бригады, громя на своем пути отходящие колонны противника, достигли Праги, где соединились с войсками 1-го Украинского фронта²⁰.

В это же время войска 4-го Украинского фронта, преследуя отходящего противника, продвигались к Праге с востока. В 10 часов 45 минут 9 мая на западную окраину Праги вступили передовые подразделения 302-й стрелковой дивизии подвижной группы фронта²¹. В 18.00 к городу подошли основные силы этой группы, в состав которой, наряду с советскими частями, входила 1-я Чехословацкая отдельная танковая бригада под командованием майора В. Янко.

Таким образом, наступавшие навстречу друг другу войска 1 и 2-го Украинских фронтов 9 мая соединились в Праге. Кольцо окружения, в котором оказались основные силы вражеской группировки, действовавшей в Чехословакии, было замкнуто. В этом кольце оказалось свыше 50 дезорганизованных и потерявших управление дивизий группы армий «Центр».

Окруженные немецко-фашистские войска, потеряв всякую надежду прорваться на запад, начали складывать оружие. В течение 10 и 11 мая основные силы окруженной группировки были пленены²².

Продвигаясь на Запад, войска Украинских фронтов к исходу 11 мая вышли на линию встречи с американскими войсками. Так закончилась Пражская операция — последняя операция Советских Вооруженных Сил на Европейском театре военных действий второй мировой войны.

Восьмимесячная борьба за освобождение Чехословакии от гитлеровской оккупации завершилась полной победой советских и чехословацких войск.

¹⁹ Архив МО СССР, ф. 323, оп. 4756, д. 150, л. 395; оп. 244007, д. 7, л. 204; ф. 315, оп. 4440, д. 713, лл. 63 и 64; оп. 204526, д. 3, л. 273; оп. 200790, д. 4, л. 183.

²⁰ Архив МО СССР, ф. 339, оп. 5179, д. 82, л. 184.

²¹ Архив МО СССР, ф. 136, оп. 59844, лл. 510, 511.

²² «История Великой Отечественной войны...», т. V, стр. 323.

Л. С. КИШКИН

«ПРАГА ПОБЕДОНОСНОЙ КРАСНОЙ АРМИИ — ОСВОБОДИТЕЛЬНИЦЕ»

Так называлась листовка, которую вручали советским воинам в освобожденной Праге в 1945 г. Одни получали ее въезжая в город на автомашинах, другие — на железнодорожных вокзалах, третьи — в гостиницах. Она открывалась приветственным текстом известной чешской писательницы Анны Марии Тильшовой, которой в пародно-демократической Чехословакии было присвоено звание Народной художницы. Кроме этого текста листовка содержала описание достопримечательностей Праги, план города и ряд снимков, запечатлевших незабываемые дни встречи Советской Армии ликующими пражанами.

Одну из таких листовок получил и я при выходе с пражского вокзала. Их раздавали проходившим солдатам и офицерам стоявшие у дверей две улыбающиеся девушки в чешских национальных костюмах. Прага выглядела именно так, как пишет Тильшова. Стены уцелевшей части здания Ратуши на Староместской площади опалены огнем... Но люди счастливы... Пьедестал памятника Гусу усыпан живыми цветами.

Прошло двадцать лет, но добрые слова приветствия старой чешской писательницы, выражавшие чувства многих, не утратили своего человеческого тепла, своего глубокого исторического смысла.

Анна Мария Тильшова

Да здравствует Красная Армия!

Приветствуем Вас в Праге! Как радостно приветствуем, об этом свидетельствуют наши массы, развевающиеся платочки, флаги, цветы, дети, протягивающие к Вам ручонки, и матери, с таким доверием передающие их в Ваши объятия. О том громко говорит ликование многих тысяч, провожающее Вас по улицам, это видно из восхищенных глаз девушек и из слез в иных случаях очень сдержанных мужчин. Вы сами это видите, сами чувствуете! Вы, однако, не знаете, что когда Вы стали на почву Староместского рынка перед развалинами разрушенной ратуши, Вы очутились на священном месте: три столетия тому назад там уже однажды текла чешская кровь за свободу. А когда Вы туда вступали, мостовая перед Тынским собором еще дымилась кровью наших юношей, защищавших Прагу против пушек и пулеметов почти голыми руками. Народ, приветствующий Вас с таким воодушевлением в дни освобождения, искони был связан с Вами кровными узами братства и славянского родства, чувствовал сердечную близость человека к человеку. Поэтому теперь, когда Ваши автомобили окружены школьной молодежью, студентами, женщинами, всем пражским населением из фабрик, лавок, мастерских, канцелярий и рабочих помещений художников, все складывается так естественно и понятно, как если бы мы принадлежали к одной большой семье. А радостный вид Ваших загорелых лиц и мускулистых тел, всей Вашей дисциплинированной силы, великолепных машин Ваших могучих танков, под которыми гудит пражская мостовая,—этот вид возбуждает в сердцах наших юношей жажду в свою очередь увидеть широкую Русь, увидеть, как Вы живете дома. Доблестные бойцы-герои! Вы проехали много сотен километров от Урала до пораженного Берлина и с легендарною быстротой дальше к нам, когда по радио к Вам донеслись наши призывы спасти Прагу перед превращением в груды развалин. Мы никогда не забудем, что Вы поспешили нам на помощь! Да здравствует Красная Армия!

А. Ф. НОСКОВА

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН ОСТ

(К итогам изучения в советской
и польской исторической литературе)

Благодаря усилиям историков ряда стран широкие круги читателей получили возможность познакомиться с нацистскими документами, относящимися к «Генеральному плану Ост». К сожалению, сведения об этом плане пока не полные, так как текст документа еще не обнаружен. Но результаты исследований ученых позволяют представить как сам документ, так и историю его возникновения¹.

Во время второй мировой войны в гитлеровской Германии деятельно обсуждались перспективы нацистской политики на землях, расположенных к востоку от германской границы. Результатом этого было возникновение документа: «Генеральный план Ост».

Исследователи считают временем появления документа 1940—1941 годы, когда в нацистских «верхах» особенно широко дискутировались проблемы «преобразования Востока». «Генеральный план Ост» был как бы венцом нацистских планов и намерений относительно Восточной Европы. Его появлению предшествовал ряд документов, составленных после разгрома Польши. С сентября 1939 г. в различных учреждениях нацистской Германии деятельно «изучались» вопросы настоящей и будущей восточной политики Германии. В ноябре 1939 г. возглавлявшееся Розенбергом расово-политическое бюро при нацистской партии подготовило за подписью Е. Ветцеля и Г. Хехта меморандум: «Вопросы отношения к населению бывших польских областей с расово-политической точки зре-

¹ См. «Przegląd Zachodni», 1958, № 2; 1961, № 3; «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1958, № 3; 1960, № 1; «Военно-исторический журнал», 1960, № 1; 1964, № 7; Я. Г у м к о в с к и й, К. Л е щ и н с к и й. Польша во время гитлеровской оккупации. Варшава, 1961; «Генеральный план Ост в действии». Познань—Варшава, 1961; «Поражение гитлеровской Германии во второй мировой войне». М., 1960; «Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944)». М., 1963; «Biuletyn Głównej komisji badania zbrodni hitlerowskich», t. IV, Warszawa, 1948; «Die Deutschen in der Tschechoslowakei 1933—1947». Dokumentensammlung. Prag, 1964; C z. M a d a j c z y k. Generalna Gubernia w planach hitlerowskich. Warszawa, 1961; «Die Vergangenheit warat». Dokumente über die Germanisierungs- und Austilgungspolitik der Nazikupanten in der Tschechoslowakei. Zus.-gest., mit Vorw. und Anmerk. vers. von V. Král. Prag, 1962; «Saopštenje o zločinima Austrije i Austrijanaca». Beograd, 1947; W. S u l e w s k i. Lasy w ogniu. Warszawa, 1962; «Z najnowszych dziejów Polski 1939—1947». Warszawa 1961; «Wschodnia ekspansja Niemiec w Europie środkowej». Pod red. G. Labudy. Warszawa, 1963; J. K a s p e r s k a. Germanizacja dzieci polskich w okresie okupacji. Warszawa, 1948; T. K u ł a k o w s k i. Gdyby Hitler zwyciężył. Wyd. II. Warszawa. 1960; «O problemie niemieckim». Red. K. Trawińska-Nastula. Warszawa, 1962; R. J e s k e. Die Germanisierungspolitik des deutschen Faschismus gegenüber Polen.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». 1964, Hf. 6. Л. А. Б е з и м е н с к и й. К вопросу о политической роли и судьбе одного из главных военных преступников Мартина Бормана.— «Новая и новейшая история», 1964, № 6 и др.

ния»². В январе 1940 г. Академия немецкого права под руководством генерал-губернатора Польши Г. Франка составила документ о «правовых основах немецкой политики в Польше с точки зрения национально-политической»³. В мае 1940 г. появилась секретная записка Гиммлера: «Несколько замечаний к вопросу об обращении с иноплемениками на Востоке»⁴. Основы нацистской политики в оккупированной Польше были изложены также в записке, составленной осенью 1940 г. по указанию Бормана⁵. Центральное место в разработке перспективной восточной политики III рейха постепенно занял созданный в октябре 1939 г. по указанию Гитлера «Имперский комиссариат по вопросам укрепления немецкой нации»⁶. Перед этим комиссариатом, возглавлявшимся рейхсфюрером СС Гиммлером, стояли следующие задачи: концентрация в пределах Германии немцев, живущих за границей, ликвидация некоторых национальных групп населения⁷, колонизация и германизация завоеванных территорий и поработанных народов⁸. Уже весной 1940 г. начальник отдела планирования этого комиссариата, проф. Берлинского университета, оберфюрер СС Конрад Майер-Хетлинг представил документ «Основы пространственно- и поселенческо-политического оформления бывшей Польши»⁹. Перечисленные документы были своего рода прологом к «Генеральному плану Ост». В них в полной мере проявились цели нацистского преобразования Востока.

Самым ранним документом, где вопрос о включении части советских территорий в состав Германии ставился уже конкретно, была памятная записка государственного секретаря Министерства внутренних дел Германии В. Штуккарта. Она называлась «План установления восточной границы Германии» и помечена 11 сентября 1941 г.¹⁰ Вопрос о включении всех польских и части советских территорий в состав Германии в течение 1939—1941 гг. постоянно дискутировался в нацистских верхах. Осенью 1941 г. у целого рода политических деятелей Третьей империи (Франк, Борман, Фрик) возникло стремление к радикальному решению этого вопроса. Поэтому появление документа Штуккарта, видимо, не было случайностью.

Штуккарт совершенно откровенно ставил вопрос о расширении территорий Германии за счет восточных земель. Он писал: «...кампания против России открывает перед нами возможность расширения границ собственной территории Германии ... Задача ближайшего времени будет основываться на том, чтобы это расширение границ Германии, включая генерал-губернаторство (имеется в виду Белосток и Львов.— А. Н.), определить точнее, чтобы найти такую пограничную линию, которая, обходя узкие интересы отдельных частей Германии, будет учитывать ве-

² Меморандум опубликован в Польше, см.: «Biuletyn Główniej Komisji badania zbrodni hitlerowskich», t. IV.

³ «Exterminacja ludności w Polsce w czasie okupacji hitlerowskiej w 1939—1945 г.». Poznań, 1962, s. 10.

⁴ Документ опубликован, см.: «Biuletyn Główniej komisji badania zbrodni hitlerowskich», t. IV; «Военно-исторический журнал», 1960, № 1; «Поражение гитлеровской Германии во второй мировой войне». М., 1960 и др.

⁵ Я. Г у м к о в с к и й, К. Л е щ и н с к и й. Польша во время гитлеровской оккупации, стр. 35.

⁶ «Reichskommissariat für die Festigung deutschen Volkstums».

⁷ «Exterminacja ludności w Polsce ...» s. 8.

⁸ Ibid., p. 9.

⁹ Ibid., p. 10.

¹⁰ Документ хранится в материалах Политического архива МИД в Бонне и был опубликован сначала западногерманскими учеными (см. «Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933—1945». Bielefeld, Bd. IV, 1961), а затем в «Sprawy międzynarodowe», 1962, № 6.

ликодушные и широко запланированные цели немецкой восточной политики»¹¹. По-видимому, наиболее полное воплощение эти цели нашли в «Генеральном плане Ост». Существуют сведения, что разработкой его руководил один из высших чиновников Главного имперского управления безопасности эсэсовец Ганс Элих¹², возглавлявший в этом управлении отдел ПИВ, который позднее стал называться отделом поселений и переселений¹³. На Нюрнбергском процессе Элих подтвердил свою причастность к разработке «Генерального плана Ост»¹⁴.

Вопрос о том, когда нацисты приступили к составлению этого плана, пока окончательно не решен. Одни историки считают, что план разрабатывался уже в 1940 г.¹⁵, другие признают более позднюю датировку¹⁶. Следует считать, что работы по составлению «Генерального плана Ост» были закончены на рубеже 1941—1942 гг.

Подготовленный в конце 1941 г. документ Элиха представлял собой широкую программу закрепления завоеваний гитлеровской армии, распространения господства германского империализма на польские и советские земли, порабощения и физического уничтожения славянских народов. Историки Польши и СССР сделали попытку восстановить «Генеральный план Ост» по сохранившимся документам¹⁷. План состоял из двух частей, так называемого «малого» и «большого» планов. В «малом» плане были изложены колонизационные намерения нацистов на период военных действий. Он касался германизации только польских территорий, включенных в состав рейха в 1939 г., т. е. Поморья, Силезии, Великой Польши, а позднее и части территории губернаторства, район Замостья¹⁸. Такова была нацистская программа «минимум».

«Большой» план содержал более широкие проекты колонизации Востока, включавшие советские украинские, белорусские и прибалтийские территории. В плане предусматривалось выселение в Сибирь с западных территорий СССР и из Польши около 31 млн. человек¹⁹, из них 16—20 млн. поляков²⁰. По расчетам авторов плана, оставшиеся на указанных землях 14—15 млн. славянского населения подлежали постепенной германизации. Эту часть плана предполагалось осуществить в течение 25—30 лет²¹.

Более полно и конкретно представить план Элиха позволяют документы, появившиеся на свет в апреле-мае 1942 г.: так называемый меморандум Ветцеля²² «Замечания и предложения по „Генеральному плану Ост“ рейхсфюрера СС от 27 IV 1942 г.»²³ и недавно обнаруженный полный текст документа, составленного К. Майер-Хетлингом в мае 1942 г., «Гене-

¹¹ «Sprawy międzynarodowe», 1962, № 6, s. 90—91.

¹² По сведениям западногерманского журнала «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» в 1958 г. Элих проживал в Брауншвейге и работал врачом. См. «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1958, № 3, S. 297.

¹³ W. Sulewski. Lasy w ogniu, s. 19.

¹⁴ «Новый порядок в Европе». Западное агентство печати, Варшава, 1960, стр. 9.

¹⁵ «Die Deutschen in der Tschechoslowakei...», S. 39; Я. Гумковский, К. Лещинский. Там же, стр. 10.

¹⁶ «Wschodnia ekspansja Niemiec...», s. 253.

¹⁷ См.: W. Sulewski. Ibid.; Я. Гумковский, К. Лещинский. Там же; С. З. Мадаячук. Generalna Gubernia w planach hitlerowskich.

¹⁸ W. Sulewski. Ibid. p. 21.

¹⁹ «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 91.

²⁰ «Wschodnia ekspansja Niemiec...», s. 253.

²¹ Я. Гумковский, К. Лещинский. Там же, стр. 11.

²² Документ опубликован в ряде исторических изданий; см. «Przegląd Zachodni», 1958, № 2; «Военно-исторический журнал», 1960, № 1; «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1958, № 3; и др.

²³ «Stellungnahme und Gedanken zum Generalplan Ost des Reichsführers SS».

ральный план Ост. Экономические, пространственные и юридические основы развития Востока»²⁴.

Первый документ был обнаружен после мая 1945 г. в материалах «Министерства по делам оккупированных восточных провинций», во главе которого стоял Розенберг. Ветцель, сотрудник бюро нацистской партии по вопросам расовой политики, после образования в июле 1941 г. названного министерства стал работать одновременно и в политическом департаменте ведомства Розенберга. Его меморандум, представлявший оценку «Генерального плана Ост», разработанного сотрудниками Гимmlера, был секретным документом и предназначался, как полагает польский ученый Ч. Мадайчик, для Розенберга. Анализируя географические границы действия плана «Ост» и исходя из директив Гитлера о германизации и колонизации советских территорий, а также принимая во внимание положение дел на советско-германском фронте, Ветцель подчеркивал возможность расширения территорий, подлежащих немецкой колонизации.

Ученые предполагают, что план Элиха не предусматривал колонизации территории Чехословакии и областей РСФСР²⁵. Ветцель же считал необходимым включить в план Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую области, а также юг советской Украины, Крым и Таврию, и определял как восточную границу колонизации линию, проходящую в ее северной и восточной части «от Ладожского озера к Валдайской возвышенности и далее на Брянск»²⁶. Специальный раздел в меморандуме Ветцеля был уделен так называемому «чешскому вопросу». Автор считал необходимым включить в сферу действия «Генерального плана Ост» и чешские территории. Причем германизации подлежали 50% чешского населения. Остальных ожидала все та же участь быть «выселенными»²⁷.

Постоянно обсуждавшийся в высших кругах нацистской партии на протяжении 1940—1941 гг. вопрос германизации и колонизации чешских территорий в этот период был, видимо, уже близок к окончательному решению²⁸. 2 октября 1941 г. в одной из речей перед высшей администрацией чешского протектората Гейдрих развил широкие колонизационные планы нацистов²⁹. Поэтому не удивительно появление «чешского вопроса» и в меморандуме Ветцеля. Более далеко идущие планы Ветцеля по расширению германской колонизации определялись, конечно, временными успехами гитлеровской армии на Восточном фронте в конце 1941 — начале 1942 г. По мере продвижения гитлеровцев на восток аппетиты их все возрастали, и в начале 1943 г. Гимmlер говорил уже о еще более значительной территории, подлежащей колонизации.

Что касается политики по отношению к славянским народам, то здесь Ветцель вносил вторую поправку в план Элиха. Последний предусматривал выселение за Урал, в Сибирь, 31 млн. славян, Ветцель считал необходимым выселить 46—51 млн.³⁰, из них около 90% поляков, 65% украинцев, 75% белорусов и значительную часть латышей, литовцев и эстонцев³¹.

Из истории второй мировой войны, особенно из истории гитлеровской оккупации Польши и Советского Союза, хорошо известно, что часто упот-

²⁴ «Generalplan Ost — rechtliche, wirtschaftliche und räumliche Grundlagen des Ostaufbaues».

²⁵ С з. М а д а j с з у к. Ibid. p. 96.

²⁶ «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 90.

²⁷ Там же, стр. 97.

²⁸ «Die Deutschen in der Tschechoslowakei...», S. 34.

²⁹ «Polish Western Affairs», 1962, № 2, p. 393.

³⁰ «Военно-исторический журнал», 1960, № 4, стр. 92.

³¹ Там же, стр. 86.

реблявшийся в нацистском жаргоне термин «выселение» практически означал постепенное физическое уничтожение местного населения. Такие «выселения» проводились нацистами в советской Прибалтике, в польском Замостье, в Силезии, Поморье, наконец, «выселяли» евреев из Варшавского гетто. Миллионы погибших и миллионы обреченных на неминуемую гибель — вот что означало нацистское «переселение» славянских и других народов Европы.

Характеризуя и критикуя план, выработанный в ведомстве Гиммлера, Ветцель составил по сути дела еще один вариант «Генерального плана Ost», основанный все на тех же человеконенавистнических положениях расовой теории нацизма.

В ходе Нюрнбергского процесса как одно из доказательств обвинения был представлен документ «Сокращенное резюме документа „Генеральный план Ost“ — правовые, экономические и пространственные основы восточного строительства», составленный Майер-Хетлингом³². В 1957 г. в Америке, а в 1960 г. в Западной Германии появились первые сведения о существовании полного текста меморандума в архиве микрофильмов в Вашингтоне³³. В 1961 г. польский историк Ч. Мадайчик опубликовал этот полный вариант³⁴.

Мемориал Майер-Хетлинга являлся приложением к письму, направленному Гиммлеру 28 мая 1942 г. как комиссару «по укреплению германской нации». Давая показания в Нюрнберге, Майер-Хетлинг сообщил, что документ был подготовлен на основании поручения Гиммлера³⁵. В январе 1942 г. Гиммлер принял проф. Майер-Хетлинга и поручил ему дальнейшую разработку социально-экономических проблем «восточного строительства»³⁶. Результаты этой разработки и были изложены Майер-Хетлингом в письме от 28 мая 1942 г.; в приложении к письму находились полный и сокращенный варианты плана³⁷.

Если в плане «Ost», разработанном в Имперском управлении безопасности (и являвшемся предметом анализа в документе Ветцеля), основное внимание концентрировалось по-видимому, прежде всего, на вопросах национальной политики, «выселений» и колонизации восточных территорий, то в плане Майера в известной степени его дополнившем, основное внимание уделялось социально-экономическим проблемам в оккупированных фашистами областях. Гиммлер, видимо, требовал от Майера-Хетлинга развития основных, принципиально важных вопросов осуществления колонизации с точки зрения экономической. Поэтому план и был посвящен, главным образом, разработке принципов организации и оформления немецкой колонизации восточных территорий.

Изложенная в первой части плана система колонизации и германизации восточных территорий явно обнаруживала и определенные политические цели нацистов — полное вытеснение остатков местного, т. е. польского, русского, украинского и др. населения. В экономической области предусматривалось насаждение «здорового» кулацкого землевладения («гроссбауэров») из числа «фольксдойче» и переселенцев из рейха; в городах — объединение земельных владений и промышленности в руках немецких колонистов, а также сосредоточение дела колонизации в руках эсэсовских и полицейских властей. Вторая часть плана посвящалась раз-

³² «Przegląd Zachodni», 1961, № 3, s. 66.

³³ C z. M a d a j c z y k. Ibid., p. 98; «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», 1960, № 1, S. 199.

³⁴ «Przegląd Zachodni», 1961, № 3; «Polish Western Affairs», 1962, № 2

³⁵ C z. M a d a j c z y k. Ibid., p. 98.

³⁶ «Polish Western Affairs», 1962, № 2, p. 393.

³⁷ C z. M a d a j c z y k. Ibid.

работке методов и способов финансирования нацистской колониальной политики. Здесь особенно ярко проявилась социальная сущность нацистских планов, так как вся тяжесть расходов перекладывалась на широкие массы трудящихся Германии, которые должны были выплачивать специальный «восточный налог». Кроме того, Майер-Хетлинг предполагал самое интенсивное использование экономических возможностей захваченных стран, жестокую эксплуатацию местного гражданского населения и принудительного труда военнопленных.

В последней части плана рассматривались географические границы территорий, подлежащих германизации. Кроме западных польских земель — Великой Польши, Поморья и Силезии, в сферу колониационной деятельности нацистов предполагалось включить советские территории: так называемый Ингерманланд (Ленинградская область), Готенгау (Крым, Херсонская область) и область Мемель-Нарев (район Белостока и Западной Литвы)³⁸.

Полной германизации и колонизации подлежали указанные советские районы и присоединенные к Германии после 1 сентября 1939 г. польские земли. Между ними вклинивались генерал-губернаторство и Прибалтика, которые Майер-Хетлинг также считал необходимым включить в план германской колонизации, но проводить здесь не сплошное заселение, а создавать так называемые опорные пункты или базы, которые являлись бы связующим звеном между колонизованными советскими землями и Германией. Из 36 запланированных поселенческих опорных пунктов 14 предполагалось разместить в генерал-губернаторстве, 14 — в советской Прибалтике и Белоруссии и 8 — на Украине³⁹. Таков вкратце был план немецкой колонизации, составленный весной 1942 г. Майер-Хетлингом на основе инструкций Гиммлера.

Получив меморандум Майер-Хетлинга, Гиммлер уже 12 июня 1942 г. направил ответ⁴⁰ на имя бригаденфюрера СС Грейфельта — руководителя штаба Имперского комиссариата по укреплению германской нации и непосредственного начальника Майера-Хетлинга. В этом письме Гиммлер выражал удовлетворение работой Майер-Хетлинга и сообщал о своем намерении показать этот план Гитлеру⁴¹. Кроме того, он внес ряд очень существенных добавлений к проекту.

Если план Майера-Хетлинга был рассчитан на 30 лет⁴² и предусматривал лишь частичную германизацию и колонизацию генерал-губернаторства, то Гиммлер уже требовал включения всего губернаторства, Эстонии и Латвии в сферу колониационной деятельности СС: «Этот двадцатилетний план должен включать полное онемечивание Эстонии и Латвии, а также всего генерал-губернаторства. Мы должны это осуществить по возможности в течение 20 лет. Я лично убежден, что это можно сделать. Предложение создать на территории генерал-губернаторства и всей Остландии только опорные пункты не соответствует моим желаниям и планам»⁴³.

Таким образом, аппетиты германского империализма к лету 1942 г. значительно возросли. Теперь Гиммлер планировал создавать опорные пункты не только в Прибалтике и губернаторстве, а на Волге, Дону и Урале⁴⁴. Лето 1942 г. исследователи считают зенитом разработки гитле-

³⁸ «Polish Western Affairs», 1960, № 2, p. 432.

³⁹ «Polish Western Affairs», 1962, № 2, p. 436.

⁴⁰ Документ опубликован в ряде изданий. На русском языке см. «Военно-исторический журнал», 1960, № 1.

⁴¹ «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 98.

⁴² В меморандуме Ветцеля также был предусмотрен срок в 25—30 лет.

⁴³ «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 98.

⁴⁴ «Polish Western Affairs», 1962, № 2, p. 397.

ровских перспективных планов «освоения» Востока. 12 января 1943 г. Гиммлер послал письмо по поводу плана «Ост» непосредственно Майер-Хетлингу, где потребовал включить в план территорию Белоруссии полностью⁴⁵. Майер-Хетлинг ответил 15 февраля 1943 г.⁴⁶ Видимо, учитывая новое политическое положение Германии, создавшееся после поражения на Волге он запросил в этом письме Гиммлера относительно необходимости продолжения работы над планом. В апреле 1943 г. Гиммлер дал довольно уклончивый ответ и переписка прекратилась⁴⁷.

Итак, весной 1943 г. работа над чудовищным планом уничтожения населения Восточной Европы оканчивается. Хронологически это совпадает с решением Гитлера, в связи с разгромом гитлеровских войск на Волге и объявлением «тотальной войны», отложить все работы по перспективному планированию на послевоенный период.

Однако уже в период войны план «Ост» нашел свое практическое применение. Переселенческие планы нацистов стали осуществляться прежде всего в Польше, где в 1939—1940 гг. они приступили к массовому выселению поляков из присоединенных к Германии польских территорий в генерал-губернаторство, к систематическому вывозу польского населения на принудительные работы в глубь Германии и планомерному заселению Силезии, Поморья и Великой Польши представителями «высшей» расы. Интенсивная переселенческая деятельность нацистов развивалась в различных районах Польши и Советского Союза, где действовали так называемые главные штабы по переселению. Например, в Познанском и Лодзинском районах существовали в августе 1942 г. два главных штаба по переселению и 17 районных отделений. Такие штабы имелись по одному в Силезии, Поморье и в польских землях, присоединенных к Восточной Пруссии. Кроме того, в Поморье действовали 18 районных отделений этих штабов, в Силезии — 7, в Восточной Пруссии — 9⁴⁸. Нацисты выселили с присоединенных в 1939 г. земель около 1 млн. польских граждан и поселили 750 тыс. немцев из рейха и фольксдойче⁴⁹.

На территории Советского Союза, в Риге и Каунасе, были созданы такие же главные штабы по колонизации советской Прибалтики. Осенью 1942 г. началось уничтожение населения в Литве, куда было возвращено из Германии около 17 тыс. депортированных в 1939/40 гг. фольксдойчей⁵⁰. Кроме того, были разработаны проекты создания немецких опорных баз в ряде районов советской Украины. Во второй половине 1942 г. был решен вопрос об организации немецких поселений в районе Житомира и Винницы, а также учреждена специальная «SS-Krimkommando» по заселению Крыма немцами из Южного Тироля и Палестины⁵¹.

Наиболее жестоко проводилось «выселение» местного населения из района Замостья. За период до осени 1943 г. нацисты выселили из 297 деревень Замостья 110 тыс. чел. и поселили 3 тыс. семей немецких колонистов⁵². Подавляющее большинство выселенных погибло в Освенциме или было отправлено на принудительные работы в Германию. Такая же судьба ожидала миллионы русских, украинцев, белорусов, поляков, латышей, эстонцев и других жителей Восточной Европы. Есть сведения

⁴⁵ C z. M a d a j c z y k. Ibid., p. 401.

⁴⁶ «Polish Western Affairs», 1962, № 2, p. 398.

⁴⁷ «Военно-исторический журнал», 1964, № 7, стр. 122.

⁴⁸ «Polish Western Affairs», 1962, № 2, p. 399.

⁴⁹ T. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945. Warszawa, 1963, s. 145. «Polish western affairs», 1962, № 2, p. 399.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ C z. M a d a j c z y k. Ibid., p. 407.

⁵² W. S u l e w s k i. Ibid., p. 401.

о том, что подобные планы строили нацисты и для других славянских народов: чехов (собственно чешские территории в 1942 г. уже включались в план «Ост»), словаков, словенцев и др. По-видимому, велась работа и над составлением общего перспективного плана немецкой колонизации в Европе. В письме к руководителю комиссариата по укреплению германской нации Грейфельту от 12 июня 1942 г. Гиммлер высказал, например, следующее пожелание: «... необходимо, чтобы мы составили общий план колонизации, который бы учитывал ранее разработанные планы для областей Данциг—Западная Пруссия, Вартской и Верхней Силезии, Юго-Восточной Пруссии, а также для Богемии, Верхней Крайны, Южной Штирии»⁵³. Таким образом, колонизационные планы нацистов охватывали значительную часть всего европейского континента, включая территории Польши, Советского Союза, Чехословакии, Австрии, Югославии. В 1942—1943 гг. «Генеральный план Ост» перерабатывался в связи с нацистскими замыслами создания нового, территориально более широкого колонизационного плана, в который бы вошли все указанные выше территории. Появление на рубеже 1942—1943 гг. названий «Gesamtsiedlungsplan» и «Generalsiedlungsplan»⁵⁴ свидетельствует, что попытки составления «Генерального плана колонизации», видимо, все-таки делались нацистами.

Поселенческим и германизаторским планам нацистских изуверов не суждено было осуществиться. Победы Советской Армии и разгром гитлеровской Германии сорвали их реализацию.

⁵³ «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 98.

⁵⁴ C z. M a d a j c z y k. Ibid. p. 103.

Е. П. ЛЬВОВА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-БОЛГАРСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

История русско-болгарских культурных связей чрезвычайно многогранна и интересна. Многие ее страницы уже нашли своих последователей в нашей стране и в Болгарии¹. Сравнительно мало мы знаем о связях, существовавших между русскими и болгарскими художественными школами, между художниками России и Болгарии, в то время как они имели важное значение для формирования болгарского художественного образования и эстетической мысли конца XIX в.

Болгарское изобразительное искусство 80—90-х годов XIX в. в своей основе развивается по пути реализма. Оно уступает болгарской литературе того же периода в остроте критической направленности, но созвучно ей глубоким демократизмом характера, подлинной народностью содержания.

В этот период художников интересует прежде всего образ крестьянина. Это доминирующая тема в творчестве И. Ангелова, А. Митова, И. Мырковички, Я. Вешина. В их творчестве проявились черты критического реализма, а основной пафос их произведений — воспевание человека из народа, его связи с природой, его силы, красоты, мужества, трудолюбия. Правдиво рисуя народный быт, болгарские художники не всегда давали четкую социальную оценку изображаемым явлениям — во многих картинах на крестьянские темы проявилось скорее сочувствие крестьянам, чем критика их угнетателей.

Если для искусства периода болгарского возрождения характерно развитие портрета и исторической картины, то теперь на первое место выдвигается бытовой жанр и пейзаж.

Болгарские художники находились в гуще общественной жизни, активно участвовали в прогрессивных культурных начинаниях, пропагандировали реалистические традиции русского и западноевропейского искусства. Они организовали первые художественные выставки. В 1893—1894 гг. было создано «Общество поощрения искусства в Болгарии», издававшее первый журнал по вопросам изобразительного искусства — «Искусство». В это же время было открыто и Государственное рисовальное училище в Софии, стремившееся воспитывать своих учеников в духе реалистических традиций.

Вскоре после освобождения в Болгарию приезжают десятки ученых, педагогов, художников из разных стран. Одни, прибывшие в качестве корреспондентов, в своих статьях и рисунках стремятся рассказать о жизни в освобожденной стране, другие помогают организации образования, работают учителями, или изучают быт и культуру Болгарии. Среди

¹ Одним из примеров этого может служить вышедшая в 1964 г. книга В. И. Злыднева «Русско-болгарские литературные связи XX века» (Изд-во «Наука»).

них были ученые-слависты К. Иречек, автор первых фундаментальных исследований по болгарской истории, один из организаторов народного музея и библиотеки в Софии, археолог А. Шоурек и многие другие ученые, которых до настоящего времени помнит и почитает болгарский народ.

Откликнувшись на призыв болгарского правительства — помочь организовать дело образования и искусства, в Болгарию приехали чешские художники Мырквичка и Вешин, нашедшие здесь свою вторую родину. И тот и другой были преподавателями Государственного рисовального училища в Софии, своим творчеством вместе с болгарскими художниками они закладывали основы демократического реалистического искусства конца XIX — начала XX в.

В тот же период в Болгарии побывали и некоторые польские художники — среди них А. Пиотровский, создавший ряд произведений на болгарские темы. Большая группа русских художников работала над темами недавних событий русско-турецкой войны или непосредственно вместе с болгарскими архитекторами, живописцами и скульпторами создавала архитектурные сооружения, памятники, общественные здания.

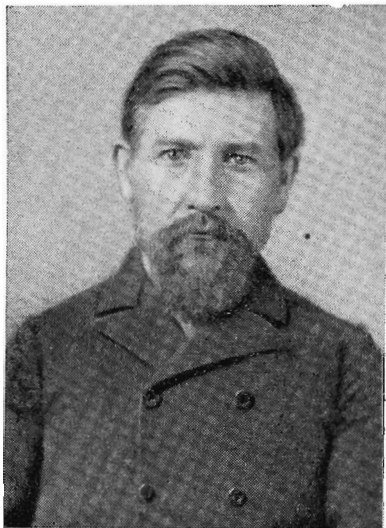
Таким образом, одной из специфических черт развития болгарской культуры первых десятилетий после освобождения страны от турецкого ига является активное участие в ней ряда деятелей культуры других стран, в особенности славянских. Без учета этого невозможно объяснить и многие специфические явления в развитии болгарской живописи и эстетической мысли, литературной критики и поэзии.

Вместе с болгарскими коллегами плодотворно работали русские художники и критики. Это были художественный критик Орест Георгиев, печатавший в русских изданиях статьи о болгарских художниках и событиях культурной жизни; воспитанница Московского училища живописи, ваяния и зодчества Эсфирь Слепян, также работавшая в Болгарии в качестве художественного критика, педагога и создавшая в Болгарии ряд жанровых картин и портретов; скульптор Борис Шатц — один из активных педагогов будущей Художественной академии.

Можно утверждать, что вне зависимости от того, сколь долго прожили в Болгарии русские художники — несколько лет, как Э. Слепян, или несколько десятилетий, как О. Георгиев, они не чувствовали себя в Болгарии иностранцами. Они вошли в жизнь болгарского народа, вместе с болгарскими художниками боролись за реалистическое национальное искусство. Не случайно поэтому многие статьи О. Георгиева, написанные по вопросам болгарского искусства, начинаются словами: «у нас в Болгарии...» О. Георгиев глубоко сочувствовал болгарскому народу и отдавал ему весь свой опыт и знания. То же самое можно сказать и о деятельности Э. Слепян и Б. Шатца, принесших в Болгарию идейно-художественные основы русского реалистического жанрового искусства, принципы русской художественной школы и ее методы преподавания.

Творческая деятельность О. Георгиева до сих пор не получила достойной оценки ни в болгарской, ни в русской искусствоведческой литературе². Между тем статьи, написанные О. Георгиевым о болгарском искус-

² О деятельности О. Георгиева в Болгарии и о его статьях упоминает А. Божков в книге «Българска художествена академия» (София, 1962, стр. 18, 48), а также А. Веков в статье «Руската революционна емиграция в България» (1878—1917) — напечатана в сб. «Известия Высшей партийной школы им. Станке Димитрова» при ЦК БКП, 1964, № 2, стр. 51—52. Первая статья, посвященная общественно-политической деятельности О. Георгиева, напечатана в 1964 г. в болгарском журнале «Проблеми на висшето образование», София, 1964, № 4. Автор статьи Н. Шелудко впервые сообщает о деятельности О. Георгиева после его возвращения на родину.

О. Говорухин-Георгиев

стве, выходят далеко за пределы обычных информационных. В этих страстных по своему звучанию работах выражается горячее желание видеть болгарское искусство передовым, стремление помочь всеми силами развитию высокого художественного вкуса у болгарского народа. За несколько лет О. Георгиев написал ряд больших статей, поднимавших важные вопросы болгарского искусства. Все они весьма оригинальны по своим мыслям, интересны остротой поставленных в них вопросов.

Настоящее имя Ореста Георгиева — Орест Макарович Говорухин. Он родился на Дону в 1864 г., учился в Петербургском университете, где сблизился с братом В. И. Ленина — Александром Ульяновым. Большую роль в формировании его мировоззрения сыграла встреча с Димитром Благоевым, который организовал и читал в то время нелегальные лекции с целью распространения

марксизма. В своих воспоминаниях О. Говорухин пишет: «Первым, от кого мы услышали живую социал-демократическую речь, был Дмитрий Николаевич Благоев, болгарин, студент Петербургского университета»³.

Спасаясь от преследований царской охранки, О. Говорухин с помощью А. Ульянова выехал в 1887 г. в Швейцарию, где некоторое время работал с Плехановым. Очевидно, ко времени приезда Говорухина в Болгарию (1894 г.) он был человеком с окончательно сложившимся мировоззрением. В Болгарии Говорухин переменял фамилию на Георгиев. Здесь он сблизился с прогрессивными болгарскими художниками — И. Мырковичкой, А. Митовым, Н. Михайловым и другими деятелями искусства. В продолжение ряда лет О. Георгиев читал курс русской литературы в Софийском университете и был ученым секретарем Государственного художественного училища. Он вел переписку с художественными журналами, издававшимися в России, Англии и Италии, куда систематически посылал статьи и корреспонденции о культурной жизни Болгарии⁴.

Интересы О. Георгиева были чрезвычайно широки, ни один важный вопрос художественной жизни не оставался без его внимания. Его статьи о болгарском художественном училище, о конкурсе на памятник Освобождения Болгарии, об основных моментах истории болгарского искусства, заметки о болгарских художниках печатались в русском журнале «Искусство и художественная промышленность». Они не только давали объективную оценку истории болгарского искусства и творчества наиболее значитель-

³ О. Г о в о р у х и н. Воспоминания о террористической группе А. И. Ульянова. — «Октябрь», 1927, № 3, стр. 129.

⁴ О. Георгиев жил и работал в Болгарии вплоть до 1925 г. После подавления Сентябрьского восстания 1923 г. реакция неоднократно организовывала покушение на О. Георгиева. В 1925 г. он вернулся на родину и работал в Москве вплоть до кончины в 1937 г. В Советском Союзе О. Георгиев занимался переводами произведений болгарских писателей — в его переводе в 1931 г. вышла книга произведений А. Константинова (с предисловием Г. Бакалова), а несколько позже — сочинения Х. Ботева (над последней О. Георгиев работал совместно с С. Городецким).

ных художников — всей своей направленностью, идейной устремленностью они активно пропагандировали идею связей русского и болгарского искусства, будили интерес русского общества к болгарскому народу и его культуре.

Статьи О. Георгиева о болгарском искусстве привлекают современностью, актуальностью проблем, которые автор ставил в связи с анализом болгарского искусства. Лейтмотивом всех статей была страстная убежденность в силе реалистического искусства, близкого к жизни и понятного народу. Именно О. Георгиев впервые подчеркнул на страницах печати мысль о преемственной связи болгарского искусства конца XIX в. с искусством эпохи Возрождения⁵, показав и различие этих этапов, и то общее, что есть между ними. Впервые О. Георгиев заговорил о художниках-славянах, приехавших в Болгарию для того, чтобы помочь в создании художественной школы и в области профессионального образования⁶. Он сумел верно оценить все огромное значение для болгарской живописи таких живописцев, как И. Ангелов, А. Митов, И. Мырквичка, Я. Вешин.

На основе анализа творчества этих художников О. Георгиев наметил и основные вехи в истории болгарского искусства, подчеркнув лучшие его черты — народность, идейную направленность, оригинальность жанровых произведений и разнообразие в трактовке образов.

Стремление выделить в истории болгарского искусства нового времени наиболее значительных художников-реалистов раскрывается во многих статьях О. Георгиева. Так, говоря о графике, он дает анализ работ А. Божинова, иллюстрируя этот разбор лучшими карикатурами художника⁷. Характеризуя современную скульптуру, он обращается к творчеству Б. Шатца.

В настоящее время трудно сказать — были ли эти статьи написаны по заказу русских журналов, или они были перепечатаны из французских или итальянских изданий, куда О. Георгиев систематически посылал корреспонденции и статьи. Однако они дали русскому обществу конкретное и верное представление о болгарском искусстве конца XIX — начала XX в. и наиболее значительных явлениях его истории.

Примером резко критических выступлений О. Георгиева против современного буржуазного искусства (в данном случае речь шла о монументальной скульптуре) служит его статья о международном конкурсе на памятник Освобождения Болгарии в Софии⁸. Критикуя лжеклассическую форму в решении многих современных ему памятников, О. Георгиев указывает на разрыв их формы с содержанием. Говоря о необходимой оригинальности и конкретности художественного образа в скульптуре, О. Георгиев ссылается на Антокольского. Он смело критикует жюри конкурса, состоявшее из европейских скульпторов, обвиняя их в том, что по традиции они больше обращают внимания на техническую ловкость, а не на глубину содержания. Обращаясь к примерам из современной европейской скульптуры, О. Георгиев показывает шаблонность проекта многих памятников, лишенных главного — по мнению О. Георгиева — осмысленности.

В этот период болгарская художественная критика лишь начинала свое развитие. Общие положения, касавшиеся эстетических проблем, можно найти в статьях болгарских писателей, поэтов, публицистов. Однако статьи критического плана, посвященные анализу болгарского изобразительного искусства, начали появляться позже — в начале 900-х

⁵ «Искусство и художественная промышленность», 1900, № 20,9.

⁶ Там же, № 20.

⁷ Там же.

⁸ Там же, 1901, № 1.

годов. Первые же художественные выставки, открытые в конце 90-х годов, не получили освещения в болгарской печати. Поэтому значение появившихся в эти годы критических статей, анализировавших произведения изобразительного искусства, было особенно велико.

Одновременно с О. Георгиевым анализу состояния современного болгарского изобразительного искусства посвящает свои статьи и Э. Слепян⁹. Она стоит на тех же идейно-художественных позициях, что и О. Георгиев, и касается тех же проблем, о которых он писал¹⁰.

Э. Слепян активно участвовала, подобно О. Георгиеву, И. Мырквицке, Я. Вешину, А. Митову, Б. Шатцу и другим, во всех прогрессивных общественно-художественных начинаниях того времени. Она неоднократно выступала на страницах печати со статьями о болгарском и европейском искусстве.

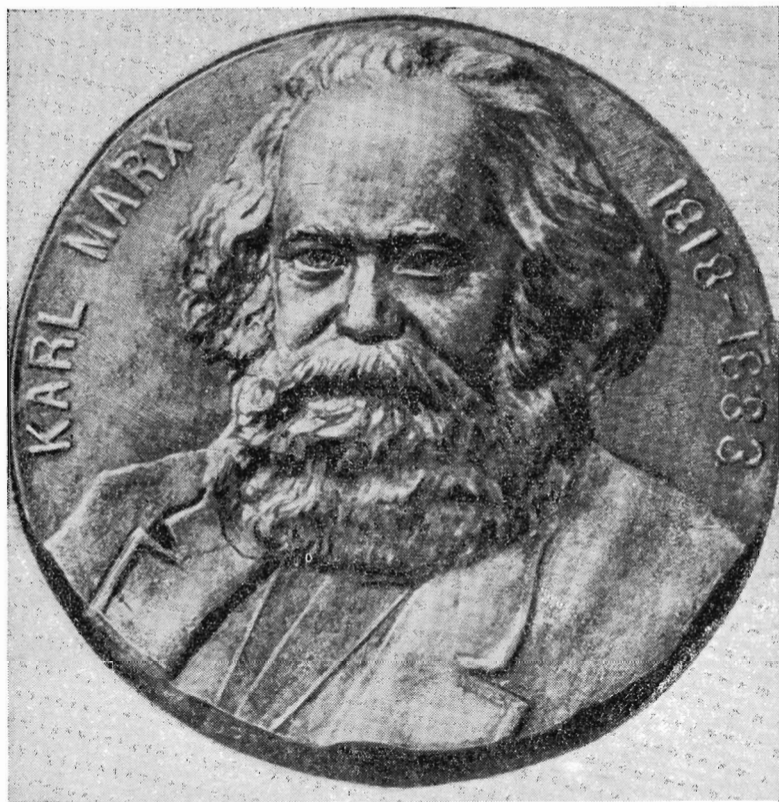
В журнале «Български преглед» (№ 3 от июня 1897 г.) была опубликована большая статья Э. Слепян, посвященная Второй художественной выставке, открытой тогда в Болгарии. По глубине трактовки поставленных проблем, по страстной и живой манере изложения эта статья имеет много общего со статьями О. Георгиева. Связь художественно-критической деятельности Слепян с прогрессивной русской критикой, идущей от Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Стасова к Плеханову, к болгарским критикам-марксистам Д. Благоеву, Г. Бакалову и др., совершенно очевидна. Говоря о конкретных произведениях болгарских художников, Э. Слепян показывает их достижения и неудачи на фоне всего болгарского искусства, сравнивая его с современным русским искусством и с работами западных художников.

Вторую художественную выставку болгарских художников Слепян сооставляет с выставками передвижников и пишет, что она «напоминает первые выставки русских художников своей серьезностью, глубиной содержания и оригинальностью сюжетов». С искренней радостью констатирует Слепян в своей статье, что болгарское искусство нового времени достигло больших успехов. Слепян подчеркивает, что будущее этого искусства зависит от того, насколько оно будет связано с народом, его судьбой и стремлениями.

В статье Слепян поставлен вопрос и о национальном характере болгарского искусства. Автор утверждает, что болгарским художникам необходимо помнить о его национальной специфике. Для этого необходимо воспитывать у начинающих художников уважение к национальной культуре, раскрывать значение болгарского искусства в жизни народа. Залог успеха, или, как образно говорит Слепян, «живая пища для души молодого художника» — это работа с натуры, изучение национальных музеев, посещение выставок и библиотек. Это разовьет художника, поможет ему

⁹ Общественно-педагогическая и творческая деятельность Э. Слепян в последние годы привлекла внимание болгарских исследователей. В 1958 г. Ирина Михалчева опубликовала статью, в которой впервые была сделана попытка дать оценку работ Э. Слепян в Болгарии (см. «Известия на Института за изобразително изкуство при БАН», кв. 4, 1958). О работе Э. Слепян как педагога, организатора частного художественного училища в Софии (1896 г.) упоминает также А. Божков (в книге «Българска художествена академия», София, 1962, стр. 18—19). Оба указанных болгарских автора подчеркивают передовые демократические взгляды художницы и пишут о реалистических основах ее творчества.

¹⁰ Художница получила образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1884—1889), а потом специализировалась за границей. В делах училища (ЦГАЛИ, ф. 680, оп. 2, д. 444) сохранились документы Э. Слепян (род. в 1868 г., до замужества Э. Иосилевич). Из них известно, что она получила диплом учительницы рисования и была удостоена серебряной медали за картину «Прошло как сон» (эта картина в настоящее время хранится в Национальной художественной галерее в Софии).

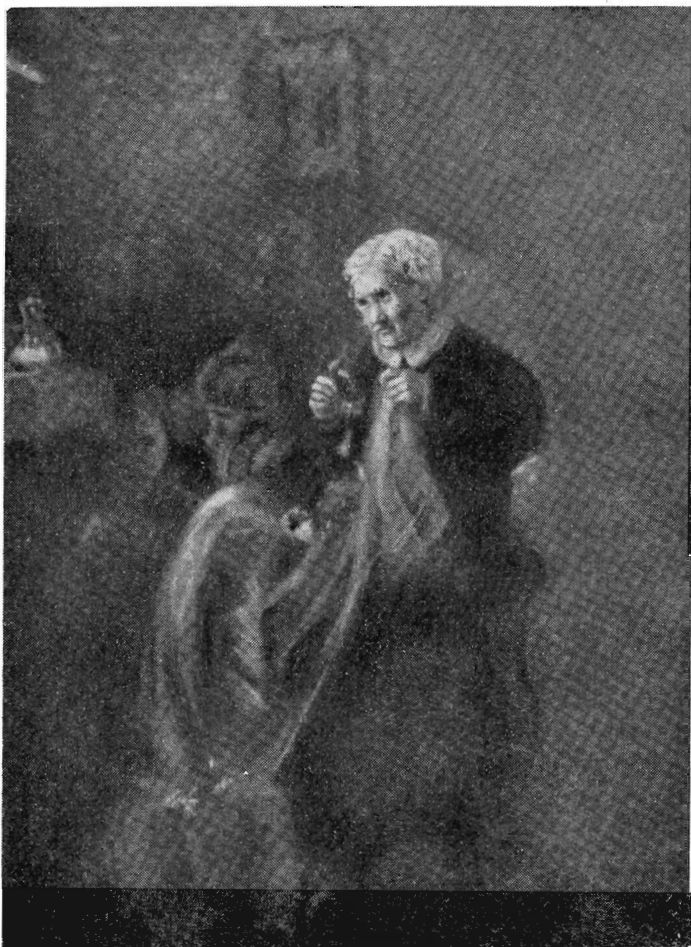
Б. Шатц. Карл Маркс. 1894 г., гипс тонированный

познать родное искусство. Для всей деятельности Э. Слепян характерно особое внимание к вопросам художественного образования, к воспитанию в художнике гражданина. По инициативе Э. Слепян в 1896 г. — почти одновременно с Государственным художественным училищем — была создана первая в Болгарии частная художественная школа.

Ученица Московского училища живописи, ваяния и зодчества, где преподавали в те годы В. Поленов, Н. Неврев и В. Маковский, Э. Слепян работала в Болгарии и как портретистка, а также создала ряд тематических картин, которые показывают, что она писала в традициях русских жанристов-реалистов конца XIX в. Бережное отношение к образу человека, четкая композиция, проработка деталей связаны с традициями московской художественной школы.

В Болгарии художница систематически выставляла свои работы на выставках (о чем мы знаем из сообщений в периодической печати). Так, в журнале «Искусство» в 1894 г. сообщалось, что уже на Второй художественной выставке в Болгарии было показано несколько работ Слепян, на Третьей была показана ее картина «Освобожденная Болгария» и ряд портретов, на Четвертой художественной выставке картина «Дай мне хлеб!» и другие.

Третий художник, принесший в Болгарию традиции русской художественной школы, был скульптор Борис Шатц, ученик П. Антокольского. Одним из первых художественных критиков, обратившихся к анализу работ Б. Шатца, был О. Георгиев. В своих статьях (в обзорной статье, посвященной истории болгарского искусства XIX в., и в работе о конкур-

Э. Слепян. Прошло как сон

се на создание памятника Освобождению Болгарии)¹¹ О. Георгиев дал высокую оценку творчеству русского скульптора.

Б. Шатц (1869—1932) приехал в Болгарию в 1895 г. уже зрелым мастером, автором нескольких рельефов (среди них портреты К. Маркса, А. Рубинштейна, Л. Пастера и И. Мечникова), а также ряда скульптур. В Болгарии Б. Шатц сразу же сблизился с прогрессивными деятелями искусства и вместе с И. Мырвичкой, А. Митовым, К. Величковым и др. был одним из организаторов художественного училища.

По имеющимся сведениям, Б. Шатц преподавал в организованной им скульптурной мастерской еще до открытия училища¹². В нем он работал многие годы, прививая своим ученикам традиции русской скульптурной школы. У Б. Шатца учился А. Николов — в будущем ведущий скульптор-реалист Болгарии¹³. Вопрос об организации художественного образования в Болгарии Б. Шатц рассматривал как дело общественно важное.

¹¹ «Искусство и художественная промышленность», 1899, стр. 421—424; 1900, стр. 264.

¹² Об этом пишет болгарский исследователь К. Крыстев в своей книге «Асен Белковский», София, 1955, стр. 10.

¹³ М. К а ц. Андрей Николов. София, 1954, стр. 12.

В письме на имя председателя «Общества поощрения искусства в Болгарии» Б. Шатц писал о том, как, по его мнению, должно развиваться болгарское художественное образование, выставочное дело, какие шаги необходимо сделать к тому, чтобы изобразительное искусство стало доступным самым широким слоям болгарского общества.

«За краткое время моего пребывания в Болгарии я сумел убедиться в том, что искусство и художественная промышленность находятся на очень низком уровне в этой, так сказать, еще молодой стране», — пишет Б. Шатц. «...По моему мнению, первым шагом в развитии искусства в какой бы то ни было стране должно быть постепенное воспитание художественного чувства масс»¹⁴. Излагая далее программу действий Общества, Б. Шатц предлагает меры по организации художественного образования, выставок и др. В художественной школе, указывает автор письма, должны быть обязательно организованы вечерние классы, для того чтобы занятые днем чиновники, ремесленники, студенты могли бы заниматься искусством при школе.

«Общество поощрения искусства» должно обратить особое внимание на организацию передвижных выставок по городам Болгарии, подобно тому как это делается в России, а также заботиться и об участии болгарских художников на европейских выставках; кроме того, по мнению Б. Шатца, Обществу следует собрать воедино произведения национальных художников. «Общество, которое поставило себе подобную цель, — пишет Б. Шатц, — должно воспитывать в публике эстетический вкус, заботиться об объединении всех деятелей искусства, дать им по возможности нравственную и материальную поддержку с тем, чтобы двинуть вперед искусство и художественную промышленность».

Но Б. Шатц не ограничивался педагогической деятельностью. Он создал большое количество жанровых скульптур, из которых следует отметить яркие национальные типажи: «Шоп», «Свирач» (музыкант, играющий на народном инструменте) и другие. Крестьяне и ремесленники в изображении Шатца — это яркие образы людей из народа, полные жизнеутверждающей силы и оптимизма.

О. Георгиев в одной из своих статей дал высокую оценку проекта памятника Освобождению Болгарии русскими войсками, выполненного Шатцем, подчеркнув смелость его замысла и оригинальность решения. Противопоставляя проект Шатца многочисленным работам иностранных художников, участвовавших в конкурсе, О. Георгиев подчеркивал, что отличительной чертой этого проекта была большая осмысленность образов. Значительное место среди них занимали русские солдаты и болгарские ополченцы, совместно сражавшиеся за освобождение Болгарии. Проект этот не был осуществлен. Однако тема русско-турецкой войны продолжала интересовать скульптора — он создал жанровую группу, посвященную событиям войны, где изобразил русского солдата, спасающего болгарского ребенка. Б. Шатц создал также множество произведений прикладного искусства. Работая над последними, он постоянно обращался к болгарскому народному творчеству — резьбе, вышивкам и т. д.

Творчество Шатца было проникнуто глубоким уважением к Болгарии, к ее народу, поэтому созданные им образы так проникновенны и обаятельны.

Живое общение болгарских художников с русскими деятелями художественной культуры сыграло значительную роль в развитии болгарского изобразительного искусства.

¹⁴ Письмо Б. Шатца от 1895 г. Архив БАН в Софии, ф. П, оп. 2, д. 581.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

НОВЫЕ ТРУДЫ БОЛГАРСКИХ ИСТОРИКОВ ОБ АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЕ БОЛГАРСКОГО НАРОДА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Историки Болгарии добились значительных успехов в изучении борьбы болгарского народа против фашизма в годы второй мировой войны. За последнее десятилетие ими были опубликованы сотни статей и значительное количество книг, посвященных этой тематике. Среди них в первую очередь следует упомянуть монографии Н. Горненского¹, В. Божинова², коллективный труд об Отечественной войне Болгарии 1944—1945 гг., подготовленный Военно-историческим отделом Министерства обороны Болгарии³, «Краткую историю Отечественной войны»⁴.

К 20-летию установления народной власти болгарские историки опубликовали ряд новых трудов.

Вопросы социально-экономического развития страны в годы второй мировой войны, вооруженной борьбы болгарского народа против гитлеровских оккупантов и монархо-фашистской диктатуры, народного восстания 9 сентября 1944 г. и вклада болгарской народной армии в разгром гитлеровских полчищ на Балканском полуострове и Юго-Западной Венгрии широко освещаются в третьем томе нового издания «Истории Болгарии»⁵, выпущенном в 1964 г. Институтом истории Болгарской академии наук. В разделах, написанных Н. Горненским, П. Топаловым и К. Драмалиевым, приводится новый интересный материал, почерпнутый из болгарских архивов.

¹ Н. Горненски. Въоръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристката окупация и монархо-фашистката диктатура (1941—1944 гг.). София, 1958.

² В. Божинов. Политическата криза в България през 1943—1944. София, 1957.

³ «Отечествената война на България 1944—1945», т. I. София, 1961; т. II, 1963.

⁴ «Кратка история на Отечествената война». Авторски колектив. София, 1958.

⁵ «История на България». Второ преработано издание в три тома. Т. 3. София, 1964

Монография С. Петровой «Борьба Болгарской рабочей партии за установление народно-демократической власти (май — сентябрь 1944)»⁶ посвящена периоду созревания в Болгарии революционной ситуации, развертыванию вооруженной борьбы болгарского народа под руководством БРП, непосредственной подготовке и проведению народного вооруженного восстания. На основе богатых архивных материалов и других источников автор обстоятельно рассматривает деятельность Болгарской рабочей партии, Отечественного фронта, Рабочего союза молодежи, партизанских отрядов и боевых групп, показывает развитие движения народного сопротивления и его перерастание в вооруженное восстание. Автор выдвигает тезис о том, что происшедшие с первых дней сентября 1944 г. забастовки, демонстрации, освобождение народом арестованных антифашистов, занятие партизанами отдельных населенных пунктов и установление в них власти комитетов Отечественного фронта уже положили начало народному восстанию, которое 8 и 9 сентября достигло своей кульминационной точки и завершилось окончательной победой.

Статья И. Димитрова «Последнее правительство буржуазной Болгарии»⁷ по-новому ставит очень интересный вопрос о характере правительства К. Муравиева, которое находилось у власти в Болгарии с 2 по 9 сентября 1944 г. Автор выступает против господствующей в болгарской исторической и философской литературе (за исключением, пожалуй, лишь упомянутой выше книги С. Петровой) оценки правительства Муравиева как монархо-фашистского или как замаскированной агентуры монархо-фашизма. По его мнению, создание правительства

⁶ С. Петрова. Борбата на БРП за установяване народнодемократическата власт. Май — септември 1944. София, 1964.

⁷ И. Димитров. Последното правителство на буржоазна България. — «Исторически преглед», № 5, 1964, стр. 3—33.

Муравиева явилось осуществлением замысла болгарской буржуазии установить конституционный режим путем добровольного отказа от фашизма. Это была попытка установить буржуазную демократию и тем самым удержать массы от революции. И. Димитров анализирует и сопоставляет две программы выхода из наступившего в стране политического кризиса — программу руководимого коммунистами Отечественного фронта и программу англофильской буржуазной оппозиции — и показывает, что политика правительства Муравиева соответствовала второй из них. Это правительство оказалось неспособным следовать действительно демократическому курсу и восстановить даже те половинчатые демократические права и свободы, которые содержались в программе буржуазной оппозиции. Неспособность, нерешительность и половинчатость внутренней и внешней политики правительства Муравиева, по мнению автора, определялись прежде всего конкретной политической обстановкой, в которой буржуазная оппозиция пришла к власти, и прежде всего страхом перед народной революцией. И. Димитров приходит к выводу, что на деле «вокруг правительства К. Муравиева объединились контрреволюционные силы болгарской буржуазии для борьбы против победы социализма. Курс партии на вооруженное восстание в этих условиях являлся по существу курсом на отрицание буржуазной демократии, курсом на социалистическую революцию. Восстание 9 сентября не только ликвидировало до конца остатки фашистской диктатуры в стране, но оно пресекло попытку буржуазной буржуазии путем создания буржуазного нефашистского правительства К. Муравиева реставрировать в стране старый конституционный режим, установило новую по форме и по содержанию народно-демократическую власть, которая представляла собой не что иное, как своеобразную форму пролетарской диктатуры»⁸.

Вопросам антифашистской борьбы болгарского народа в период второй мировой войны посвящена значительная часть материалов в юбилейном номере журнала «Исторически преглед» (№ 2—3, 1964). В обобщающей статье М. Исусова рассмотрены предпосылки и закономерности социалистической революции в Болгарии. Особое внимание уделяет автор вопросам постепенного созревания условий для победы революции и ее некоторым особенностям как революции социалистической. Интересный материал содержат статьи Г. Георгиева о массовых действиях болгарского рабочего класса в период вооруженной борьбы (1941—1944 гг.), Г. Т. Мадолева о начале и развитии

вооруженной борьбы в Благоевградском округе и С. Энчева о вооруженной борьбе в одинадцатой (плевнской) повстанческой оперативной зоне. Ряд статей в журнале посвящен развитию народно-демократической Болгарии после 9 сентября 1944 г. Номер завершается библиографическим обзором (подготовила Е. Костова) работ о вооруженной борьбе болгарского народа и победе народного восстания, опубликованных в Болгарии и Советском Союзе.

Значительный интерес представляет статья Н. Горненского о создании и нелегальной деятельности Отечественного фронта в 1942—1944 гг., опубликованная в журнале «Исторически преглед» (№ 4, 1964). Автор привлек новые архивные документы, что позволило ему глубже, чем это делалось до сих пор, разработать основные вопросы темы.

3—4 сентября 1964 г. в Софии состоялась научная сессия военных и гражданских историков, посвященная 20-летию народного восстания 9 сентября. Материалы сессии были опубликованы в «Военно-историческом сборнике» (№ 5, 1964), издаваемом Военно-историческим отделом Министерства обороны Народной Республики Болгарии. Среди них в первую очередь следует отметить доклад заместителя министра обороны генерал-полковника И. Врачева. В нем на основе архивного и документального материала исследуются вопросы стратегии и тактики болгарских коммунистов в период 1941—1944 гг., развертывания вооруженной антифашистской борьбы и проведения восстания 9 сентября 1944 г. В числе других материалов — доклады и научные сообщения, показывающие значение побед Советской Армии для успеха восстания 9 сентября и роль Советского Союза в защите народно-демократической Болгарии (И. Кинов), роль Рабочей партии (коммунистов) и Рабочего союза молодежи в проведении восстания (И. Митев, Н. Горненски, А. Калинков), внешнеполитическое положение страны накануне и в период восстания (В. Божинов), создание болгарской народной армии (С. Иванов, Ф. Христов) и др.

В других выпусках «Военно-исторического сборника» за 1964 г. были опубликованы интересные статьи Д. Тишева о высказываниях Георгия Димитрова по вопросам войны и мира в годы подготовки и в период второй мировой войны (№ 3), Б. Стойнова об организации, характере, задачах и роли боевых групп в вооруженной борьбе болгарского народа против фашизма (№ 4), А. Калинкова о помощи, оказанной болгарской армии 3-м Украинским фронтом в период Отечественной войны (№ 3) и др.

Статьи по истории национально-освободительного движения появились и в других периодических изданиях Болгарии.

⁸ Там же, стр. 33.

Болгарские историки продолжали работу по публикации новых архивных материалов. Так, в вышедшем в 1964 г. № 8 «Известия на държавните архиви» помещены важные публикации С. Логодашковой об установлении и укреплении народно-демократической власти в Софии и Софийском округе (9 IX—31 XII 1944), Л. Стефановой, М. Петковой и Т. Алтаба-

новой о единстве фронта и тыла во время Отечественной войны и др.

Отмеченные исследования и публикации болгарских ученых по истории антифашистской борьбы болгарского народа в период второй мировой войны свидетельствуют о новых существенных достижениях исторической науки Болгарии

Л. В.

ЛИТЕРАТУРА О БОЕВОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СОВЕТСКОГО И ПОЛЬСКОГО НАРОДОВ

Широкое научное исследование проблемы содружества советского и польского народов в годы второй мировой войны развернулось по существу лишь в последние пять-шесть лет.

В это время были изданы обобщающие труды по истории освободительной борьбы польского народа¹ и две крупные публикации документов, посвященные народным партизанским вооруженным силам: Гвардии Людовой и Армии Людовой². В первой публикации по нашей теме особенно ценны комментарии к документам, раскрывающие участие советских людей в польском Движении сопротивления. Вторая публикация является составной частью обширной серии материалов и документов — «Движение сопротивления на Люблинщине 1939—1944». В этих публикациях освещены разнообразные и все более усиливавшиеся в годы второй мировой войны связи между польскими и украинскими партизанами, между партизанским движением в Польше и Союзом польских патриотов в СССР, а также боевые действия отрядов, состоящих из советских граждан. В серии содержатся документы о переходе весной 1944 г. на территорию Польши советских партизанских отрядов, боевом сотрудничестве их с Армией Людовой и взаимодействии польских партизан с наступающими войсками Красной Армии. К настоящему времени вышли еще три тома этой

серии³. Еще одна публикация документов и материалов посвящена созданию 1 Польской армии в СССР и Войска Польского. До настоящего времени вышли том I, полутом II тома и том IV этого издания⁴.

Для историков и всех тех, кто изучает проблемы советско-польского боевого сотрудничества, интересны воспоминания командиров советских отрядов, перешедших по приказу командования на территорию Польши (П. Вершигоры, Н. Проккопка)⁵, руководителя советских отрядов в Келецком воеводстве П. Новака⁶ и др. Богатый фактический материал о содружестве Войска Польского и Советской Армии содержат мемуары командующего 1 армией Войска Польского С. Г. Поплавского⁷ и командира кавалерийской бригады В. А. Радзивановича⁸.

³ «Bataliony Chłopskie na Lubelszczyźnie». Lublin, 1962, 376 s.; E. Gronc z e w s k i. Kalendari um walk Gwardii Ludowej i Armii Ludowej na Lubelszczyźnie (1942—1944). Lublin, 1963, 169 s.; «Ja, syn ludu polskiego». Lublin, 1964, 460 s.

⁴ «Organizacja i działania bojowe ludowego Wojska Polskiego w latach 1943—1945». Wybór materiałów źródłowych. Oprac. L. Pona haj b a i i n. T. 1 i 2. Cz. 1. Warszawa, 1958—1962, XXXIX, 468—892 s.; «Organizacja i działania bojowe ludowego Wojska Polskiego w latach 1943—1945». Wybór dokumentów, t. IV. Działalność aparatu polityczno-wychowawczego. Warszawa, 1963, 926 s.

⁵ П. П. В е р ш и г о р а. Рейд на Сан и Вислу. М., 1960, 259 стр.; Н. П р о к о п и к. На zachodnim brzegu Bugu. Ze wspomnień partyzanta. «Wojskowy przegląd historyczny» (далее WPH), 1961, № 2, s. 96—126; № 3, s. 232—267.

⁶ Т. Ф. Н о в а к. Лесная быль (Партизанское движение в Польше 1939—1945 гг.), М., 1962, 206 стр.; Д. Б а к р а д з е. Кровью героев. Тбилиси, 1953, 342 стр.

⁷ С. Г. П о п л а в с к и й. Товарищи в борьбе. М., 1963, 264 стр.

⁸ В. А. Р а д з и в а н о в и ч. Под польским орлом. М., 1959, 87 стр.

¹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», тт. I—VI. М., 1960—1965; Т. R a w s k i, Z. S t a p o r, J. Z a m o j s k i. Wojna wyzwolenicza narodu polskiego w latach 1939—1945. Węzłowe problemy. Warszawa, 1963, 755 s.; «Polski ruch robotniczy w okresie wojny i okupacji hitlerowskiej. Wrzesień 1939 — styczeń 1945». Warszawa, 1964, 607 s.

² «Komunikaty Dowództwa Głównego Gwardii Ludowej i Armii Ludowej». Dokumenty. Warszawa, 1959, 334 s.; «Gwardia Ludowa i Armia Ludowa na Lubelszczyźnie (1942—1944). Źródła». Wstęp i oprac. Z. Mańkowski, J. Naumiuk. Lublin, 1960, 415 s.

В советской исторической литературе тема советско-польского боевого сотрудничества нашла свое отражение в ряде работ по истории Движения сопротивления и в трудах, анализирующих операции советских войск на территории Польши⁹.

Некоторые аспекты этой темы затрагиваются в трудах, посвященных советско-польским отношениям¹⁰. Советско-польское боевое содружество является объектом специального рассмотрения в работах В. И. Соколовского, С. А. Лесневского¹¹ и М. Е. Моница¹².

⁹ «Антифашистское Движение сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны». М., 1962, 733 стр.; В. И. К л о к о в. Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей (1939—1945). Киев, 1961, 429 стр.; «Партизанская барабца беларускага народа у гады Вялікай Айчыннай войны». Мінск, 1959, 364 стр.; П. П. В е р ш и г о р а. Военное творчество народных масс. Исторический очерк. М., 1961, 824 стр.; С. М. С е м и р я г а. Вторая мировая война и пролетарский интернационализм. М., 1962, 215 стр.; Ф. В. Д а н и л о в. Радом — лодзинская операция. М., 1958, 230 стр.; А. С. З а в ь я л о в, Т. Е. К а л я д и н. Восточно-Померанская наступательная операция советских войск. Февраль-март 1945 г. Военно-исторический очерк. М., 1960, 234 стр.; Н. П а в л е н к о. Некоторые вопросы советского военного искусства в операциях по освобождению Польши.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 2, стр. 25—36; С. П л а т о н о в. Краткий обзор военных действий.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 2, стр. 14—25; И. К о н е в. Завершение освобождения советской Украины и выход на Вислу.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 7, стр. 3—24; С. К р а с о в с к и й. 2-я воздушная армия в Львовско-Сандомирской операции.— «Военно-исторический журнал», 1964, № 7, стр. 31—41.

¹⁰ И. Д. К у н д ю б а. Советско-польские отношения 1939—1945 гг. Киев, 1962, 208 стр.; П. А. К а л е н и ч е н к о. Польская прогрессивная эмиграция в СРСР в роки другої світової війни. Київ, 1957, 214 стр.

¹¹ В. А. С о к о л о в с к и й, С. А. Л е с н е в с к и й. Боевой союз. Братская дружба советских и польских воинов. М., 1958, 152 стр.; С. А. Л е с н е в с к и й. Войско Польское. М., 1963, 104 стр.

¹² М. Е. М о н и ц а. Из истории боевого сотрудничества Красной Армии и Войска Польского в наступательных операциях по освобождению Польши (1944—1945). Тр. Военно-полит. академии им. В. И. Ленина, 1964, № 46, стр. 178—214.

О советско-польских, а также польских партизанских отрядах, созданных на территории СССР и затем переданных в распоряжение Польского партизанского штаба (М. Куницкого, Ю. Собесьяка, Р. Саташовского), рассказывается в ряде книг польских авторов¹³. Большой интерес представляет воспоминания М. Мочара, командовавшего вторым (Люблинским) и третьим (Келецким) округами Армии Людовой, на территории которых, пожалуй, наиболее активно и плодотворно развивалось сотрудничество между польскими и советскими партизанами¹⁴. Следует отметить и мемуары Г. Алефа-Болковьяка, командира одного из отрядов АЛ, содержащие обширный материал о связях польских и украинских партизан (в частности, с соединением А. Ф. Федорова)¹⁵.

О деятельности Союза польских патриотов в СССР рассказывается в воспоминаниях Я. Броневской¹⁶, о боевом пути 1 дивизии имени Т. Костюшки — в записках Г. Губерта¹⁷. Два сборника воспоминаний специально ставят своей целью познакомить читателя с конкретными примерами советско-польского боевого содружества¹⁸. Среди мемуарной литературы заслуживает также внимания переведенная на русский язык книга В. Наметкевича и Б. Ростроповича¹⁹. В ней ярко отражена партизанская деятельность Гвардии и Армии Людовой и сотрудничавших с ними советских партизанских отрядов.

Тема советско-польского боевого содружества разрабатывается и в польской

¹³ М. К u n i c k i. Pamiętnik «Muchy». Warszawa, 1959, 437 s.; J. S o b i e s i a k, R. J e g o r o w. Ziemia płonie. Warszawa, 1961, 270 s.; И х ж е. Burzany. Warszawa, 1964, 392 s.; J. S o b i e s i a k. Brygada Grunwald (Wspomnienia). Warszawa, 1964, 304 s.

¹⁴ М. М о ч а р. Цвета борьбы. Пер. с польск. М., 1963, 200 стр.

¹⁵ G. A l e f - B o ł k o w i a k. Gorące dni. Warszawa, 1962, 275 s.

¹⁶ Я. Б р о н е в с к а я. Записки военного корреспондента. Пер. с польск. М., 1956, 464 стр.

¹⁷ Г. Г у б е р т. Бором, лесом. Пер. с польск. М., 1963, 199 стр.; Е г о ж е. Do widzenia na Unter den Linden. Warszawa, 1963, 509 s.

¹⁸ «Przez uroczyska Polesia i Wołynia». Wspomnienia Polaków uczestników radzieckiego ruchu partyzanckiego. Zespół red. Z. Drózdź — Satanowska i in. Warszawa, 1962, 237 s.; «Braterstwo. Wspomnienia i relacje z walk przeciwko hitlerowskiemu najeźdźcy». Warszawa, 1960, 304 s.

¹⁹ В. Н а м е т к е в и ч, Б. Р о с т р о п о в и ч. Люди, факты, размышления. Пер. с польск. М., 1963, 212 стр.

военно-исторической литературе²⁰. Об участии польских граждан в советском партизанском движении на территории СССР можно прочитать в статьях Б. Хиллебрандта²¹, С. Вронского и Ю. Тобиаша²². Больше всего сведений об отрядах Гвардии и Армии Людовой дает справочно-информационная работа Ю. Б. Гараса²³. В ней приводится материал о деятельности отрядов, созданных советскими гражданами и вошедших в состав польских народных партизанских войск. Специально этой проблеме посвятили свои работы М. Спыхальский, В. Гура и др.²⁴. О деятельности X и XI бригад Армии Людовой, состоявших из советских граждан, можно получить сведения из книги Б. Хиллебрандта²⁵.

Работы Ф. Збиневича, В. Тупинского и Е. Маркевича посвящены советским партизанским отрядам, перешедшим на территорию Польши²⁶. Я. Сверчинский рассматривает вопрос о деятельности созданного в СССР Польского партизанского штаба, задачей которого было оказа-

²⁰ «Sesja naukowa poświęcona wojnie wyzwolenczej narodu polskiego 1939—1945 (4—6 X 1958)». Materiały. Wyd. 2, Warszawa, 1961, 651 s.; «Боевые действия народного Войска Польского. 1943—1945 гг.». Пер. с польск. М., 1961, 360 стр.

²¹ B. Hillebrant. Działalność bojowa Zgrupowania Polskich Oddziałów Partyzanckich na Polesiu, Wołyniu i Lubelszczyźnie w latach 1942—1944. WPH, 1961, № 3, s. 40—58.

²² S. Wronski. Mało znana karta historii. «Trybuna Ludu», 6 IV 1960; J. Tobiasz. Polacy w partyzantce radzieckiej na Zachodniej Białorusi. WPH, 1964, № 3, s. 63—81.

²³ J. Garas. Oddziały Gwardii i Armii Ludowej 1942—1945. Warszawa, 1963, 476 s.

²⁴ M. Спыхальский. О польско-советском содружестве. — «Военно-исторический журнал», 1960, № 1, стр. 24—50; «Боевое содружество польских и советских партизан». Пер. с польск. М., 1959, 95 стр.

²⁵ B. Hillebrant. Działania oddziałów i brygad partyzanckich Gwardii i Armii Ludowej na Kielecczyźnie. Warszawa, 1962, 160 s.

²⁶ F. Zbiniewicz. Działania radzieckiego Zgrupowania Partyzanckiego «Czornego» na Lubelszczyźnie w 1944 r. Z historii współdziałania partyzantów polskich i radzieckich. WPH, 1959, № 3, s. 39—73; W. Tuszyński. Walki partyzanckie w lasach Lipskich, Janowskich i Puszczy Solskiej (czerwiec 1944). Warszawa, 1954, 122 s.; J. Markiewicz. Paprocie zakwitły krwią partyzantów. O wielkich bitwach w Puszczy Solskiej w czerwcu 1944 r. Warszawa, 1962, 301 s.

ние всесторонней помощи Армии Людовой²⁷. Нельзя пройти также мимо важных для понимания проблемы статей Г. Корчинского, З. Голембы и В. Тупинского²⁸. Интересная, богато документированная книга Ф. Збиневича²⁹ затрагивает историю Союза польских патриотов и деятельность польских коммунистов в СССР.

Боевой путь 1 Польской армии, продолжавшей вместе с советскими войсками путь от Смоленщины до Берлина, достаточно хорошо отражен в литературе: и первый бой под Ленино³⁰, и начало освобождения Польши³¹, и освобождение Варшавы, и бои на подступах к Берлину, и штурм цитадели фашизма³². История 2-й армии Войска Польского и ее боевой путь рассматриваются в книгах

²⁷ J. Swierczyński. Polski sztab partyzancki. Zarys rozwoju i działalności. WPH, 1963, № 1, s. 65—96.

²⁸ G. Korczyński. Niektóre zagadnienia sztuki wojennej polskiej partyzantki ludowej. «Myśl wojskowa», 1958, № 10, s. 53—68; Z. Gołąb. Z zagadnień zwalczania transportu kolejowego okupanta przez Gwardię Ludową i Armię Ludową w latach 1942—1944. «Myśl wojskowa», 1962, № 1, s. 93—119; W. Tuszyński. Realizacja planów operacyjnych AL w działaniach partyzanckich na Lubelszczyźnie i Kielecczyźnie. Wiosna-jesień 1944 r. Próba zarysu. WPH, 1962, nr. spec., s. 93—134.

²⁹ F. Zbiniewicz. Armia Polska w ZSRR. Studia nad problematyką pracy politycznej. Warszawa, 1963, 371 s.

³⁰ S. Szufczyński. Bitwa pod Lenino (Studium wojskowo-historyczne). Warszawa, 1958, 218 s.; H. Hubert. Lenino 12—18 X 1943. Warszawa, 1959, 326 s.

³¹ J. Margules. Przyczółki warszawskie (Analiza i ocena działań 1 AWP w rejonie Warszawy we wrześniu 1944 r.). Warszawa, 1962, 430 s.; W. Lang. Udział 1 armii WP w obronie przyczółka warecko-magnuszewskiego 9 VIII—12 IX 1944. WPH, 1962, № 1, s. 3—44; № 2, s. 31—85; Z. Welfeld. Działania 1 armii Wojska Polskiego w rejonie Dębłina i Puław 27.7—6.8.1944. WPH, 1958, № 1, s. 3—48.

³² Z. Stapor, E. Jadziak. Udział 1 armii WP w operacji warszawskiej 1 Frontu Białoruskiego. WPH, 1958, № 3, s. 8—59; A. Jasiński. Przełamanie Wału Pomorskiego. (Marsz-manewr 1 Armii WP od Warszawy do Bydgoszczy i udział w przełamaniu Wału Pomorskiego). Warszawa, 1958, 511 s.; E. Jadziak. Wyzwolenie Pomorza. Warszawa, 1962, 363 s.; J. Rydłowski, Z. Safjan. Wisła-Odra. Warszawa, 1960, 176 s.; K. Kaczmarek. W bojach przez Brandenburię. Działania 1 Armii WP w kwietniu i maju 1945 r. Warszawa, 1958, 267 s.

Т. Стенпновского³³ и С. Гача. Ее командующему, герою трех народов — польского, советского и испанского — К. Свечковскому, легендарному генералу «Вальтеру», — посвящена книга Я. Броневской³⁴.

³³ T. Stępnowski. Z dziejów 2 armii Wojska Polskiego. Zarys formowania i organizacji. Warszawa, 1962, 217 s; S. Gac. Udział 2 armii Wojska polskiego w operacji praskiej. Warszawa, 1962, 176 s.

³⁴ Я. Броневская. О человеке, который не кланялся пулям. Авторизир. пер. с польск. М., 1963, 118 стр.

Историками Советского Союза и Польши сделано немало в разработке проблем советско-польского боевого содружества, правдивая картина в основных своих чертах создана. Но осталось еще много пробелов. Более полному освещению этой темы могло бы содействовать издание сборников документов, отражающих союз народов и армий в годы второй мировой войны и документов о военных, политических, дипломатических и экономических взаимоотношениях Советского Союза и польского народа.

В. С. Парсиданова

СЛАВНЫЙ БОЕВОЙ ПУТЬ

Прага, 17 мая 1945 года. Десятки тысяч пражан заполнили празднично украшенные Староместскую площадь и прилегающие к ней улицы. Они с ликованием приветствовали парад воинских частей 1-го чехословацкого армейского корпуса, выросшего и закалившегося в боях на советско-германском фронте. «Я, — пишет прославленный командир этого корпуса Людвик Свобода, — стоял на почетной трибуне и с волнением вспоминал... Оккупация — угнетение — тюрьмы — концентрационные лагеря... Суровые испытания на полях сражений, убитые и раненые, дни и ночи в окопах в дождь и мороз... Все это преодолели за прошедшие военные годы наши воины на фронте и наш народ на родине... Нас была небольшая горстка, когда мы начинали свой путь от Бузулука. А воины, которые сейчас проходят на площади, уже представляют собой 60-тысячное войско!» (стр. 399).

Так заканчивается интересная книга чехословацкого генерала армии Л. Свободы «От Бузулука до Праги», которая в 1963 г. (в переводе с чешского на русский язык) была выпущена в свет Военным издательством Министерства обороны СССР.

Книга «От Бузулука до Праги» привлекает внимание читателя многими своими достоинствами. Ее автор — большой друг советского народа, активный боец против немецкого фашизма, командир сформированных на территории нашей страны чехословацких воинских частей, прошедший с ними в течение 26 месяцев весь нелегкий и в то же время славный, боевой путь.

Свое повествование о важных событиях, связанных с рождением, развитием и боевыми делами чехословацких воинских частей автор основывает на богатом фактическом материале и личных впечатлениях непосредственного участника этих событий; поэтому искренней и убедительной является каждая страница книги.

Работая над книгой для широкого круга читателей, Л. Свобода образно раскрыл

боевые подвиги чехословацких воинов, храбро сражавшихся против немецко-фашистских войск. Имена многих чешских и словацких героев близки и дороги не только народам ЧССР, но и советским людям.

Книга Л. Свободы проникнута глубоким чувством неразрывной чехословацко-советской дружбы. Автор подробно рассказывает о большой бескорыстной моральной и материальной помощи чехословацким воинским частям со стороны советских государственных и общественных организаций и делает вывод, что благодаря этому отдельный чехословацкий батальон вырос в армейский корпус, имел первоклассное вооружение и одерживал победы на полях сражений.

Первая глава книги «От Бузулука до Праги» повествует о событиях 1933—1941 гг. и является как бы вводной. В ней Л. Свобода сжато анализирует причины, приведшие к оккупации Чехословацкой республики и порабощению ее народов гитлеровцами.

«Изучив документы 1933—1939 годов, — пишет Л. Свобода, — я пришел к неопровержимым выводам. Если бы осенью 1933 года между Чехословакией и фашистской Германией вспыхнула война, мы не были бы разбиты. С помощью Советского Союза мы отстояли бы республику. Мы предотвратили бы неисчислимые жертвы и разрушения, ведь только в гитлеровских застенках и концентрационных лагерях было убито и замучено около 300 тыс. чехов и словаков» (стр. 30).

В начале книги автор делится с читателем воспоминаниями об известных ему фактах подпольной борьбы чехословацких патриотов против оккупантов, о своем нелегальном переходе в июне 1939 г. в Польшу, о создании там чехословацкими эмигрантами-военнослужащими добровольческого отряда (легиона), который в сентябре 1939 г. перешел в Советский Союз.

В последующих главах («Батальон», «Бригада», «Корпус») обстоятельно освещаются события и факты из истории соз-

дания чехословацких воинских частей на территории СССР и их боевых действий на советско-германском фронте.

Уже в самом начале Великой Отечественной войны Советский Союз заявил, что считает народы Чехословакии равноправными участниками борьбы против общего врага и протянул им братскую руку дружбы. По инициативе Советского правительства 18 июля 1941 г. в Лондоне (где находилось эмигрантское правительство Чехословакии) было подписано советско-чехословацкое соглашение, которое ясно показало всему миру, что СССР признает Чехословацкую республику как суверенное, законно существующее государство, как союзника в войне против гитлеровской Германии.

Это соглашение стало основой формирования на территории СССР национальных чехословацких воинских частей. Порядок формирования и военного сотрудничества этих частей с советскими войсками определялись специальными двусторонними соглашениями. Советское правительство взяло на себя материальное обеспечение чехословацких воинских формирований.

На протяжении всей книги Л. Свобода убедительно показывает, что вопрос о формировании чехословацких воинских частей на территории СССР и их участии в боях совместно с Советской Армией был одним из острых вопросов борьбы между истинными патриотами Чехословакии во главе с коммунистами и чехословацким эмигрантским правительством, которое проводило двойственную политику.

На словах Бенеш и его правительство соглашались на формирование таких частей. Более того, в конце 1943 г., после исторических побед Советской Армии, они пошли на подписание советско-чехословацкого договора о дружбе и взаимной помощи, на переговоры с руководителями КПЧ. На деле же, втайне от народа, готовились к установлению в послевоенной Чехословакии диктатуры буржуазии и поэтому старались вести подрывную работу против чехословацких воинских частей, формируемых на территории СССР, так как эти части не могли служить их антинародным целям.

Л. Свобода с горечью вспоминает, что находившимся в СССР чехословацким патриотам нужно было бороться и с немецкими фашистами и с лицемерными политиками из чехословацкого эмигрантского правительства, Министерства национальной обороны и его военной миссии в СССР. Когда в конце 1942 г. 1-й отдельный чехословацкий батальон, сформированный в приуральском городе Бузулуке, полностью завершил боевую подготовку, чехословацкое правительство всячески оттягивало отправку его на фронт. Оно оказывало упорное сопротивление формированию в прифронтовом тылу 1-й чехословацкой бригады, запре-

щало направлять чехословацких воинов на курсы в советские военные училища и т. п. Однако все эти попытки получили решительный отпор со стороны руководства КПЧ и чехословацких воинов. К концу сентября 1943 г. на базе 1-го чехословацкого отдельного батальона в районе Новохоперска выросла и прошла обучение 1-я чехословацкая бригада, личный состав которой насчитывал 3517 чел.; от советского командования бригада получила прекрасное вооружение.

Весной 1944 г., когда советские войска, ломая яростное сопротивление фашистских дивизий в предгорьях Карпат, приближались к государственной границе Чехословакии, Советское правительство пошло навстречу справедливой просьбе чехословацких патриотов о создании на базе имеющихся воинских частей 1-го чехословацкого армейского корпуса. Бессильно помешать этому, чехословацкое правительство стремилось воспрепятствовать набору в корпус добровольцев из вольских чехов, проживавших в Ровенской области. Но и эта попытка провалилась. За короткий срок в ряды корпуса изъявили желание встать свыше 12 тыс. человек.

С мая 1944 г. в районе Черновцы — Проскуров развернулась работа по формированию чехословацкого корпуса в составе: двух пехотных бригад, воздушно-десантной бригады, танковой бригады, батальона связи, саперного батальона и других технических и тыловых частей и подразделений. Был сформирован отдельный чехословацкий авиационный полк. Так, благодаря усилиям чехословацких патриотов, руководимых КПЧ, и помощи советского народа, вопреки реакционным проискам чехословацкого правительства, было создано крупное воинское соединение, верное интересам трудового народа Чехословакии.

Интриги чехословацкого правительства против 1-го чехословацкого корпуса усилились после тяжелой Карпатско-Дуклицкой операции, когда советские и чехословацкие воины вступили на землю Чехословакии. Л. Свобода приводит убедительные факты и документы, свидетельствующие о явных (но оказавшихся несбыточными) намерениях чехословацких реакционеров ликвидировать армейский корпус.

Воины чехословацкого батальона, сформированного в г. Бузулуке, были первыми зарубежными боевыми товарищами советских воинов на советско-германском фронте. В книге дается подробное описание всех боевых действий чехословацких воинских частей.

В начале марта 1943 г. чехословацкие воины впервые вступили в бой с немецко-фашистскими захватчиками у села Соколово, юго-западнее Харькова. Взаимодействуя с советскими гвардейцами, личный состав чехословацкого батальона

и его командование показали военное мастерство и самоотверженность. Особое мужество и стойкость проявила первая рота под командованием Отакара Яроша. За умелые боевые действия, отвагу и героизм 86 солдат и офицеров батальона были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В ноябре 1943 г. 1-я чехословацкая бригада совместно с частями 136 и 240-й советских стрелковых дивизий 38-й армии, действуя на направлении главного удара, участвовала в освобождении столицы Украины — Киева. Бригада была награждена орденом Суворова II степени, а многие солдаты и офицеры — орденами и медалями СССР. После сражения за Киев чехословацкие воины вели бои за освобождение городов Жашков и Белая Церковь.

8 сентября началась Карпатско-Дуклинская операция советских войск, в которой принял участие 1-й чехословацкий армейский корпус, входивший в состав 38-й армии. Она проходила в труднейших условиях горно-лесистой местности и при яростном сопротивлении значительных сил гитлеровских войск. Несмотря на это, советские и чехословацкие воины шаг за шагом овладевали сильно укрепленными позициями гитлеровцев и 6 октября 1944 г. в районе перевала Дукля вступили на территорию Чехословацкой республики. Эта дата теперь празднуется в ЧССР как День чехословацкой Народной армии.

К началу 1945 г. чехословацкий армейский корпус пополнился молодыми воинами за счет призывников из освобожденных районов; была создана новая бригада, а авиационный полк — преобразован в авиадивизию. На протяжении января — мая 1945 г., участвуя в новом мощном наступлении советских войск, чехословацкий корпус успешно продвигался на запад, отважно сражался за

освобождение от фашистских захватчиков многих городов и деревень родной Чехословакии.

Весной 1945 г. Вооруженные Силы СССР наголову разбили немецко-фашистские войска и вместе с английской и американской армиями принудили гитлеровскую Германию к безоговорочной капитуляции. Тогда же от фашистской нечисти была очищена земля Чехословакии, а ее столица Прага спасена от готовившегося гитлеровцами разрушения.

Выросшие и закалившиеся в боях части 1-го чехословацкого армейского корпуса стали в послевоенной Чехословакии ядром новой Народной армии. Теперь, спустя 20 лет после окончания второй мировой войны, она надежно стоит на страже мирного созидательного труда народов Чехословацкой Социалистической Республики.

В тяжелые годы войны против гитлеровской Германии советские и чехословацкие воины совместно пролили кровью на полях сражений навеки скрепили дружбу братских народов СССР и ЧССР.

Говоря о целях своей книги, автор в предисловии пишет: «О совместных боях чехословацких и советских воинов, плечом к плечу сражавшихся во время Великой Отечественной войны и проливавших кровь во имя свободы своих народов, вписавших своими боевыми подвигами новые славные страницы в историю наших братских армий, рассказываю я в своей книге, чтобы отныне и навеки осталось свидетельство о нерушимой чехословацко-советской дружбе, закаленной в огне боев второй мировой войны».

Эта задача успешно им осуществлена. Книга Л. Свободы имеет большое познавательное и воспитательное значение, служит делу чехословацко-советской дружбы, ее дальнейшему упрочению.

С. Грачев

РАБОТЫ С. С. БИРЮЗОВА ОБ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ МИССИИ СОВЕТСКОЙ АРМИИ НА БАЛКАНАХ

Событиям освобождения Болгарии, Румынии и Югославии от немецко-фашистских захватчиков посвящены воспоминания и военно-исторические работы Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова. Эти работы занимают видное место в литературе о действиях советских войск в Юго-Восточной Европе. Написанные в последние годы, когда С. С. Бирюзов был начальником Генерального штаба Советской Армии, они вобрали в себя его богатый военный и жизненный опыт. С. С. Бирюзов трагически погиб в октябре 1964 г. Правительство СФРЮ посмертно присвоило ему звание Народного героя Югославии.

В рамках небольшого обзора невозмож-

но рассмотреть содержание работ С. С. Бирюзова. Остановимся только на тех его трудах, которые касаются действий советских войск на Балканах.

В книге «Советский солдат на Балканах»¹ С. С. Бирюзов подробно описывает подготовку и проведение войсками 3-го Украинского фронта Яско-Кишиневской операции, открывшей нашим войскам путь на Балканы. Перед читателем встает картина упорных боев, окончившихся разгромом немецко-фашистских войск. Материалы этой книги вошли частично в другой труд — «Яско-Кишинев-

¹ С. С. Бирюзов. Советский солдат на Балканах. М., Воениздат, 1963.

ские Канны»², в написании которого С. С. Бирюзов участвовал как один из авторов. Обе эти книги как бы взаимно дополняют друг друга.

Вслед за разгромом фашистских войск под Яссами и Кишиневым наши войска стали готовиться к операции по освобождению Болгарии. С. С. Бирюзов, рассказывает, как готовилась эта новая операция, какая огромная работа была проведена в войсках, чтобы ознакомить всех офицеров и солдат с историей Болгарии, традициями русско-болгарской дружбы. Перед вступлением советских войск на болгарскую землю, сообщает С. С. Бирюзов, советское командование установило контакт с Главным штабом Народно-освободительной повстанческой армии Болгарии³. Ее представители подробно информировали командование 3-го Украинского фронта о развитии революционной ситуации в стране. Эта информация и легла в основу разрабатывавшегося плана освобождения болгарской территории советскими войсками.

8 сентября советские войска перешли границу Болгарии. Население встретило их восторженно. Болгарская реакция была парализована, что облегчило победу народного восстания в стране. 9 сентября трудящиеся Болгарии взяли власть в свои руки. С. С. Бирюзов рассказывает, что сразу же после этого делегация ЦК БРП(к) во главе с членом Политбюро Димитром Ганевым прибыла в штаб 3-го Украинского фронта, чтобы договориться о совместной борьбе против общего врага — гитлеровской Германии. Уже 10 сентября по распоряжению правительства Отечественного фронта первые части болгарской армии выступили на защиту западных границ страны.

В середине сентября 1944 г. С. С. Бирюзов занимается организацией взаимодействия между советскими и болгарскими войсками. В своих воспоминаниях он рассказывает о сложной политической обстановке в тогдашней Болгарии, о тех усилиях, которые предпринимались народной властью и БРП(к) с целью скорее закончить формирование новой армии и внести посильный вклад в разгром общего врага.

Исключительный интерес в работах С. С. Бирюзова представляют страницы, посвященные подготовке и проведению Белградской операции. Предстояло в первую очередь урегулировать вопросы взаимодействия между советскими, болгарскими и югославскими войсками. Эти вопросы были решены на совещании в Крайове (Румыния) в начале октября

1944 г., в котором с югославской стороны принял участие Маршал И. Броз-Тито, с советской — генерал-полковник С. С. Бирюзов и с болгарской — правительственная делегация во главе с Д. Терпешевым. На совещании С. С. Бирюзов ознакомил участников встречи с планом Белградской операции.

Помимо книги «Советский солдат на Балканах» Белградская операция подробно освещается в двух коллективных трудах — «Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии» и «Белградская операция», в написании которых С. С. Бирюзов принимал участие как один из авторов и редактор⁴. В последней книге раскрывается не только военная сторона событий, но и боевая дружба между народами Советского Союза и Югославии. Упомянутые книги дают яркую картину крупной военной операции, проведенной силами трех дружественных армий — советской, югославской и болгарской.

После подписания в Москве 28 октября 1944 г. перемирия с Болгарией С. С. Бирюзов возглавил Союзную контрольную комиссию в Болгарии. Со страниц мемуаров Бирюзова, посвященных тому времени, перед нами встает человек широкого политического кругозора. Перед Союзной контрольной комиссией, отмечает С. С. Бирюзов, стояли задачи «архисложные, и успешно решить их мы могли только в тесном сотрудничестве с болгарским народом, с правительством Отечественного фронта»⁵.

С. С. Бирюзов описывает в своих мемуарах сложную деятельность Союзной контрольной комиссии, попытку взойдших в нее представителей США и Англии помешать установлению в Болгарии народно-демократического строя, взять под защиту реакционные политические группировки, стимулировать и направлять их действия. С. С. Бирюзов приводит интересные факты, свидетельствующие об острой классовой борьбе, разгоревшейся в то время в Болгарии. С теплым чувством вспоминает он о своих встречах с руководителями новой Болгарии и БРП(к), прежде всего с Г. Димитровым и В. Коларовым. Ему много пришлось поехать по Болгарии, увидеть жизнь болгарского народа, убедиться в его глубоких дружеских симпатиях к советской стране.

⁴ «Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии». Под общей редакцией Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова. М., Воениздат, 1960; «Белградская операция». Под общей редакцией Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова, генерал-полковника югославской Народной армии Раде Хамовича. М., Воениздат, 1964.

⁵ С. С. Бирюзов. Советский солдат на Балканах. Стр. 246.

² «Яско-Кишиневские Канны». Под общей редакцией Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. М., «Наука», 1964.

³ С. С. Бирюзов. Советский солдат на Балканах. Стр. 178—179.

Трагическая смерть оборвала жизнь Маршала С. С. Бирюзова в расцвете творческих сил. Оставленное же им литературное наследие будет всегда привлекать внимание историков как свидетельство непосредственного участника событий и

глубокого знатока балканских проблем, как верное и глубокое освещение освободительной миссии, которую сыграла Советская Армия на Юго-Востоке Европы в годы второй мировой войны.

В. К. Волков

ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В 1 ПОЛЬСКОЙ АРМИИ

В литературе уже в той или иной мере рассматривались или затрагивались вопросы идейно-политического воспитания личного состава 1 Польской армии в СССР, однако до последнего времени эта проблема оставалась по существу неисследованной. Этот пробел во многом восполняет книга научного сотрудника Военно-исторического института в Польше, доктора Фридерика Збиневича «Польская армия в СССР. Исследование проблемы политической работы»¹.

Автор использовал большое количество опубликованных и архивных источников, воспоминания и сообщения участников и очевидцев событий, связанных с формированием идейно-политического облика 1 Польской армии. Недостаток источников по отдельным вопросам, неполнота и разноречивость их сведений создавали большие затруднения для автора, требовали от него разнообразной и кропотливой источниковедческой работы. Ознакомление с книгой показывает, что автор в основном преодолел эти трудности. Критически обработав источники, Ф. Збиневич отобрал наиболее существенные данные, характеризующие политико-воспитательную работу в 1 Польской армии. Анализ этих данных позволил автору сделать важные и убедительные выводы.

В первом разделе книги кратко рассматривается положение польского населения в СССР, отношение польского эмигрантского правительства к Советскому Союзу, деятельность польских коммунистов и роль издания «Нове видпокретни», образование Союза польских патриотов в СССР и его идейно-политическая программа. В последующих двух разделах подробно освещены вопросы политической работы в 1 пехотной дивизии. При этом автор на примере деятельности политического аппарата 1 дивизии показывает все, что было типично и характерно для политико-воспитательной работы во всех соединениях и частях 1 Польской армии.

В книге подчеркивается благожелательное отношение Советского правительства к пожеланиям прогрессивной польской эмиграции в СССР, стремление польских

патриотов внести свой вклад в общее дело борьбы с гитлеровскими захватчиками, роль польских коммунистов в объединении патриотических сил эмиграции, в пропаганде демократических идей среди поляков, проживавших в СССР, в установлении и укреплении дружественного польско-советского сотрудничества. Все это обеспечивало успешную деятельность Союза польских патриотов, формирование, боевую и политическую подготовку 1 Польской армии.

Характер, формы и методы политической работы в 1 дивизии, как и в других частях 1 Польской армии, указывается в книге, определялись задачами, стоявшими перед польскими военными соединениями в СССР. 1 польская дивизия, а затем Польский корпус и 1 Польская армия, объединяя военные усилия польских патриотов в СССР и борясь плечом к плечу с Красной Армией, должны были содействовать скорейшему освобождению Польши от гитлеровской оккупации, возрождению ее на новых, демократических началах, упрочению дружбы между польским и советским народами.

Освободительные демократические цели 1 Польской армии обуславливали и направление политической работы среди личного состава ее соединений и частей. Идейной основой политико-воспитательной работы в армии являлись программная декларация Союза польских патриотов и политические установки польских коммунистов в СССР, которые в общем соответствовали программным положениям ИППР. Ведущей и направляющей силой политического аппарата армии были коммунисты и другие прогрессивные деятели польской эмиграции. Личный состав польских формирований воспитывался в духе демократизма, патриотизма и интернационализма.

Значительное внимание уделяет автор вопросу комплектования личного состава 1 дивизии и других частей 1 Польской армии. В книге дается характеристика контингентов, из которых были сформированы польские воинские части (добровольцы, призванные, лица, подвергавшиеся репрессиям, мобилизованные в западных областях Украины, военнослужащие Красной Армии, направленные по просьбе Союза польских патриотов в 1 Польскую армию и др.); показываются трудности и особенности политико-воспитательной работы среди этого вначале весьма разнородного личного состава.

¹ Fryderyk Zbiniewicz. Armia polska w ZSRR. Studia nad problematyką pracy politycznej. Wojskowy instytut historyczny. Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej. Warszawa, 1963, 371 s.

Довольно подробно рассмотрены автором формы и методы политического воспитания и изменения в настроениях солдат и офицеров. В книге раскрывается тесная связь политической работы с боевой подготовкой личного состава, роль политического аппарата и командования в формировании политического и морального облика воина народной Польской армии, стойкого борца за свободу и независимость своей родины и других народов. Большая и трудная работа по воспитанию личного состава была весьма результативной; об этом свидетельствует успешное осуществление задач, стоявших перед 1 дивизией и другими частями 1 Польской армии.

В IV разделе книги освещается дискуссия по документам, получившим название «Тезисы № 1» и «Тезисы № 2», в которых излагались мнения части командного и политического состава 1 дивизии относительно роли польских формирований и политического устройства страны после ее освобождения от гитлеровской оккупации. Эти документы содержали ряд ошибочных положений. Автор подчеркивает большое значение дискуссии. Она позволила преодолеть ошибочные политические тенденции, способствовала идейному и организационному сплочению польских коммунистов и установлению правильных взаимоотношений между демократической польской эмиграцией в СССР и революционными силами в стране. Далее в книге рассматривается проект создания Польского национального комитета и деятельность Центрального бюро польских коммунистов в СССР.

В V—VII разделах освещаются политическая работа в Польском корпусе, деятельность политического аппарата Центра формирования армии в Сумах, узловые проблемы политического воспитания в 1 Польской армии в апреле — июле 1944 г. (в частности, вопросы организации политического аппарата, под-

готовки кадров, воспитательной работы среди личного состава в районе Житомира и Киверцы), проблемы, связанные с пребыванием делегации КРН в частях армии и подготовкой армии к вступлению в пределы Польши.

Основные вопросы темы в книге рассмотрены обстоятельно и конкретно. Автор, на наш взгляд, дает в общем правильную характеристику политической работы в 1 Польской армии. В книге показаны условия, в которых проходила политико-воспитательная работа, ее направление, разнообразие форм и методов, успехи, достигнутые политическим аппаратом и командованием в воспитании личного состава, отмечаются отдельные недостатки или ошибки.

Некоторые проблемы, однако, как нам кажется, не получили в книге достаточного освещения. Автор мало уделил внимания такому вопросу, как влияние советской действительности на формирование политического облика воина 1 Польской армии. Как известно, социалистический строй, контакты с советскими людьми, героическая борьба воинов Красной Армии и трудовые подвиги советского народа производили сильное впечатление на польских солдат и офицеров. Желательно было бы отметить, как использовался в 1 Польской армии опыт работы политических органов Красной Армии. В книге говорится о знании материального обеспечения семей польских воинов и внимания политического аппарата к этому вопросу. В связи с этим следовало бы шире показать деятельность органов Советской власти и Союза польских патриотов по обеспечению материальных и культурных нужд польского населения и ее влияние на настроение польских солдат и офицеров. Эти и некоторые другие замечания, возникающие при чтении книги, не ослабляют ее важного научного значения.

И. И. Костюшко

RODOLJUB ČOŁAKOVIĆ. Kazivanje o jednom pokoljenju, Zagreb, 1964, 496 s.

Р. ЧОЛАКОВИЧ. Повествование об одном поколении

«Повествование об одном поколении» — историко-мемуарный труд о поколении пролетарских борцов, зачинателей югославского революционного, коммунистического движения, у истоков которого стоял и автор — Родолуб Чолакович.

Член Коммунистической партии Югославии со времени ее основания (1919 г.), видный государственный, политический и общественный деятель СФРЮ, Р. Чолакович известен советскому читателю по его «Запискам об освободительной войне», изданным в сокращенном переводе в СССР в 1963 г.

В предисловии к своей новой книге Р. Чолакович пишет: «Это было поколение борцов и деятелей в нашей среде, о личной судьбе которых стоит рассказать не только ради освещения обстоятельств и отношений, в которых проходила их деятельность, не только для того, чтобы, может быть, сохранились воспоминания об их подвиге, но и ради завещания сегодняшним борцам за коммунизм, которое содержится в этих судьбах» (стр. 6).

По времени «Повествование» охватывает период с конца прошлого века до начала 1933 г., хотя автор в ряде случаев

делает краткие экскурсы и в более поздние времена. «Детство и школьные годы», «Перешутье», «Первые шаги», «Красная правда», «Судебный процесс», «Тяжелое заключение», «В родных местах» — так озаглавлены разделы книги. Каждый из них — этап в биографии автора, патриота, революционера, коммуниста. В то же время, вместе взятые, эти разделы представляют собой серьезный труд об одном из наиболее значительных и сложных периодов в истории народов Югославии, в истории ее Коммунистической партии.

«Повествование» настолько насыщено событиями, как, впрочем, и время, о котором идет речь, что в краткой рецензии можно лишь в самых общих чертах говорить о каждом разделе и всей книге в целом.

Ценность рецензируемого труда, на наш взгляд, тем более значительна, что свой рассказ автор ведет на широком фоне тех политических событий и потрясений, которые переживала его родина накануне, во время и после первой мировой войны. Центральное место в книге занимает повествование о зарождении и развитии революционного рабочего движения в Югославии под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России, «о драматическом столкновении, — как говорит автор, — двух классов нашего общества в период, когда с победой Октябрьской революции уже начался всемирно-исторический процесс ликвидации капитализма как общественно-экономической формации и рождения новой, более передовой — социалистической» (стр. 6). Именно в этот период, отмечает Р. Чолакович, началась длительная и беспощадная борьба, в которой решался вопрос о том, кто будет определять судьбу югославского народа: буржуазия, которая превратила Югославию в тюрьму народов, или пролетариат, общественным идеалом которого является уничтожение всякой эксплуатации и угнетения.

Автор показывает, что его жизненный путь как революционера и борца за народное дело, как и путь целого поколения югославских революционеров, складывался и определялся под воздействием двух основных факторов: буржуазной действительности и тех социально-политических процессов, которые переживала его родина, с одной стороны, и русской передовой мысли, русского революционного движения, особенно Октябрьской революции и успехов молодой Советской Республики — с другой.

* * *

Детство и школьные годы Р. Чолаковича были суровыми, безрадостными. Происходя из зажиточной семьи, он, рано потеряв родителей, очень быстро стол-

кнулся с миром социальной несправедливости и угнетения, ярким представителем которого был прежде всего его дед и опекун, типичный ростовщик и эксплуататор, сосавший кровь из народа.

Сараевское убийство, первая мировая война, борьба югославских народов за свою национальную независимость, развертывание экономической и политической борьбы трудящихся против «отечественных» эксплуататоров — все это пробуждало в молодом Чолаковиче одновременно и патристические чувства, и симпатии к угнетенному люду, и ненависть к эксплуататорам. Он постепенно втягивается в водоворот событий, в нем все больше растет тяга к знаниям, любовь к книге.

Уже в детские и юношеские годы Р. Чолакович зачитывается произведениями Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Горького, Кропоткина, Степняка. Особенно большое впечатление произвели на него две книги, открывшие ему «совсем новый мир», — «Мать» Горького и «Подпольная Россия» Степняка.

«Эти две книги, — пишет Р. Чолакович, — ознакомили меня с образами революционеров другой закалки, других взглядов и стремлений. Впервые я узнал о рабочем движении как великой общественной силе, которая втягивает в борьбу таких бескорыстных, благородных людей, как Павел Власов и его товарищи» (стр. 40).

Во втором разделе своей книги — «Перешутье» автор рассказывает о тех факторах, которые решающим образом повлияли на определение всего его дальнейшего жизненного пути.

Распад Австро-Венгрии в результате первой мировой войны и образование объединенного югославского государства Р. Чолакович первоначально расценил как завоевание свободы для его родной Боснии и всех остальных югославских земель. Однако очень скоро ему пришлось разочароваться. Местные политики и буржуа, которые еще вчера выступали против австро-венгерского гнета, теперь сомкнулись с теми, на кого империя опиралась, и начали строить свое благополучие на народной нищете. Уже тогда Р. Чолакович пришел к выводу, что его дорога расходится с дорогой власти имущих — дорогой насилия, несправедливости, эксплуатации, коррупции. В марте 1919 г., будучи студентом коммерческого училища в Сараеве, он вступает в Социал-демократическую партию Боснии и Герцеговины.

«Я мало знал о современном мне рабочем движении, — пишет автор, — но в то время основание старого мира потрясла Октябрьская революция, которая явилась важным фактором в определении моего пути... Она разрушила старый мир насилия, нищеты и несправедливости и хочет создать другой, лучший и более

справедливый мир для всех. Это и для меня было путеводной звездой и примером» (стр. 55).

Под влиянием Октябрьской революции, победа которой ободрила рабочий класс Югославии, «открыла ему перспективу, подняла его самосознание», Р. Чолакович все больше приходит к убеждению о необходимости подготовки революции в Югославии и создания рабоче-крестьянской республики, «как это уже сделали русские». Он знакомится с произведениями К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, Р. Люксембург.

В следующем разделе говорится о первых шагах Р. Чолаковича и его товарищей в югославском революционном движении, о создании ими летом 1919 г. в его родном городе Биелине местной организации Социалистической рабочей партии (коммунистов). Автор отмечает большое влияние, которое оказала на него и его товарищей книга Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Говоря о том, что и они ставили себе этот вопрос, Р. Чолакович пишет: «Русские товарищи ради революции шли в тюрьмы, в изгнание, на эшафот, а хватит ли у нас сил выдержать все это, если мы окажемся перед таким испытанием» (стр. 81). «Мы тогда с напряженным вниманием следили за тем, что происходит в России». «Мы в то время клялись Русской революцией и именем Ленина» (стр. 87).

В сентябре 1919 г. Р. Чолакович вместе с двумя своими товарищами переезжает в Белград, центр революционного движения в Югославии. Он поступает на заочное отделение философского факультета и одновременно записывается в клуб студентов-марксистов при белградском Рабочем доме. Здесь, в Белграде, Р. Чолакович ближе знакомится с проблемами и положением дел в партии, в общегославском революционном движении. В этой связи он вновь указывает на то огромное значение, которое имела Октябрьская революция для борьбы пролетариата и других революционно настроенных масс Югославии в те годы. «В поисках ответа на решающий для судеб того времени вопрос,— пишет он,— определяющее влияние имела Октябрьская революция... Октябрь на примере показал, что пролетариат способен и в состоянии свергнуть власть капиталистов, помещиков, банкиров и других паразитов общества и установить власть трудового народа в форме рабоче-крестьянских советов» (стр. 101). «Для нас, коммунистов, Октябрьская революция была и неисчерпаемым источником моральной силы; ее победа, а еще больше ее героическая оборона от контрреволюции воодушевляла нас и вселяла в нас фанатическую веру в непобедимость рабочего класса. Имя ее вождя — Ленина — было для нас знаменем и клятвой» (стр. 102).

В декабре того же 1919 г. Р. Чолакович

из-за трудных условий жизни в Белграде вновь переезжает в Биелину. В начале 20-х годов он и некоторые другие югославские коммунисты становятся на ошибочный путь, создают террористическую организацию «Красная правда» с целью устранения наиболее реакционных представителей монархического режима в Югославии. В эту организацию входит и пламенный революционер рабочий Алиягич. При содействии Чолаковича и некоторых других членов этой организации Алиягич в июле 1921 г. осуществляет убийство махрового реакционера, министра внутренних дел Югославии Милорада Драшковича — в знак протеста против действий правительства, объявившего вне закона Коммунистическую партию Югославии и классовые профсоюзы. В октябре 1921 г. Алиягич был приговорен к смертной казни, а Р. Чолакович, Д. Лонандич и Н. Петрович — к 15 годам каторги каждый.

Большое место в книге занимает рассказ о годах, проведенных автором в трех каторжных тюрьмах — в Лепоглаве (Хорватия), в Сремской Митровице (Сербия) и в Мариборе (Словения). В те годы здесь томилась многие видные деятели югославского революционного движения, среди них и рабочий-металлист Иосип Броз (Тито), осужденный в 1928 г. на пять лет каторги. И. Броз мужественно держал себя на суде. На вопрос, признает ли он себя виновным, И. Броз ответил: «Я не чувствую себя виновным, хотя и признаю то, в чем меня обвиняет государственная обвинительница. Я признаю, что являюсь членом нелегальной Коммунистической партии Югославии; признаю, что я пропагандировал идеи коммунизма, разъяснял пролетариям все несправедливости, совершаемые по отношению к ним. Однако я не признаю буржуазный суд, так как считаю себя ответственным только перед своей Коммунистической партией» (стр. 372).

Коммунисты и в самых суровых условиях каторги ни на один день не прекращали свою революционную деятельность. «Годы, проведенные коммунистами в заключении,— говорит Р. Чолакович,— представляют собой значительную главу истории нашего революционного движения, ибо в „наших университетах“ учились сотни его активистов, которые были организаторами революционного рабочего движения до войны, многие из них — организаторами и руководителями нашей Революции и послевоенного социалистического строительства. Говорить о тюрьме, обо всем том, что мы в ней пережили, значит говорить не только о том, сколько мы в ней выстрадали, сколько она отняла у нас, но и о том, как мы в ней закалялись и чему мы в ней, в этой суровой школе югославских революционеров, научились и что мы приобрели» (стр. 249—250).

И это Р. Чолакович показывает в своей книге. В тюрьмах создавались нелегальные партийные комитеты. Секретарем партийного комитета в Мариборской тюрьме был Иосиф Броз, членом парткома — Р. Чолакович. Большое место в работе комитетов занимало политическое образование коммунистов, учившихся и в кружках и самостоятельно. Их пособиями были «Государство и революция» В. И. Ленина, «Империализм, «Низы философии» и «К критике политической экономии» К. Маркса, «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса и др. Эти произведения нелегально доставлялись заключенным. Коммунисты не только изучали, но и переводили на сербско-хорватский язык труды Маркса, Энгельса, Ленина и других авторов.

Большое влияние на взгляды Р. Чолаковича, особенно по вопросу о путях и методах революционной борьбы пролетариата, оказала работа В. И. Ленина «Государство и революция». Именно она помогла Р. Чолаковичу донять ошибочность индивидуального террора.

Исключительное место в жизни заключенных коммунистов занимало все, что было связано с первой в мире страной социализма, с жизнью советского народа, его трудовыми успехами. Как свидетельствует Р. Чолакович, любимой темой их бесед был Советский Союз, любимыми песнями — русские революционные песни.

Пример самого автора «Повествования» показывает, какую большую политиче-

скую школу проходили коммунисты в этих «университетах». Пожав туда террористом с известным налетом национализма, слабо разбиравшимся в марксистской теории, Р. Чолакович выходит из тюрьмы закаленным революционером, образованным коммунистом, проникнутым духом пролетарского интернационализма.

В январе 1933 г. Р. Чолакович по решению партии нелегально переходит югославно-австрийскую границу, чтобы затем перебраться в Советский Союз. На это автор заканчивает свою книгу.

«Повествование об одном поколении» написано на основе достоверных фактов, в нем идет речь о событиях, свидетелем и непосредственным участником которых был сам автор. Но это не бесстрастная хроника; многие события и факты автор рассматривает сквозь призму своих дум и переживаний, дает свои толкования и оценки, некоторые из которых, быть может, и спорны. Однако это не умаляет достоинства книги, которая не только имеет большое познавательное значение, но и представляет собой цепный труд по истории югославского революционного движения.

В заключение нельзя не сказать о том, что «Повествование об одном поколении» — интересно и талантливо написанное литературное произведение, которое захватывает и увлекает читателя буквально с первых же страниц.

Д. А. Севьян

STANISŁAW PIOTR STĘBOROWSKI. *Geneza Centrolewu* (1928—1929). «Książka i wiedza». Warszawa, 1963, 447 s.

С. СТЕМБОРОВСКИЙ. *Генезис Центролева*

Деятельность Центролева (блока четырех польских политических партий — ППС, «Вызволене», «Пяст» и Стронництво людове) стала заметной вехой в истории Польского буржуазного государства. Появление этого блока знаменовало существенные сдвиги во внутривнутриполитической жизни Польши после майского переворота 1926 г. Вместе с тем история Центролева оказалась весьма поучительной для польской общественности и для демократических сил на Западе. Поэтому обращение польского историка С. Стемборовского к происхождению Центролева вполне оправдано.

Автор поставил перед собой задачу проанализировать два вопроса: 1) процесс консолидации политических партий, вошедших в Центролев, 2) принятую ими концепцию политической борьбы за изменение системы власти (стр. 10). Скажем сразу, что эти задачи выполнены вполне успешно и фундаментально.

В первой, вводной, главе работы характеризуются те изменения в укладе политических сил, которые произошли со времени майского переворота 1926 г. до весны 1927 г. С одной стороны, консолидация крупнокапиталистических и помещичьих политических группировок вокруг Пилсудского, с другой — постепенный переход партий сеймовой левницы от политики сотрудничества и поддержки к оппозиции в отношении правительства Пилсудского. Поскольку эта глава не претендует на самостоятельное исследование, отметим лишь, что автор убедительно раскрыл подлинную классовую природу правительства пилсудчиков и их предводителя маршала Пилсудского, вокруг которого буржуазная историография Польши, да и других стран нагромодила немало легенд.

Во второй главе автор рассматривает формирование отдельных группировок (центров) буржуазно-демократической

оппозиции в сейме, избранном в марте 1928 г. Отмечая, что непримиримо враждебной их оппозиция была только по отношению к коммунистам, которые возглавляли революционное движение в стране и вели последовательную борьбу как с режимом санации, так и с буржуазным строем в целом, Стемборовский приводит многочисленные факты выслуживавшихся лидеров всех этих партий перед санацией, их поистине холоповские — открытые и тайные — обращения к диктатору и его ставленнику президенту Мосьцицкому с предложениями к соглашению. Эти призывы мотивировались «необходимостью» предупредить революционные потрясения существующего режима и во что бы то ни стало остановить распространение коммунистических идей. Программный антикоммунизм, составлявший ось политической линии всех этих партий, служил одной из главных, если не главной, основой их возможного блока.

Однако автор показывает, что на пути к полному соглашению стояли и немалые препятствия. Каждая из партий оппозиции старалась добиться соглашения с определенной частью лагеря Пилсудского, каждая стремилась к укреплению собственных позиций за счет «союзников» и к руководящей роли в оппозиционном движении. Кроме того, в их взглядах на ряд программных вопросов имелись существенные расхождения и отсюда острая взаимная неприязнь, особенно между центром и левницей.

Объективные условия способствовали преодолению разногласий и сближению оппозиционных партий. Дело в том, что Пилсудский и наиболее близкое ему правое крыло пилсудчины («полковники», помещичье-консервативные группы и др.), не желая делить свою власть с другими партиями, искали не столько союза, сколько возможности разделиться с оппозицией. Лишь узость социальной базы, снова обнаруживавшаяся на выборах (130 мандатов из 444 в сейме), заставляла пилсудчиков откладывать «радикальную» расправу с оппозиционными партиями, маневрировать и пытаться смирить их угрозами.

Непримиримая позиция пилсудчиков, их наступление на права сейма и политика фашизации страны объективно толкали партии оппозиции к сближению, чтобы сообща отстаивать свое существование и добиваться изменения режима в свою пользу. Вначале это сближение носило характер эпизодических совместных выступлений парламентских фракций (клубов) оппозиции с целью лишь прилечь к Пилсудскому возможностью создания оппозиционного блока, который имел бы в сейме абсолютное большинство. Но последняя отлучка видела несогласованность оппозиции и наносила ей удар за ударом.

В конкретных политических условиях

сапационной Польши демократические силы обязаны были во что бы то ни стало не допустить пересмотра конституции, так как было совершенно очевидно, что он может быть произведен лишь в сторону, желательную фашистам. Коммунистические депутаты в сейме без обиняков говорили об этом лидерам легальной оппозиции (стр. 187). Но эти лидеры исключали для себя методы массовой революционной борьбы и искали соглашения с Пилсудским; они пошли навстречу домогательствам санации. Вступая на этот более чем скользкий путь, лидеры оппозиции сознавали, что пересмотр конституции ничего хорошего им не сулит. Однако они не мыслили свою борьбу иначе, как в форме парламентских дискуссий, и в конечном счете возлагали все надежды на действительность своих статей и речей, несмотря на то, что Пилсудский самым наглым и откровенным образом топтал их парламентские иллюзии¹.

Правда, в феврале 1929 г. Главный совет ППС впервые пришел к решению о необходимости широкой массовой кампании вне парламента для защиты демократических прав. Была даже избрана секретно «пятерка» для организации «всеобщей стачки по всей стране...», если бы правительство распустило сейм и ввело конституцию блока беспартийных» (стр. 219). Однако это решение осталось на бумаге (оно и принято-то было лишь, чтобы прилечь пилсудчиков)².

Деятельность нелегальной Коммунистической партии Польши (КПП) выходит за рамки темы С. Стемборовского. Перед автором стояла трудная задача: показать, как это и было в действительности, что героическая деятельность КПП, протекавшая в данном случае как бы за сценой, в огромной степени определяла поведение всех действующих на сцене сил. Автору в общем удалось это показать; отмечены и серьезные недостатки в работе партии. Политическая ситуация в то время требовала от коммунистов сотрудничества с силами Центролева, которые, выступая в защиту буржуазной парламен-

¹ По свидетельству русского белоэмигранта Л. Любимова, который близко соприкасался с высокопоставленными пилсудчиками, «всей Варшаве было известно» одно из хлещких выражений диктатора: «Я скорее могу заставить себя питаться навозом, чем сотрудничать с партиями, правившими Польшей до меня» (Лев Л ю б и м о в. На чужбине. «Московский писатель», М., 1963, стр. 253—254).

² Когда в 1935 г. пилсудчики «откроливали» новую, фашистскую конституцию, притом совершенно незаконным образом, лидеры ППС не только не осуществили своей угрозы, но и свели на нет все усилия компартии организовать всеобщую забастовку протеста.

тской демократии, несомненно отражали интересы трудовой, прогрессивной части польского народа. В Польше конкретная обстановка уже выдвигала перед коммунистами задачу строительства единого фронта всех антифашистских сил. Выполнению этой задачи мешали не только непримиримая антикоммунистическая позиция партий Центролева, но и глубоко укоренившиеся в секциях Коминтерна сектантские установки, источником которых была сталинская теория социал-фашизма. КПП, призывая массы к борьбе за свержение фашистской власти, к установлению диктатуры пролетариата и героически возглавляя эту борьбу, в то же время отвергала возможность борьбы за переходные, демократические этапы на пути к этой цели, а тем самым и сотрудничество с реформистскими буржуазно-демократическими партиями (стр. 72—89, 400 и др.). Это сектанство было преодолено позднее.

В третьей и четвертой главах автор шаг за шагом рассматривает попытки консолидации антисанационной буржуазно-демократической оппозиции в конце 1928 и первой половине 1929 г. в ходе парламентской борьбы вокруг пересмотра конституции и бюджета.

В марте 1929 г. партии сеймовой левицы — ППС, «Вызвонене» и Строиштво хлопске — создали комиссию для согласования действий.

Но партии центра еще не хотели связывать себя с левицей. Они активно выступали против «радикального» проекта конституционных изменений. Впрочем, и партии левицы все еще рассматривали свое сближение не как основу решительной борьбы, а как козырь в игре с санацией, чтобы вынудить последнюю к сотрудничеству (стр. 222).

В этой связи лидеры ППС выступали с тезисом, что санационный режим «открывает ворота для большевизма» (стр. 314). «Кто хочет уничтожить ППС, — заявлял признанный вождь ППС Дашинский, — тот стремится открыть ворота также перед коммунизмом» (стр. 339).

Такое положение в лагере оппозиции позволило пилсудчикам продолжать свой курс на подавление ее. Важным событием внутриполитической жизни Польши было формирование Пилсудским в апреле 1929 г. первого кабинета министров из группы «полковников» (кабинет Свигальского), что знаменовало переход санации к правлению посредством «сильной руки». Пилсудчики начинают выбрасывать ППС-цев из муниципальных советов (ППС имела там свыше 1600 мест), из советов больничных касс (свыше 1000 мест) (стр. 254). «Не было случая, чтобы Польская социалистическая партия призвала к непосредственной защите своих активистов, отстраняемых санацией» (стр. 333). Крах курса на соглашение с Пилсудским подтолкнул оппозиционные партии к

дальнейшему — и теперь уже более прочному — сближению.

В последней, пятой главе автор рассказывает о возникновении Центролева и процессе его политической и организационной консолидации в первой половине 1929 г. Декларация 14 сентября 1929 г. была первым официальным документом организующегося в сейме политического сообщества партий легальной оппозиции — Центролева (стр. 337). В этой декларации шесть клубов заявили об отказе участвовать в конференции, которую созывал премьер Свигальский. Это предвещало их коллективное выступление в сейме с вотумом недоверия правительству. Решающее столкновение произошло при открытии новой сессии сейма 5—6 декабря 1929 г. Внесенный Недзялковским от имени Центролева вотум недоверия правительству прошел 243-мя голосами против 119. Победа требовала дальнейших наступательных шагов для изменения режима. Для этого были реальны возможности. Когда партии Центролева 1 декабря 1929 г. в виде опыта — и единственный раз! — организовали по всей стране массовые митинги протеста, чтобы получить поддержку общественности, эти митинги прошли с большим успехом: массы всюду выразили полную поддержку линии своих парламентских клубов и готовность поддержать их дальнейшие наступательные действия (стр. 380).

Но дальше этого опыта Центролев не пошел и идти не хотел. В вотуме недоверия партии Центролева снова заявляли о своей готовности к сотрудничеству с будущим правительством при условии, что оно будет «уважать конституционные порядки» (стр. 389). Поэтому свержение кабинета «полковников» — наивысшее достижение Центролева — стало и его последним достижением.

29 августа 1930 г. президент распустил сейм и сенат. В ночь на 10 сентября 11 депутатов Центролева были арестованы и брошены в Брестскую крепость. Одновременно были проведены широкие репрессии против коммунистов и против украинского и белорусского национально-освободительного движения, т. е. подлинно революционных сил. Не подготовленный к этим ударам Центролев был дезорганизован и в сущности разбит. На выборах в сейм в ноябре 1930 г. он потерпел поражение, а в дальнейшем фактически сошел со сцены как партийный блок.

Главной и решающей причиной бесславного поражения оппозиции, обоснованно считает автор (стр. 409), был ее сознательный отказ от опоры на массовое движение, страх перед этим движением. Вот почему поучительный характер уроков Центролева выходит за рамки Польши и своего времени.

Читателю, естественно, захочется узнать, как же вели себя обвиненные лидеры Центролева на судебном процессе и

после тюрьмы. Хотя тема и ее хронологические рамки дают С. Стемборскому право не касаться этих вопросов, нам представляется, что хотя бы в самой краткой форме следовало в заключении удовлетворить это законное желание читателя, тем более что историческая судьба лидеров Центролева тоже типична. Во время как большинство их до конца продолжало свою линию и, таким образом, объективно способствовало катастрофе польского буржуазного государства в сентябре 1939 г., лучшая часть оппозиции шла влево, все дальше от соглашательства, антисоветчины и антикоммунизма.

В 30-е годы эта левизна стала на позиции борьбы за единый фронт с коммунистами, затем вместе с ними мужественно боролась с гитлеровскими оккупантами, за социалистическую Польшу. Этот путь проделали и двое из одиннадцати брестских узников — Дюбуа и Барлицкий, имена которых чтит новая, Народная Польша.

В заключение отметим, что книга написана живо, читается с интересом, снабжена указателем имен и обширной библиографией.

М. И. Богуславский

В. А. ДЯКОВ, П. С. МПЛЕР. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., «Наука», 1964, 448 стр.

Еще недавно наши сведения о революционном движении в русской армии в 60-х годах, и в частности в связи с польским восстанием 1863 г., были поверхностными и отрывочными. В 1958 г., например, один автор, не стесняясь, заявлял по поводу участия русских офицеров и солдат в этом восстании: «история не сохранила их имен»¹.

История сохранила очень много имен, только нужно было их искать и найти. Этот поистине огромный труд и был предпринят авторами рецензируемой нами книги. В ней оригинально сочетается исторический анализ с воссозданием биографического материала, составленного путем тщательного, скрупулезного, мозаичного подбора данных, хранящихся в советских и польских архивах.

В результате проделанной авторами работы была раскрыта важнейшая черта революционного движения 60-х годов в России и в Польше: реальное существование практического союза между русскими и польскими революционерами.

Вошедшее в книгу исследование В. А. Дякова «Революционная организация русских офицеров в Польше (1861—1863)» должно рассматриваться вместе с другими работами автора, на которые оно в значительной мере опирается. Речь идет прежде всего о статье «Петербургские офицерские организации конца 50-х — начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских связей»², в которой освещается предыстория офицерской организации в Польше. К статье приложены «Материалы для реконструкции состава революционных организаций в Петербургском гарнизоне».

Это алфавитный справочник на 442 человека, участие которых в военных кружках подробно аргументировано ссылками на источники³.

Речь идет также о предшествующих исследованиях и публикациях В. А. Дякова, посвященных непосредственно офицерской организации в войсках, которые были расположены в Царстве Польском и на прилегающих к нему территориях⁴. История этой организации очень мало исследована как в советской, так и в польской литературе. В результате архивных изысканий В. А. Дяков не только определил примерную численность

³ Указанная работа, имеющая объем около 10 печ. листов, вместе с подготовленным тем же автором разделом «Петербургская офицерская организация» (В сб.: «Русско-польские революционные связи», серия «Восстание 1863 года. Материалы и документы», т. 1. М., 1963, стр. 197—352) заслуживают самостоятельного разбора. Пользуясь случаем, отмечу, что эти исследования содержат некоторые спорные, на наш взгляд, положения, связанные с выдвинутой автором гипотезой о федерации петербургских военных кружков и с его оценкой значения польского аспекта в деятельности кружка Сераковского — Домбровского.

⁴ В. А. Дяков. Герцен, Огарев и Комитет русских офицеров в Польше. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1963, стр. 3—30. Самостоятельное значение имеют вошедшие в эту работу в качестве приложения «Материалы для реконструкции состава офицерской организации в 1-й армии» (там же, стр. 31—82). См. также раздел «Революционная организация офицеров русской армии в Польше». В сб.: «Русско-польские революционные связи», т. 1. М., 1963, стр. 352—516 и некоторые другие публикации В. А. Дякова.

¹ А. В. Федоров. Общественно-политическое движение в русской армии 40—70-х гг. XIX в., М., 1958, стр. 112.

² «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XXVIII, 1964, стр. 268—359.

этой организации, но и персонафицировал ее состав. Список действительных и вероятных членов организации включает 449 имен. Автор выясняет ее организационную структуру, соответствующую воишским подразделениям, взаимоотношения низовых звеньев и руководящих центров. Он основательно изучил агитационную деятельность офицерской организации, причем автору удалось найти несколько неизвестных ее прокламаций. Им составлена программно-тактическая линия с программой и тактикой русской революционной демократии и польско-литовских революционеров. Прослежены внешние связи организации и ее роль в оформлении союза обеих революционных партий — всероссийской и польской. Наконец, — это ценнейшая часть исследования — приведено множество новых фактов практической деятельности участников армейской организации в ходе восстания.

К тематике исследования В. А. Дьякова непосредственно примыкает статья И. С. Миллера «План Ярослава Домбровского». Ювелирно расчленивая противоречивые свидетельства, освобождая факты от вымыслов и искажений, накопившихся в буржуазной литературе, автор восстанавливает действительное значение этого плана восстания — центрального узла революционной политики и стратегии в сложной обстановке первой половины 1862 г. План Домбровского был по существу планом армейской русско-польской революционной организации, в котором польская революция мыслилась как начало общероссийской. И. С. Миллер убедительно доказывает, что политические и стратегические элементы этого плана созрели задолго до его оглашения Домбровским. Логика фактов приводит И. С. Миллера к важному выводу, что срок восстания, предложенный Домбровским в июне 1862 г., отличался от первоначально задуманного. Он был приближен из-за изменившейся политической ситуации и необходимости спасти осужденных товарищей — Аригольда, Слишкского и Ростковского, переведенных для казни в Модлин.

Книгу завершает большое исследование И. С. Миллера «Из царской армии в ряды повстанцев» — об участии русских военнослужащих, неполяков, в польском восстании. В единственной работе на эту тему — книге польских историков П. Лосовского и З. Млынарского «Русские, белорусы и украинцы в восстании 1863 г.» (Вроцлав, 1959) добросовестно использован мемуарный и архивный материал, но авторы имели в распоряжении только фрагментарные остатки польских архивов, уничтоженных войной. И. С. Миллер же опирался на материалы из основных советских (а также польских) архивов, выявленные в связи с подготовкой совместной совет-

ско-польской публикации источников по истории восстания 1863 г.⁵ Он имел возможность уточнить, проверить и значительно дополнить (по военно-судным делам) материалы польских историков, доведя свой список участников восстания (на территории Царства Польского) до 299 человек. В основном это солдаты, офицеров среди них всего 32.

Автор справедливо не считает биографический список только подсобным материалом для исторического исследования. Это прежде всего дань памяти и уважения к участникам выдающегося революционного движения, закладывавшим ценою жизни и долгих страданий традицию дружбы между народами России и Польши. Из 183 судебных приговоров, учтенных в списке, 89 (почти половина) — приговоры к смертной казни. И. С. Миллер подробно рассказывает о судьбах этих людей, попутно уточняя обстановку, даты сражений, территорию военных действий, названия и судьбы различных повстанческих отрядов. Особенный интерес представляют малоизвестные биографии Матвея Безкишкина, Митрофана Киянского, Петра Краснопевцева, Павла Якоби, Павла Богдана, Якова Лёвкина, Митрофана Подхальзина, С. Шикифорова.

Собранный материал позволяет автору дать анализ причин перехода русских солдат к повстанцам и подтверждает небывалую массовость этого явления, несмотря на то, что лишь небольшая часть переходов оказалась зафиксированной в военно-судных документах. Для подавляющего большинства солдат, неполяков, переход к повстанцам вызвался не предшествующей агитацией, а обстановкой, создававшейся в ходе восстания. Но даже при отсутствии революционной агитации, когда офицерская организация перестала существовать, в переходах солдат проявлялись элементы сознательного действия. Автор показывает, что эти переходы были в течение всего периода повстанческой борьбы и зависели от интенсивности повстанческого движения в различных районах Польши. Наибольшую притягательную силу для русских повстанцев имели крепкие и активные отряды, во главе с командирами-демократами, близкими к солдатской массе (Гейденрейх, Крысинский, Хмелинский, Жихлипский). Русские солдаты в рядах повстанцев часто были единственными профессиональными воинами; многие из них проявляли упорную стойкость в боях и оставались в отрядах до самого конца движения.

Если говорить об отдельных просчетах, допущенных в книге, то нам пред-

⁵ См. также подготовленный И. С. Миллером раздел «Русские в рядах повстанцев» в сб.: «Русско-польские революционные связи», т. II.

ставляется необходимым указать на недостаточное внимание к вопросу о массовом участии в восстании 1863 г. поляков — офицеров русской армии. Имеет ли этот вопрос отношение к теме русско-польского революционного союза? Нам представляется, что имеет, и самое непосредственное.

Революционные организации вырастают на национальной почве, они прочно связаны с социальными условиями жизни определенного народа. Характер организаций определяется не только их национальным составом, но и общественно-политической ориентацией.

Армейская офицерская организация в Польше, борющаяся под знаменем русской революционной демократии за политическое и социальное преобразование России, оставалась российской, не сливаясь с повстанческим подпольем. В то же время по своему составу она была многонациональной, в основном русско-польской. По подсчетам В. А. Дьякова, среди ее участников уроженцы западных губерний составляли 77% (стр. 42). И в этой организации около половины ее участников (200 чел.) активно поддерживают восстание всеми доступными им средствами, в том числе и переходом в ряды повстанцев. Но офицеров — русских, сумевших перейти на территорию Царства Польского к повстанцам, оказывается, по списку И. С. Миллера, всего 32 человека! Значит, остальные — поляки.

В. А. Дьяков рассказывает об этих поляках — участниках армейской организации (стр. 142—198), но менее подробно, чем это делает И. С. Миллер, говоря о русских участниках восстания (стр. 266—432). Это правомерно с точки зрения специальных задач, поставленных перед собой каждым автором. Однако думается, что без соответствующих обоснований и выводов картина участия русской армии в польском движении становится несколько искаженной.

Отметим некоторые спорные факты. Маловероятна распространенная версия, будто в руки французской полиции в де-

кабре 1862 г. попал список участников офицерской организации (В. А. Дьяков считает его аналогичным списку, имевшемуся у Огарева). Не говоря о том, что это никак не отразилось на судьбе 50 внесенных в список офицеров действующей армии, подобный факт вряд ли не отразился бы в переписке Александра II с Константином, если бы он действительно имел место⁶. И. С. Миллер (стр. 221—222) не критически, как нам представляется, цитирует будто бы найденное у Каплинского письмо из Петербурга о необходимости «воспользоваться» для подготовки вооруженного выступления лагерным сбором в Повонзках девяти стрелковых батальонов и трех артиллерийских бригад. Цитата взята не из подлинного документа, а из сомнительной записи генерала С. А. Хрулева (начальника 2-го армейского корпуса), который воспроизводит, как нам представляется, по памяти отрывок из так называемой тетради Каплинского. В тетради говорится о распространении переписанных в ней прокламаций и статей из «Колокола» в 6, 5 и 4-й артиллерийских бригадах. У Хрулева этот текст превратился в призыв с помощью упомянутых трех бригад воспользоваться лагерным сбором войск, потому что «другой случай не скоро откроется»⁷.

Отмеченные недочеты носят частный характер. Книга является большим вкладом в научную литературу и по истории революционного движения 60-х годов и по истории русско-польского революционного союза.

В. Лейкина-Свиридал

⁶ Неназванная часть этой переписки хранится (в копиях) в Центр. гос. архиве Военно-Морского флота.

⁷ См. сб. «Русско-польские революционные связи», т. 1, стр. 373; С. И. Шкроб. Жертва польского освобождения (Андрей Потемня). — «Каторга и ссылка», 1933, № 2, стр. 76—77.

КНИГА ОБ ИРЖИ ВОЛЬКЕРЕ

Иржи Волькер — один из ведущих чешских поэтов XX в. и самый крупный представитель чешской пролетарской литературы, возникшей в обстановке революционного подъема в первые годы после Октября. Поэт прожил недолгую жизнь (1900—1924), но расцвет его таланта был столь стремительным и ярким, его вклад в национальное искусство столь значительным, что он стал классиком отечественной литературы.

Личность Волькера и его творчество на протяжении сорока лет привлекают к

себе внимание критиков, теоретиков и историков литературы. В прошлом году литература о поэте пополнилась книгой Ф. Зольдана¹. Автор характеризует эпоху и среду, которые формировали Волькера, прослеживает его духовный путь, стремясь раскрыть идеологические основы и внутреннюю логику развития поэта, рассматривает его творчество. Од-

¹ F. Soldan, Jiří Wolker. Praha Československý spisovatel, Edice Profily, 1964, 159 s.

на из глав специально посвящена вопросам художественного мастерства и стиля. Завершает работу обзор, воссоздающий историю оценок творчества Волькера и борьбы вокруг него.

Книга сочетает элемент исследования с чертами популярного критико-биографического очерка. Конкретный анализ перемежается мыслями автора, высказанными в самой общей форме. В данном случае такой способ подачи материала нельзя признать безупречным, так как недостаточно аргументированными оказываются порой не только тезисы, перспективность и плодотворность которых не вызывает сомнений, но и положения весьма спорные и проблематичные.

К числу достоинств работы мы отнесли бы прежде всего стремление автора охарактеризовать духовный облик поэта, рассмотреть в тесной связи его общественно-политические взгляды, этические представления и литературную деятельность. В биографической главе «Жизнь в влиянии среды» хотелось бы отметить постановку вопроса о том, что в формировании мировосприятия Волькера важную роль сыграла общественная атмосфера в его родном городе Простейове, воздействие которой Волькер испытывал уже со школьных лет. «Стремительный путь Волькера к коммунистическим убеждениям, — пишет Ф. Зольдан, — в такой же мере совершался под влиянием Простейова, как и нарастание боевого духа поэзии Безруча происходило под воздействием общественной атмосферы Остравы. Нельзя считать случайностью, что самый крупный социалистический поэт 20-х годов Иржи Волькер вырос в среде, исключительно чуткой к политике и обладающей давними традициями рабочих выступлений и социалистического движения...» (стр. 24). Это обстоятельство, как правило, недостаточно учитывается в работах о Волькере, и стремление Ф. Зольдана установить связь духовного развития поэта с конкретными фактами и процессами общественной жизни Простейова заслуживает серьезного внимания. Правда, эта связь могла бы быть раскрыта более полно. Аргументацию автора могла бы существенно обогатить, в частности, переплетка Волькера с одним из организаторов коммунистического движения в Простейове А. Додоуплом, некоторые неучтенные работы чехословацких историков².

Центральным в книге является тезис о том, что постепенно Волькер подходил к своим теоретическим воззрениям и в художественной практике к утверждению принципов коммунистической партийно-

сти и социалистического реализма. Такая концепция находит обоснование и в собственных высказываниях поэта, выдвигаемого, как известно, требованием революционной активности нового искусства и заявлявшего о своем движении к «новому реализму». Автор монографии выступает против предубежденного мнения о якобы эмпирическом характере реалистического искусства, показывая на примере Волькера, что его стихи так же далеки от описательности, как и от декларативности. К сожалению, раскрытие тезиса о реалистической основе лучших произведений Волькера страдает существенными недостатками. Неопределенным остается и само понятие реализма в представлении автора, который, в частности, абстрагируется от проблемы субъективного и объективного в поэзии, от вопроса о специфике лирических и эпических форм, о чем мы еще скажем.

Местами автора можно упрекнуть в нарушении методологического правила, в соответствии с которым писателей принято описывать не по тому, чего они не дали, а по тому, насколько они ушли вперед от своих предшественников, что дали нового в сравнении с ними. Вероятно, при соблюдении этого требования проза и драматургия Волькера, значение которых Ф. Зольдан практически отрицает, не получили бы столь суровой оценки.

В книге нередко случаются нечеткого выражения мысли, что порой затрудняет восприятие интересных наблюдений автора.

Хотелось бы остановиться на некоторых спорных вопросах, имеющих общее значение. Прежде всего это вопрос о развитии чешской поэзии и творчества Волькера в 1920—1921 гг. Нам кажется, что в ряде положений монографии, относящихся к этому периоду, не учитывается вся сумма фактов. Так, начало формирования революционного взгляда на мир у молодых чешских поэтов, сверстников Волькера, автор связывает главным образом с декабрьским выступлением чешских рабочих 1920 г. Это событие действительно оказало большое воздействие на общественное сознание и существенно повлияло на духовное развитие десятков писателей Чехословакии. Однако процесс приобщения к революционным идеалам у большинства из них начался раньше — по меньшей мере с весны 1920 г., о чем свидетельствует и творческая биография большинства молодых поэтов того времени, упоминаемых в монографии. В июне 1920 г. Св. Кадлец писал, например, в журнале «Кмен»: «Самое молодое поколение поэтов целиком склоняется к радикальному, бескомпромиссному социализму (в противоположность компромиссу правых социалистов с буржуазией. — С. Н). Оно отвергает оковы буржуазной морали... Дыхание славной русской револю-

² См., например, статью R. Сомера в сб.: «Ke vřníku KSČ na střední a severní Moravě». Státní pedagogické nakladatelství v Praze, 1961, s. 15—48.

люции повеяло в мир». Статью завершает лозунг: «Да здравствует Третий Интернационал!»³. Свидетельство Каддеца о настроениях молодых поэтов подтверждается и их художественным творчеством. Ф. Немец, например, еще в ноябре 1919 г. печатает в журнале «Червек» стихотворение «Хвала революции» и тогда же совместно с Сейфертом создает сборник бунтарских антибуржуазных куплетов («Несни профессиональных революционеров»). В июне 1920 г. Сейферт публикует стихотворение «Революция» (журнал «Кмен»). В августе появляется одноименное стихотворение Св. Каддеца и т. д. Правда, речь идет лишь о начальной стадии сближения молодых поэтов с новыми идеями. Многие в революционной перспективе развития общества им было неясно. В их стихах жили отзвуки анархических настроений. Но приведенных фактов, по видимому, нельзя и недооценивать.

Конечно, разница во времени между весной и последними неделями 1920 г. не столь велика, и можно было бы не принимать ее во внимание, если бы с общей посылкой автора не была связана характеристика мироощущения Волькера в период работы над его первой поэтической книжкой «Гость на пороге», да и оценка самой книжки. Ф. Зольдан указывает, например (отчасти вступая в противоречие с собственными утверждениями на стр. 33), что Волькеру в это время было еще подчас присуще «ошибочное и наивное представление... будто достаточно поднять мораль индивидуумов, чтобы весь общественный строй без революций и без коренной социальной ломки изменился к лучшему» (стр. 82). Сам Волькер в статье «Революционеры» (11 июня 1920 г.), относящейся к самому началу периода, о котором говорит автор монографии, писал нечто прямо противоположное: «У нас революции еще не было. В России она уже совершилась, и с такой славой, что мы все слышим ее. Мы знаем, что она придет, потому что мы ждем ее»⁴. Волькер заявляет в статье о «неизбежном крушении капитализма», пишет о том, что пролетариат, которому предстоит «нелегкий бой против превосходящих сил», «борется за лучшее завтра». Волькер называет идею революции великой идеей. Нет никаких фактов, которые позволяли бы полагать, что в дальнейшем поэт отступал от этих взглядов и убеждений. Наоборот, его симпатии к идеям революционного преобразования мира неуклонно растут и крепнут, что и приводит его через год в ряды коммунистической партии. Создается впечатление, что тезис об эволю-

ционистских иллюзиях Волькера в период создания сборника «Гость на пороге» — в значительной степени дань априорной посылке о декабрьских событиях 1920 г. как начальном рубеже в сближении поэтической молодежи с революционными идеями.

Вместе с тем сказалось, что Ф. Зольдан оспаривает в своих обобщениях о мировосприятии Волькера в 1920 г. почти исключительно на его поэтическое творчество, оставляя без внимания его переписку и публицистику. Но это влечет за собой не всегда оправданную интерпретацию и самого художественного творчества. Остается незамеченной, например, близость таких стихотворений, как «Пророк», «На передовом посту», «Сегодня», к образным мотивам статьи «Революционеры». Нам кажется, что радостное ощущение гармонии, которым проникнута первая поэтическая книжка Волькера, порождено не иллюзиями поэта о классовом мире и нравственном перевоспитании людей, а его сближением с социалистическими идеями, обусловлено обретенной им верой в жизнь, в человека, в прогресс, в возможность устроить взаимоотношения людей на новых гуманистических началах. Другое дело, что пока Волькер и ограничивался выражением этой радости (тема борьбы появится в его творчестве годом позже), что свои чувства он стилизовал и символизировал в отвлеченных, зачастую библейских образах (хотя в это же время отрекся от церкви), что такого рода образы подчас «смещали» мысль поэта и т. д. Эти факты важно учитывать и раскрывать, характеризуя сборник. Но они едва ли дают достаточные основания для обобщений, подобных процитированному.

В этой же связи трудно согласиться и с трактовкой третьей, заключительной части поэтического сборника Волькера «Гость на пороге». Ф. Зольдан усматривает недостаток книги в том, что тема социальных недугов и человеческих страданий, характерная для второй части сборника, перестала звучать в его последнем разделе: «Противоречия бытия и горькие истины отступают в сознании автора на задний план — в этом смысле вторая часть выглядит гораздо более зрелой и реалистичной. Правда, третий раздел уверенно оптимистичен, но это литературный, искусственный оптимизм, опирающийся чаще всего на абстрактный гуманизм и любовь к ближнему» (стр. 51). Думается что эти выводы — плод недоразумения. Заглавия и содержание разделов сборника Волькера в символической форме отражают логику эволюции поэта: от юношеских мечтаний и представлений о гармонических отношениях между людьми (первая часть — «Нарнишка») — к знакомству с противоречиями жизни и страданиями человека («Распятое сердце») и — к обретению

³ См. журнал «Кмен», 10 června 1920, č. 13.

⁴ J. W o l k e r. Spisy. II. Praha, 1954 s. 225.

оптимистической перспективы и новых коллективистских идеалов («Гость на пороге»). Субъективно эта перспектива связана для поэта с революционным обновлением мира (отсюда и перекличка некоторых стихов сборника с содержанием, мыслями и символами статьи «Революционеры»). Оптимизм Волькера, таким образом, хотя и выражается он в абстрактно-символической форме, имеет свою реальную жизненную почву, а мечта поэта о братских, человеческих отношениях между людьми связана с предвидением о грядущем преобразовании мира. Все это побуждает искать коррективы к формулировке Ф. Зольдана о «примирительном гуманизме» Волькера (стр. 83) и о том, что поэт «покорно принимал добро и зло» (стр. 81), о «первоначальной надежде Волькера на человеческую доброту» (стр. 19), о его «понимании любви к человеку как всепильного лекарства в мире упадка и разложения» (стр. 63), о «противоречии между плюзиями и остро критическим восприятием действительности» (стр. 44), о его оптимизме, который якобы «является ...искусственным литературным жестом» (стр. 39) и т. д.

Не вполне ясна в книге мысль о том, что в сборнике «Гость на пороге» «речь идет лишь о собственной личности поэта», что «общественные отношения поэт переводит в личную моральную плоскость» (стр. 82). Как и всякий лирический поэт, Волькер выражает в поэзии свою субъективную, индивидуальную реакцию на процессы и явления внешнего мира. Суть этой реакции в сборнике «Гость на пороге» состоит в том, что «прозрение» поэта, его приближение к идее социализма открыло ему путь от настроений одиночества к сближению с коллективом. Думается, процесс, происходивший в литературе в 1919—1921 гг., вообще состоял не в том, что писатели «переводили революционные настроения интеллигенции в узкие рамки личной морали и субъективной проблематики» (стр. 84). Скорее наоборот, от этой проблематики и через нее они шли навстречу революционному миропониманию, к более объективному и глубокому постижению революционного движения, его сущности, его целей. Ф. Зольдан, с другой стороны, совершенно прав, подчеркивая на стр. 83—84, что сначала у большинства чешских поэтов преобладало «моральное обоснование» революционной, вооруженной борьбы и лишь постепенно выступала на первый план собственно политическая ее проблематика, что и «Волькер сначала решает свое отношение к новой действительности лишь в моральной плоскости» (стр. 81).

Вследствие отсутствия специальной постановки вопроса о соотношении субъективного и объективного элемента в лирике и в лиро-эпических произведениях реализм в некоторых формулиров-

ках выглядит отождествленным с эпическими формами. Ф. Зольдан верно видит общую тенденцию развития поэзии Волькера в постепенном усилении объективного начала. Справедливо утверждение о том, что в балладах Волькера «поэт исчезает за образами рабочих». Но эволюция субъективного элемента, который, конечно, не сходит на нет в стихах поэта, а получает дальнейшее развитие, осталась за пределами внимания критика. Трудно согласиться с извинительной интонацией автора книги, когда он говорит о тех стихотворениях последнего периода творчества поэта, в которых Волькер выступает от своего имени (см. стр. 84), т. е. выражает собственные переживания. Разбирая, например, стихотворение «Весна», критик неожиданно упрекает поэта в том, что «стихотворение еще соединяет авторскую исповедь (osobní vzplaní — „личное признание“), „самовыражение“ с реалистической оценкой ситуации и с утверждением веры в революцию» (стр. 95). Но ведь родовая особенность лирики в том и состоит, что объективная действительность преломляется в ней в субъективных чувствах и представлениях поэта.

Совершенно обоснованно усматривая вершину идейного развития Волькера в стихотворениях, проникнутых зрелым и непосредственным ощущением классовых противоречий эпохи, автор склонен вместе с тем иногда распространять этот критерий на произведения иного тематического плана. Невольно зашкаются оценки тех произведений, в которых идейно-художественное решение лежит в морально-этической, а не собственно политической плоскости. Слов нет, классовые конфликты — ведущая проблематика литературы социалистического реализма. Но если в стихотворении «Святи Копечек» Волькер и не говорит непосредственно о своих классовых антипатиях, то едва ли это означает, что он «соединяет свои социалистические убеждения с любовью ко всем людям без каких-либо классовых различий» (стр. 78). О фактичности такой формулировки свидетельствуют хотя бы восторженные строки поэта о «великой России и мужественном Ленине».

Спорной представляется часть тезисов, касающихся соотношения различных литературных школ, группировок, течений.

Недостаточно развернуты и в таком виде выглядят произвольными сопоставления поэтики Волькера со структурной образ в литературе импрессионизма, футуризма и символизма. Что касается этапа пролетарской литературы и дальнейшей истории объединения «Деветсия», периода поэтизма, то здесь формулировки по меньшей мере не передают всей сложности и противоречивости картины. Автор книги занимает в этом вопросе свою позицию, отличную от

распространенных сейчас в Чехословакии взглядов на литературное движение «авангарда». Мы готовы учитывать, что в этих взглядах в той или иной степени проявляется элемент моды и увлечений, связанный с реакцией на вульгаризаторскую и односторонне отрицательную оценку названных явлений в недавнем прошлом. Но в то же время точка зрения Ф. Зольдана слабо аргументирована, а формулировки нельзя отнести к числу безукоризненных. Автор объясняет, например, возникновение поэтизма, в частности, тем, что в

условиях стабилизации капиталистической системы писатели якобы перестали думать о революции и стали «заботиться только о себе» (стр. 16). Невольно напрашивается вопрос, как согласовать этот тезис с вступлением Незвала в компартию в 1924 г., К. Библа и Б. Вацлавека в 1925 и т. п.

Книга Зольдана свидетельствует о том, что проблематика творчества Волькера и литературного движения 20-х годов продолжает сохранять свою остроту и актуальность.

С. В. Никольский

МОНОГРАФИЯ ОБ ОТАКАРЕ ЙЕРЕМИАШЕ ¹

Эта книга готовилась к семидесятилетнему Отакару Йеремиашу, которое чехословацкая общественность собиралась торжественно отметить 17 октября 1962 г. За несколько месяцев до этого — 5 марта того же года композитор скончался, и автор книги предпринял переработку ее с целью подвести окончательные итоги жизни и разносторонней деятельности мастера, которого по справедливости можно причислить к наиболее выдающимся представителям чехословацкой музыкальной культуры нашего столетия, как композитора, дирижера, педагога и общественного деятеля, много сделавшего, в частности, для развития и укрепления культурных связей между нашими странами.

Имя автора монографии, профессора Карлова университета в Праге Йозефа Плавца достаточно хорошо известно в Советском Союзе. Напомним, например, что в «Ученых записках Института славяноведения АН СССР» (т. XXVI) напечатан перевод работы Плавца «Пражский глагол (1861—1961) и русская музыка». К числу наиболее значительных работ Плавца принадлежит монография о Франтишке Шкрупце, комментированное издание будительского «Вепка», ряд историко-лингвистических исследований, монография о хоровых произведениях Бедржиха Сметаны, а также кропотливые текстологические изыскания, выполненные в процессе подготовки к печати Собрания сочинений этого выдающегося чешского композитора.

Новая работа Плавца, хотя и посвящена теме, хронологически, казалось бы, отдаленной от перечисленных трудов ученого, тем не менее продолжает и развивает их концепцию. Эта концепция заключается в утверждении национальной самобытности чешской музыки, народности ее истоков. В монографии о Шкрупце, во вводной статье к «Венку», во

вступительных разделах книги о хорошем творчестве Сметаны — везде Плавец показывает значение канторской культуры, роль многочисленных булитей, которые в самое тяжелое для чешского народа время вели упорную борьбу за сохранение и развитие родной речи, обычаев, народного песенно-танцевального творчества, ставшего подлинной основой национальной музыкальной классики.

Первые страницы рецензируемой монографии также посвящены патриотам-просветителям, к числу которых принадлежал Йозеф Алонс Йеремиаш, передавший славные будительские традиции своему сыну Богуславу и внукам, прославленным композиторам Ярославу (1889—1919) и Отакару (1892—1962).

Основанная Богуславом Йеремиашем в Чешских Будейовицах «Народная школа искусств», ставшая, по справедливому замечанию Плавца, подлинным центром культуры всей южной Чехии, сыграла важную роль в биографии Отакара Йеремиаша. Эта школа открылась, когда ему было всего семнадцать лет. Здесь он слушал исполнявшиеся под управлением его отца симфонии Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шуберта, сметановского «Далибора», дворжаковские оперы и оратории, музыку Фибиха и Новака, под руководством которого братья Йеремиаши закончили свое композиторское образование. Чешская классика была к этому времени уже создана, ее национальные традиции были заложены гением Сметаны и Дворжака, и Ярослав и Отакар были полны решимости принять участие в развитии этих традиций.

В первых разделах своей монографии Плавец показывает, как неразрывно музыкальная деятельность братьев Йеремиашей была связана с подъемом национальной чешской культуры в целом, с прогрессивными направлениями в отечественной литературе и искусстве, с массовым певческим движением, продолжившим будительскую традицию: «Песней к

¹ J. P l a v e c. Národní umělec Ota-
kar Jeremiáš. Praha, 1964.

сердцу, сердцем к родине». К пятистолетнюю гибель Яна Гуса Ярослав Йеремиаш создает большую ораторию, посвященную его памяти, а Отакар работает над симфонической поэмой о Гусе уже в 1908 г. В 1910—1911 гг. он пишет Первую симфонию, а в 1914—1915 гг. — Вторую.

Плавец анализирует как симфонические, так и камерно-инструментальные и вокальные произведения Отакара Йеремиаша, но разборы эти нигде не приобретают характера специфически-профессионального; они непременно связываются с общим процессом развития чешской культуры, с разветвлявшейся в ней борьбой направлений. В этой борьбе Отакар Йеремиаш всю жизнь сохранял верность тем традициям, которые он воспринял еще в юные годы в воспитавшей его канторской среде. Его вокальные сочинения создаются на слова Петра Безруча, Яна Неруды, Ярослава Врхлицкого; его музыка далека от становившихся тогда модными упадочных веяний западноевропейского декаданса. Плавец с гордостью перечисляет имена мастеров, которые в двадцатые и тридцатые годы продолжали оставаться верными сметановским традициям. То были Леош Яначек, Йозеф Богуслав Ферстер, Вitezслав Новак, Йозеф Сук. К этой плеяде мастеров, определявших национальный характер чехословацкой музыки, примыкал и молодой Отакар Йеремиаш. Он продолжал часто обращаться к народным истокам, делал замечательные обработки народных песенно-танцевальных мелодий (таковы, например, обработки для мужского хора великолепных «дудацких» песен южночешских воляничков, более поздние циклы, моравские и словацкие народные песни, три цикла обработок народных песен для детского хора и т. п.).

Подобно многим другим прогрессивным деятелям чехословацкой культуры Йеремиаш глубоко интересовался русской классической литературой и музыкой, с искренней симпатией следил за развитием советской культуры. По-разному отражались эти чувства в творчестве Йеремиаша. 8 октября 1928 г. Отакар Острчил дирижировал в пражском Национальном театре премьерой оперы Йеремиаша «Братья Карамазовы», завоевавшей впоследствии европейскую известность². В тридцатые годы были соз-

даны «Песня советской девушки» и концертная мелодрама «Обращение» на слова Владимира Луговского.

Плавец пишет также о произведениях Мусоргского, Мясковского, Прокофьева и Шебалина, исполненных в Праге под управлением Йеремиаша, об инструментованных композиторах «Песнях и плясках смерти» и цикле «Детская» Мусоргского, о начатой Йеремиашем кантате «Советскому Союзу», работу над которой прервала смерть композитора. Из монографии мы узнаем еще об одном волнующем эпизоде из жизни Йеремиаша. Как и многие другие чехословацкие композиторы-патриоты, он был уверен в победе Советского Союза, ждал прихода в Прагу Советской Армии-освободительницы, готовясь к встрече с которой, он написал торжественные «Московские фанфары». Помимо этого, в то самое время, когда его учитель Новак сочинял «Майскую симфонию», где гремит песня «Эй ухнем», Йеремиаш, вслушиваясь в приглушенные звуки радиоприемника, записывал по слуху, а затем инструментовал Государственный гимн Советского Союза, чтобы его торжественной мелодией встретить в Праге советские войска.

Тотчас же после освобождения Праги возобновилась многосторонняя деятельность Отакара Йеремиаша, назначенного главным дирижером и художественным руководителем Национального театра чехословацкого столыща. Уже в мае 1945 г. под его управлением впервые после нескольких лет фашистского гнета прозвучала сметановская «Ибуше». За ней в том же году последовали «Бранденбургцы в Чехии» и «Борис Годунов», оперы Острчила, Новака, Ферстера, Коваржовица и «Бланик» Фибиха. 15 ноября 1949 г., дирижируя «Блаником», Йеремиаш почувствовал себя плохо, но довел спектакль до конца, хотя левая часть его тела была уже парализована и он плохо видел.

Последние годы жизни композитора были годами героической борьбы с прогрессирующей болезнью. И страницы, посвященные этой борьбе, читаются с глубоким волнением.

Книга эта посвящена не личной жизни такого большого, незаурядного человека, которым, вне всякого сомнения, был Отакар Йеремиаш, а прежде всего тем десятилетиям истории чехословацкой культуры, на протяжении которых возникали его произведения, развивалась его исполнительская и педагогическая деятельность. Страницы монографии Йозефа Плавца — прежде всего страницы истории чехословацкой культуры, убеждающие читателя в непрерывности и последовательности ее развития, в ее глубокой народности.

И. Ф. Бэла

² Либретто этой оперы написано композитором в содружестве с поэтом и переводчиком Ярославом Марией Майером (1870—1942), замученным в годы оккупации фашистскими палачами. Блестящий разбор «Братьев Карамазовых» дал Ян Гауш в работе, опубликованной в Праге в 1962 г.

О СЛОВАРЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА
ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ АКАДЕМИИ НАУК¹

Создание словаря старославянского языка является одной из наиболее актуальных задач современного славноведения, так как старославянский язык — это древнейший общеславянский письменный язык, первый литературный язык всех славянских народов, международный язык средневековой Восточной Европы, оказавший большое влияние на формирование и развитие современных славянских литературных языков. Однако в лексикологическом отношении этот язык почти не изучен. Именно поэтому так велика потребность в словаре старославянского языка. На необходимость создания такого языкового справочника указывали ведущие слависты XIX и XX вв. Об этом же говорилось на всех международных славистических конгрессах, особенно на двух последних в Москве (1958 г.) и в Софии (1963 г.).

Говоря о значении словаря старославянского языка, важно учитывать, что в нем остро нуждаются не только специалисты по старославянскому языку и по сравнительной грамматике славянских языков. Он нужен всем филологам, которые занимаются проблемами, непосредственно связанными с изучением старых славянских текстов и историей отдельных славянских литератур и языков, а также славистам других специальностей — историкам, юристам, этнографам, так или иначе касающимся в своих исследованиях вопросов истории и быта древних славянских народов; не могут без него обойтись и византисты и румыноведы. Практически вообще невозможно заранее определить все области использования справочника такого рода, каким является научно выполненный словарь древнего языка международного значения.

Последние словари, в которых можно почерпнуть разрозненные сведения по лексике старославянского и главным образом церковнославянского языка, были опубликованы более ста лет назад: один — Ф. Миклошичем, другой — А. Х. Востоковым. Эти труды, чрезвычайно важные для своего времени и получившие высокую оценку в мировой славистике, в настоящее время не только стали библиографической редкостью, но, и это главное, не удовлетворяют специалистов

нашего времени, так как не отвечают современному уровню славистики и лексикографии. За истекшее столетие было открыто или впервые полностью опубликовано значительное количество древних славянских рукописей первостепенного культурного и научного значения и вместе с тем значительно возросли требования, предъявляемые к лексикографическому труду. Современного исследователя уже не могут удовлетворить принципы старой лексикографии: словари древних языков были прежде всего бессистемными сборниками преимущественно трудных и малоопытных слов из разнообразных источников, нередко относящихся к различным эпохам истории языка, а иногда и к разным языкам. Единственная система, которая неукоснительно соблюдалась в таких словарях, — это алфавитное расположение материала. Примеры такого подхода к отбору источников и толкованию слова нередки и в названных выше, образцовых для своего времени трудах Миклошича и Востокова, в которых в одной словарной статье нередко совмещались факты, относящиеся к XI и XVIII вв.

Необходимость создания нового словаря старославянского языка была указана еще П. В. Ягичем. Работы по созданию такого словаря вели чешские слависты В. Вондрак и затем М. Вейнгарт, польский лингвист С. Слоицкий. К сожалению, по разным причинам их труды не были завершены. Непосредственным инициатором создания Словаря старославянского языка ЧСАН в его современном виде был замечательный чешский ученый, герой чехословацкого Сопротивления Ян Фрчек, расстрелянный фашистами в июне 1942 г. Бесценно руководит всей работой по Словарию с первых дней работы над ним и до настоящего времени П. Курц — профессор Карлова университета, известный специалист по старославянскому языку и старославянской палеографии. П. Курц — главный редактор Словаря. Члены главной редакции — А. Достал, Б. Гавранек, К. Горалек, Й. Курц, В. Мареш, А. Матл, М. Щербова, И. Вашица. Авторы-составители: М. Бауэрова, Э. Благова, К. Гадерка, З. Гауптова, С. Геродес, В. Кыас, В. Мареш, А. Матл, И. Пацлова, Л. Лагнерова, М. Щербова, П. Вискочил. Все это высококвалифицированные лексикографы и широко образованные лингвисты. В настоящее время завершается авторская работа над Словарем. К сожалению, печатается этот труд крайне медленно. Пока опубликовано только восемь его выпусков — буквы А, Ё, В, Г. Весь Словарь будет состоять из трех томов (in 4°).

¹ Slovník jazyka staroslověnskébo. Lexicon linguae palaeoslovenicae. Praha, seš. 1 (а— аще), 1958; seš. 2 (Úvod), 1959; seš. 3 (аще — богородичьно), 1959; seš. 4 (богосварьвльк — виствьльч), 1961; seš. 5 (висть — вьзвьбровати), 1962; seš. 6 (вьзвьбиги — вьседити), 1962; seš. 7 (вьседити — вьзати), 1963; seš. 8 (вьзати — гжъгъшвь), 1964.

Первая тетрадь Словаря была опубликована в 1958 г. специально к IV Международному съезду славистов в Москве и роздана его участникам. Уже первые два выпуска Словаря были встречены славистами всего мира с громадным интересом. Было подчеркнуто его большое научное значение и высокий лексикографический уровень обработки материала². Последующие выпуски показали, что труд чешских лингвистов принадлежит к наиболее значительным работам современного славянского языкознания.

Успех этого грандиозного предприятия, потребовавший ежедневного труда большого научного коллектива в течение 22 лет, определяется прежде всего тем, что работе над Словарем предшествовало славное столетие достижений в этой области филологии петербургской, московской, загребской, пражской, венской славистических школ.

В настоящее время центр мировой славистики по изучению старославянской письменности находится в Праге. Работу над Словарем возглавляют крупнейшие специалисты в этой области. Успеху дела особенно способствует то обстоятельство, что составители Словаря являются одновременно авторами важных исследований по кардинальным проблемам старославянского языкознания. Назовем хотя бы работу И. Курца о грамматическом члене, К. Горалка о евангелиях и четвероевангелиях, А. Достала о видовой системе глагола в старославянском языке. И. Курц совместно со своим учителем И. Вайсом подготовил образцовое издание Ассеманьева кодекса, А. Достал — первоклассное издание Клоцова сборника. Следует прибавить, что в Праге издана самая точная и полная по воспроизведению текстов хрестоматия старославянских и церковнославянских текстов, которая имеет большое научное значение, так как в ней переизданы все мелкие старославянские памятники³. Прага является в настоящее время и

центром библиографической работы по старославянскому языку.

Все эти обстоятельства самым благоприятным образом сказались на качестве Словаря ЧСАН. Словарь¹ основан на сплошных выписках из 83 памятников древней славянской письменности. Это в основном кириллические и глаголические тексты и две рукописи, написанные латиницей. Состав этих памятников определен в результате острой дискуссии, и в настоящее время он все еще продолжает вызывать споры. Авторы Словаря не сочли возможным ограничить свою задачу экцерпцией только так называемых классических памятников X—XI вв., так как сохранились далеко не все тексты, которые были переведены Кириллом и Мефодием и их непосредственными учениками и последователями. Поэтому, помимо текстов X—XI вв., были расписаны и те памятники, которые сохранились в более поздних списках, по мнению большинства исследователей, восходят к первому периоду славянской письменности. Так, например, кроме Зографского, Маринского, Охридского, Ассеманьева, Осгромирова кодексов, Саввиной книги и листов Ундольского, составители включили в Словарь отрывки из Дечанского евангелия XIII в. и Никольского евангелия XV в., так как в них сохранились тексты, утраченные в Зографском и Маринском кодексах. Аналогично были выбраны тексты псалтыри и некоторые другие библейские памятники. В Словарь включены также различные литургические, гомилетические, агиографические и юридические тексты. Таким образом в Словаре помещено много слов, отсутствующих в древнейших рукописях. В результате в Словаре оказались совмещенными тексты X—XI вв. и тексты XIV—XVI вв., что нередко ставит читателя Словаря в весьма затруднительное положение. В ряде случаев в многозначных словах нельзя понять, все ли значения слова были известны в древности или некоторые из них появились впоследствии и были характерны не для всех редакций церковнославянского языка. Так, например, глагол ВЪЗГЛАСИТИ в значении 'воскликнуть' отмечен во всех текстах, которые указаны при этом слове в начале словарной статьи; значение 'прокукорекать' иллюстрируется лишь примерами из старых евангельских текстов; также ограничен круг памятников и для значения 'позвать кого'. В результате не всегда ясно ареальное и хронологическое соотношение значений в пределах одной словарной статьи. Примеры такого рода не единичны, они скорее типичны для Словаря. К счастью, в громадном количестве случаев (там, где материал приводится полностью) читатель на основании примеров, приводимых в Словаре, может сам проделать дальнейшее исследование. Словарь не является

² A. Vaillant. Chronique. Généralités.—«Revue de Etudes slaves», t. 36, 1959; L. Moszyński. Uwagi o próbnym zeszytzie «Słownika języka staro-cerkiewno-słowiańskiego».—«Lingua Posnaniensis», VI, 1957; L. Moszyński. Słownik języka starosłowiańskiego.—«Rocznik slawistyczny», t. XXII, 1957, cz. 1; A. C. Лъвов. Słownik języka starosłowiańskiego.—ИАН ОЛЯ, т. XIX, 1960, вып. 2; С. Б. Бернштейн. Słownik języka starosłowiańskiego.—«Slavia», роč. XXX, 1961, seš. 2; Vj. Stefančić. Słownik języka starosłowiańskiego.—«Slovo», 1961, № 9—10; F. Grivec. Lexicon linguae palaeoslovenicae.—«Slovo», 1963, № 13.

³ M. Weingart, J. Kurz. Texty ke studiu jazyka a písemnictví starosłowiańskiego, 2 vyd., Praha, 1949.

тезаурусом: в нем полностью приводится материал только для тех слов, которые в отобранных памятниках встретились не более 10—15 раз, но такие слова составляют примерно $\frac{1}{5}$ всего словника.

В своей работе авторы Словаря имеют дело с материалом памятников во всем его объеме, хотя в Словаре он полностью и не отражается. Картоотека Словаря содержит все случаи употребления каждого слова в пределах отобранных текстов, в ней около 1 500 000 карточек, при этом на каждой выписан не только значительный отрывок старославянского памятника, но и соответствующий текст из греческой рукописи. Эта картоотека уже сама по себе представляет громадную научную ценность. В дальнейшем на ее основе несомненно будут созданы не только словари различных типов, но и фундаментальные исследования по лексикологии, синтаксису и морфологии старославянского языка. Не меньшую ценность представляет и обратная картоотека греческих слов-соответствий старославянским словам-переводам, составленная по памятникам, включенным в Словарь. Греческому протооригиналу составители Словаря придают большое значение. Следует специально отметить работу авторов Словаря по проверке греческих соответствий в изданиях памятников и индексах к ним, в результате которой они обнаружили значительное количество ошибок. Много неточностей было выявлено, например, в известном индексе К. Мейера к Супрасльской рукописи. К сожалению, в Словаре отражена лишь часть того кропотливого и высококвалифицированного труда, который проделал коллектив Словаря в этой области. Дело в том, что в словарной статье приводятся далеко не все греческие слова-соответствия, а лишь некоторые из них, наиболее типичные и часто встречающиеся. И хотя сами авторы рассматривают греческое слово именно как соответствие старославянскому (что принципиально важно), в Словаре греческие слова нередко воспринимаются как типичные переводы заглавного слова словарной статьи. Естественно, что в каких-то случаях (их не так много) нет возможности привести все греческие соответствия, особенно там, где переводятся целиком выражения, а не отдельные слова, где дается описательный перевод или перевод явно ошибочный, но в пределах хотя бы 10—15 греческих соответствий на одно старославянское слово было бы очень важно показать, как разнообразно и далеко не буквально переводился греческий текст и отдельное греческое слово на старославянский язык. Ограничусь одним примером. Так, при словах БРАТРЪ, БРАТЬ, естественно, находим греческое соответствие $\beta\alpha\delta\epsilon\lambda\phi\acute{o}\varsigma$, но в примерах находим и другое соответствие, например: ТЪ ЖЕ ИМЪ БРАЖЪДЪ ж НА БРАТЬ

СВОИ — τῶ συνδούλῳ μένεις ἑχθραίνων (Gloz 8b33), где греческое σύνδούλος — 'товарищ, подруга по рабству' в данном отрывке передается старославянским БРАТЬ. Важно, на наш взгляд, было бы отметить, что нередкое греческое слово переводится на старославянский словом другой части речи. Такие случаи иногда отмечаются в конкретных примерах из текстов, но никогда не отмечаются при заглавном слове. Например, наречие БОЖЪСКЪИ дается с греческим наречием θεϊκῶς, но в примерах находим только одно — κατὰ θεόν.

Словарь ЧСАН выгодно отличается от большинства существующих словарей древних славянских языков высоким уровнем лексикографической обработки материала. Словарная статья представляет собой каждый раз законченное исследование по данному слову. В ней дается не только полная семантическая характеристика слова, раскрываются и иллюстрируются его значения, но и сообщаются нужные грамматические сведения, дается в необходимых случаях комментарий энциклопедического характера.

Особое внимание составители уделяют единичным употреблением слова, которые чрезвычайно важны для истории славянской лексики. Многие из них не вошли в словарь Миклошича и Востокова, хотя в этих словарях учитываются и более поздние памятники.

Следуя давней филологической традиции и адресуя свой труд славистам различных стран и национальностей, авторы Словаря все комментарии — грамматические и стилистические пометы, условные сокращения памятников, пояснения от авторов — дают на латинском языке. Для современного читателя, таким образом, латинский язык является четвертым древним языком (вслед за старославянским, греческим и древневерхненемецким), с которым он имеет дело при работе со Словарем, и это, к сожалению, не всегда облегчает его труд.

Старославянские слова переводятся на три языка: чешский, русский и немецкий. Это, несомненно, делает Словарь широко доступным. К сожалению, русские переводы-толкования не всегда удачны. Например, ВЕЛИЧАТИ переведено 'преувеличивать' вместо 'преумножать, увеличивать'; БАБА в третьем значении переводится словом 'пестунья' вместо 'няня, мамка'; БЕЗАКОНЪНИКЪ — 'человек безбожный, негодный, злодей', вместо не помнящий бога, не имеющий совести, бессовестный'; слово ВЕРЪДЪ — не просто 'запор', а 'верев, т. е. особый запор на воротах, дверях в виде навесного крюка'. При переводе на русский язык глаголов нередко нарушается видовое соответствие старославянского слова и русского. В ряде случаев собственные имена переводятся только на латинский язык, тогда как обычно и соб-

ственные имена толкуются на трех языках (например: ВАЛЕНТИНЪ, ВАЛТАСАРЪ, ВАРААКЪ, ВЛАСТЬ и др., в отличие от ВАРВАРА, ВЛАСИЙ).

С точки зрения строго лингвистической не всегда удовлетворяет понятие отдельного слова, принятое в Словаре. Есть случаи, когда в одну словарную статью попадают по сути дела омонимы или дублиеты заглавного слова. Ограничимся двумя примерами. В статье ВЛАСТЬ дается и ошибочное написание ВЛАСТЬ вместо СЛАСТЬ (из Слещепского апостола), которое не имеет отношения к данной статье. Слово ВАРВАРА⁴ 'варвар' помещено в двух статьях: ВАРААВА (собственное имя) и БАРЪВАРЪ, так как греческое соответствие слова ВАРВАРА — *βάρβαρος*, т. е. то же, что в слове ВАРААВА, а значение — то же, что в слове БАРЪВАРЪ. Нам кажется, что слова ВЛАСТЬ (ошибочное вместо СЛАСТЬ) и ВАРВАРА должны быть даны самостоятельными словарными статьями, первое на положении омонима, второе — дублета.

Определение значения слова в Словаре древнего языка — задача очень трудная, особенно в тех случаях, когда известно ограниченное количество контекстов употребления данного слова, к тому же часто известно только метафорическое или переносное значение. В подавляющем большинстве случаев составители Словаря прекрасно справляются с этими трудными случаями, обнаруживая не

только глубокие знания материала, но и лексикографическое мастерство в их подаче. И все же иногда осторожность авторов чрезмерна. Так, они нередко избегают выделять несколько значений в слове и ограничиваются одним, слишком общим. Например, в словарной статье БЛАГЪНИ выделяется одно значение 'доброта, добро', хотя есть все основания говорить о двух значениях: 1) 'доброта' — ПОКАЖИ П О МЪНЪ... СВОЖ БЛАГЪНЪж Supr 22,1 и 2) 'добро' — ОБРЪТЪ ТОЛИКЪ БЛАГЪНЪВЪ ПЕШТЕРЪ Supr 29 1,16. То же можно увидеть в статьях ВОЙСКА, ВРАГЪ и некоторых других.

Хотелось бы специально отметить высокую точность в подаче материала: в словаре практически нет опечаток. Авторы запово проделали в ряде случаев сверку изданий с рукописями или фотокопиями (многие из фотокопий были предоставлены в распоряжение редакции Словаря Академией наук СССР и Всесоюзной государственной библиотекой им. В. И. Ленина).

В заключение этого короткого отзыва о первых восьми выпусках Словаря мне хотелось бы еще раз подчеркнуть то громадное значение для мировой славистики, которое имеет Словарь старославянского языка ЧСАН, выразить его авторам и редакторам глубокую признательность за их громадный труд и пожелать скорейшего опубликования остальных выпусков Словаря.

⁴ A. Dostál. *Glagolita Clozianus*. Praha, 1959, s. 321, 88, 251, 252.

Р. М. Цейтлин

EUGEN PAULINY. *Fonologický vývin slovenčiny*. Bratislava, 1963, 358 s.

Э. ПАУЛИНИ. *Фонологическое развитие словацкого языка*

История развития фонологической системы словацкого языка оставалась до сих пор малоисследованной областью. Это было обусловлено прежде всего явной недостаточностью данных письменности (собственные имена и топонимы в латинских текстах и «словакизмы» в чешских памятниках и некоторых ритуальных формулах их полностью исчерпывают). Привлечение же других данных для определения линии развития фонологической системы было затруднено неразработанностью соответствующих методов.

В построении истории фонологической системы словацкого языка Э. Паулини опирается на обширный материал, предоставляемый современной диалектологией. Он использует и часто заново интерпретирует данные, собранные в фундаментальных трудах Я. Станислава¹,

В. Важного² и др., а также привлекает новые диалектные данные (особенно распределение изоглосс). Однако привлечение к истории фонологической системы словацкого языка различных явлений, представленных в его современных диалектах, создает дополнительные трудности, преодолеть которые можно только при подходе к языку как к структуре. История развития фонологической системы языка также является структурой, и этим имплицитно пользуется автор при установлении хронологии различных изменений.

Следуя концепции структуры языка, выработанной пражской лингвистической школой, Э. Паулини сравнивает различные явления фонологических систем словацких диалектов как элементы структур, поэтому его история фонологической сис-

¹ J. Stanislav. *Dejiny slovenského jazyka*, I, II. Bratislava, 1956—1958.

² V. Vážný. *Nářečí slovenská*. Praha, 1934.

темы языка является рядом закономерных преобразований фонологических структур. Этим объясняется композиция книги. В первой главе говорится о месте словацкого языка среди славянских языков, о расселении словаков и в связи с этим о реконструкции фонологических систем диалектов по их состоянию до X в. Во второй главе описываются изменения фонологических систем диалектов, начавшиеся в X—XI вв., в третьей — в XII—XIII вв. Четвертая глава содержит описание процессов, которые произошли в фонологических системах словацких диалектов в XIV—XV вв. В пятой главе дается история фонологических систем словацких диалектов с XVI в. до настоящего времени.

При описании процессов, происходивших в рассматриваемые периоды, Э. Паулини все же жертвует структурой в пользу отдельного процесса. Так, например, изменение *r, l* слоговых в неслоговые в восточных диалектах, которое началось после падения редуцированных, достигло апогея в XV в. и завершилось в XVI в., Э. Паулини рассматривает в главе, посвященной падению редуцированных и связанным с этим явлениям в системах вокализма, консонантизма и просодии X—XI вв., и в дальнейшем во внимание не принимает. (В корреляции по твердости-мягкости сонанты выступают как согласные.) Возможность проследить развитие систем гласных и согласных в восточнословацких диалектах, исключив на время сонанты, — сама по себе интересный факт, свидетельствующий об относительной изолированности системы слогообразующих элементов в фонологической системе языка.

При датировке преобразований фонологических систем Э. Паулини опирается на интуитивное представление о наиболее вероятных исторических изменениях: например, изменение конечного согласного в слове *bog* > *boch* предполагает первоначальное изменение *g* > *γ* и затем *γ* > *ch* как более вероятное, чем первоначальная нейтрализация по звонкости *g* и *k* и затем изменение этого «K» > *ch*.

Установив относительную хронологию явлений, Э. Паулини соотносит ее с данными письменности, которые, несмотря на свою фрагментарность, могут дать опорные точки для определения абсолютной хронологии некоторых явлений. Таким образом, связанные с ними относительной хронологией явления также получают приблизительную датировку. Например, изменение *g* > *γ* датируется XII в., корреляция по звонкости-глухости — соответственно XII—XIV вв.

При рассмотрении нейтрализации по звонкости-глухости Э. Паулини принимает во внимание тот факт, что предлог-приставка *s* в словацком языке нейтрализуется перед сонорными в виде *z*, например: *z ma't'erou, z ňeba, z l' anom, z rukou, zvest, zl'utovat'sa* и другие, а в чешском в виде *s* (ср. в русском: *с книгой, с домом, но с рукой, с носом, сестри, сладить* и т. д.). Автор объясняет это тем, что в словацком языке той эпохи сонорные были единственными фонемами, не противопоставленными по звонкости-глухости. Все они имеют звонкость в качестве имплицитруемого признака, в то время как в чешском языке имеются и глухие «по природе», непарные фонемы *s, ť, k*, так что в чешском языке для непарных фонем звонкость не является «имплицитруемым» признаком.

Привлечение к объяснению этого явления имплицитруемых признаков очень интересно, но оно еще не дает возможности решить этот вопрос окончательно. Дело не только в том, что, как отмечает сам Э. Паулини, в словацком языке появляются потом глухие непарные согласные (фонемы с имплицитрованной глухостью), которые не меняют рассматриваемую нейтрализацию, а в диалектах чешского языка возникает нейтрализация этого предлога-приставки в виде *z* перед сонорными. Дело здесь в принципиально морфологическом характере этого явления. На фонологическом уровне в словацком языке перед сонорными могут быть как глухие, так и звонкие, например: *sladký, smiech, snacha, srce, svad'ba* и *zlato, zmak, znalost', zrelý, zver* и т. д. Поэтому сонорные в отношении корреляции по звонкости-глухости ведут себя здесь как гласные. Особые же формы нейтрализации предлога-приставки *s* относятся к сфере морфологии (к правилам внешних сандхи).

Книга Э. Паулини впервые представляет историю развития фонологической системы словацкого языка как единый закономерный ряд преобразований фонологических систем составляющих его диалектов и имеет основополагающее значение для построения исторической грамматики словацкого языка.

Своим новаторским объединением материалов и методов сравнительно-исторического языкознания и лингвистической географии на основе понимания языка как структуры (в интерпретации Пражской лингвистической школы), а развития языка — как системы книга Э. Паулини являет собой знаменательное событие для славистики в целом.

М. И. Лекомцева

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

«Отзвукът на Лейпцигския процес в българския печат. 1933—1934».
София, 1964, 509 стр.

«Отклики на Лейпцигский процесс в болгарской печати»

Издательство БКП выпустило в свет сборник статей, документов и материалов, опубликованных в связи с Лейпцигским процессом в болгарских изданиях (1933—1934 гг.). В нем представлены разнообразные материалы, характеризующие размах и направление антифашистского движения в Болгарии в защиту Г. Димитрова и его товарищей. В соответствии с этапами этого движения сборник имеет три раздела: I. Борьба до начала процесса; II. Борьба во время процесса; III. Борьба за освобождение оправданных.

Научное значение этого издания определяется тем, что оно является первым тематическим собранием публикаций болгарского происхождения. При этом составители использовали материалы не только широкоизвестных изданий (газеты «Работнически вестник», «Работническо дело», «Поглед», «Ехо», «Единство» и др.), но и таких, как «Вик», «Жупел», «Солидарност», «Пладне», «На-

род» и др. Это значительно расширяет рамки уже сложившихся представлений о составе участников движения в Болгарии за освобождение Г. Димитрова и других лейпцигских узников. На наш взгляд, сборник как исторический источник выиграл бы, если бы в него были включены материалы газет «Слово», «Зора» и др., отражавших отношение буржуазных партий к антифашистской кампании.

Помимо газет, Лейпцигский процесс и международное движение протеста против гитлеровской провокации освещались в Болгарии на страницах разнообразных журналов, брошюр, книг. Особое место в рецензируемой публикации занимает «Коричневая книга», переведенная на болгарский язык и изданная в 1933 г. двадцатью отдельными брошюрами.

В целом исследователи получили несомненно очень нужное издание.

Р. П. Гришина

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ ШКОЛУ В ДАЛМАЦИИ

Работа сплитского историка Душана Берича¹ посвящена характеристике просвещения в далматинском городе Шибенике от установления венецианского господства в начале XV в. до 1921 г. Автор отмечает, что национальная школа в Далмации до XIX в. находилась в полном упадке. После включения Далмации в состав Австрийской империи школ было ничтожно мало. В городе и округе с населением в 50 тыс. человек по существу действовало только одно четырехклассное училище, где преподавание велось на итальянском языке и обучалось 260—270 детей.

Борьба за национальную школу в сербских районах Далмации, в частности в Дубровнике, усилилась в период революции 1848 г. Участники этого движения (например, Божидар Петранович, основатель издательства «Матица далматинска») требовали основания училищ на сербско-хорватском (иллирийском) языке во всех сельских округах (жупах) Далмации, перевода этих школ на государственное обеспечение. Однако в условиях реакции, наступившей после

1849 г., национальное славянское образование сосредоточилось в частных школах. Автор характеризует деятельность основанной в г. Шибенике первой чисто славянской школы на адриатическом побережье. Лишь в 60-х годах с возникновением движения, известного под названием «народное возрождение», число сербско-хорватских школ постепенно увеличивается. Но еще в начале 70-х годов из 5 тыс. детей школьного возраста в шибеникской округе училось только 795. Национальной школе в этом районе пришлось выдержать еще один удар — во время итальянской оккупации Шибеника в 1918—1921 гг., когда число учащихся сократилось в 5 раз.

Многолетняя борьба за культурную независимость нередко приобретала в Далмации конфессиональный характер. Так, сербы, жившие около Шибеника (здесь было много переселенцев), добились открытия православных школ, в то время как правительство Меттерниха настаивало на введении униатских училищ и с этой целью даже пригласило сюда в 1819 г. униатских священников из Западной Украины. Характерно, что попытка ввести в Далмации униатскую церковь встретила настолько энергичное сопротивление (был убит присланный

¹ Dušan Berić. Školstvo Šibenika i njegove okolice u prošlosti (1412—1921). Split, 1964, 51 s.

сюда директор семинарии), что венское правительство было вынуждено отказаться от этой затеи.

Д. Берич собрал обширный материал и пришел к интересным выводам относительно развития школьного образования в приморских районах Хорватии. Нам

кажется, что этот материал позволит автору в дальнейшем осветить вопрос о борьбе не только за национальную, но и за светскую школу в Далмации, особенно в первые десятилетия XX в.

М. М. Фрейденберг

JIRÍ FRANEK. Bohumil Mathesius. Praha, SNKLU, 1963, 300 s.

ИРЖИ ФРАНЕК. Богумил Матезиус

Чехословацкий литературовед Ирки Франек считает свою монографию «Богумил Матезиус» первым шагом в изучении богатого и разностороннего наследия Б. Матезиуса — пионера чехословацко-советской дружбы, неутомимого пропагандиста русской и советской литературы в Чехословакии 20—30-х годов.

Рецензент газеты «Руде право» (15 X 1963) И. Гонзлик называет книгу Франека «больше чем оплаченным делом».

В самом деле, книга Франека — заметное явление даже на общем богатом фоне литературоведческой продукции, появившейся в Чехословакии в последние годы.

Воссоздавая перед нами интереснейшую фигуру Богумила Матезиуса, Франек затрагивает в своем исследовании и ряд важнейших эстетических проблем, каждая из которых по-своему освещает то или иное явление литературной жизни Чехословакии в бурную и сложную эпоху. Причем эта проблематика вводится автором очень органично, в чем ему помогает широкий круг литературных интересов Матезиуса, связывается с фактами, характерными и для западноевропейских литератур, и для советской литературы этого периода. И. Франек говорит, например, довольно подробно о полемике «Шальда — Матезиус», и мы сразу же оказываемся в самом центре идейной борьбы тех лет. Нам интересны и фактические данные об этой полемике, и материал, непосредственно вызвавший ее, — творчество М. Горького. Нельзя не оценить, как уверенно и в то же время объективно, не наклеивая ярлыков, обнажает Франек вырисовывающиеся за этой полемикой столкновение различных методологических принципов в подходе к новаторским явлениям литературы XX в.

Большой интерес представляет для нас тема «русская и советская литература в Чехословакии», освещаемая в книге Франека с подлинной эрудицией и полнотой — как в первой ее части, посвященной жизненному пути Б. Матезиуса

(крупнейшая глава этого раздела озаглавлена «Путь к Советскому Союзу»), так почти и во всей второй части (главы «Переводчик», «Театральный деятель», «Страшица, где говорится о воспитании Матезиусом целой когорты чехословацких русистов») и в богатейших примечаниях — бесценном пособии для изучающих литературные взаимосвязи и чешскую литературу XX в.

В книге Франека много свежего, впервые систематизированного материала: о малоизвестных изданиях и издательствах, в которых сотрудничал Матезиус; о деятельности группировок мастеров искусства, членом которых он был, и, разумеется, о литературной деятельности самого Матезиуса, полное представление о которой создается у нас в сущности впервые, несмотря на большое количество посвященных его памяти статей.

Можно было бы упрекнуть автора в недостаточном систематическом и детальном анализе богатейшего переводческого наследия Матезиуса, но жанр книги Франека, пожалуй, оправдывает это. Очень недостает библиографии, причем трудно принять ссылку автора на то, что обширность этой библиографии вызывает необходимость в отдельном ее издании.

Думается, что основные библиографические сведения следовало бы дать уже в этой книге; рассредоточение материала всегда усложняет пользование исследованиями подобного рода, снижает их практическую ценность. Стремление И. Франека составить полную библиографию произведений своего учителя вполне понятно, но ведь там можно было бы эту основную библиографию безболезненно повторить.

Богумил Матезиус скончался в 1952 году, и книга Франека обращена, таким образом, в прошлое. Однако и по сумме затронутых в ней вопросов и главное по авторской позиции труд этот может быть причислен к самым актуальным работам чехословацкого литературоведения последнего времени.

В. Савицкий

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ВОПРОСАМ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО СЛОВАЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В апреле 1962 г. в Братиславе состоялась конференция, на которой словацкие и чешские лингвисты обсуждали вопросы развития современного словацкого литературного языка и культуры речи. Материалы конференции опубликованы в седьмом выпуске «Лингвистических исследований»¹, издаваемых Институтом словацкого языка Словацкой академии наук. Сборник состоит из нескольких тематических разделов, освещающих вопросы культуры речи и языковой практики в Словакии и характеризующих закономерности и тенденции развития современного словацкого литературного языка.

Большой интерес представляют разделы, посвященные теоретическим и практическим вопросам культуры речи. В докладах Ш. Пециара, Б. Гавранка, К. Гаузенбласа раскрывается само понятие культуры речи, излагаются основные принципы и теоретические положения концепции культуры речи, развиваемой чешскими и словацкими лингвистами, подчеркивается важность языковой культуры в жизни социалистического общества, когда в культурном строительстве принимают участие широкие народные массы. В историческом аспекте рассматривает эту проблематику Э. Попа. Он говорит о взглядах на литературный словацкий язык и на вопросы языковой культуры в словацкой лингвистической литературе. Уровень культуры речи и состояние языковой практики в Словакии характеризует Я. Горещкий. О различных методах и сторонах воспитания

культуры речи, о важности и необходимости такого воспитания говорится в докладах Ф. Мико, В. Блапара, Ф. Данаеша.

Широкий круг вопросов рассматривается в докладах, посвященных изучению тенденций и перспектив развития современного словацкого литературного языка. В двух докладах характеризуются закономерности развития словарного состава литературного словацкого языка (Э. Паулини) и его грамматического строя (И. Ружичка). Важная проблема стилистической дифференциации литературного языка освещается в докладах М. Ивановой-Шалинговой (на материале словацкого языка) и А. Едлички (на материале чешского языка). М. Даровец рассматривает спорный вопрос о публицистическом стиле. Доклады И. Мистрика, Л. Долежеля посвящены языку словацкой и чешской художественной литературы, а доклад Ф. Буффы — проблемам современной словацкой терминологии. Вопрос о соотношении литературных и нелитературных форм национального языка рассматривается в докладах А. Габовитяка и Я. Белича.

В сборнике содержатся также материалы дискуссии, развернувшейся по указанным докладам.

Завершают сборник статья «Перспективы развития словацкого литературного языка», подводящая итоги обсуждения, и заключительные слова Ш. Пециара и Б. Гавранка.

Посвященный важной и актуальной проблематике сборник представляет несомненный научный интерес.

¹ «Jazykovedné štúdie», VII. Spisovný jazyk. Bratislava, 1963.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПРИ ОТДЕЛЕНИИ ИСТОРИИ АН СССР

18 декабря 1964 г. Археографическая комиссия при ОИ АН СССР провела общее собрание, посвященное работе комиссии по составлению «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР (до конца XIV в. включительно)». В повестку дня было также включено сообщение о рукописном собрании академика М. Н. Тихомирова в связи с передачей его Сибирскому отделению АН СССР.

Во вступительном слове заместитель председателя Археографической комиссии чл.-корр. АН СССР В. И. Шунков подчеркнул большое научное значение создания «Сводного каталога рукописей» Советского Союза. Инициатива Археографической комиссии (1960 г.) нашла широкий отклик и поддержку со стороны научной общественности. Комиссия путем консультаций с крупнейшими специалистами выработала принципы описания рукописей для «Сводного каталога» и образцы карточек для таких описаний. На Общем собрании Комиссии в 1962 г. рассматривалось положение дел по описанию и выявлению рукописей в крупнейших хранилищах нашей страны. Было отмечено, что учтены все рукописи на греческом языке (византийские), а также большинство славянских и латинских рукописей.

С конца 1963 г. Археографическая комиссия приступила к практической работе по составлению той части «Сводного каталога», которую представляют славянские рукописи. С целью определения количества сохранившихся славянских рукописей XI—XIV вв. в Комиссии была начата работа над составлением их учетной картотеки. Предварительные результаты этой работы были изложены на Общем собрании Археографической комиссии (сообщение Н. Б. Шеламановой).

Работа по учету славянских рукописей по существу проводится в советское время впервые, если не считать сводки данных в «Славянской кирилловской палеографии» Е. Ф. Карского (1928 г.). В основном попытке такого учета относятся еще к дореволюционному времени (работы И. И. Срезневского, Н. В. Вол-

кова, арх. Леонида, Н. Владимирова, А. И. Соболевского, П. А. Лаврова, Н. М. Карского, Н. Дурново, А. Калны, Б. Цонева, С. Кульбакина и др.). В последнее время в нашей стране появилось несколько перечней древнейших славянских рукописей¹.

Но все эти перечни и указатели не дают достаточного представления о тех рукописных богатствах, каким мы располагаем в настоящее время, к тому же значительная часть рукописей изменила свое местонахождение. После Октябрьской революции сделано очень много по выявлению, упорядочению хранения и описанию рукописей. Издано значительное число описаний и обзоров фондов наших хранилищ — архивов, музеев и библиотек. Однако сводного труда, который бы давал общее представление о сохранившихся в Советском Союзе славянских рукописях, пока нет.

Те же сведения, которыми сейчас располагает Археографическая комиссия, далеко не полны, так как не все наши хранилища имеют печатные описания или обзоры своих фондов и поэтому возможны упущения некоторых рукописей. С еще большим основанием это можно сказать о частных собраниях. Кроме того, ряд хранилищ не прислали по разным причинам описаний своих фондов в Археографическую комиссию.

При составлении «Сводного каталога» использовались печатные описания целых

¹ А. М. С е л и ш е в. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, стр. 68—74; «Выставка. История русской культуры XI—XVII веков в памятниках письменности. Каталог» (в Праге). М., 1959; Я. П. З а п а с к о. Орнаментовані рукописи XI—XVI столетия в книгосховищах Української РСР.— Матеріали з етнографії та художнього промислу, вип. III. Київ, 1957, стр. 145—147; Е г о ж е. Орнаментальне оформлення української рукописної книги. Київ, 1960, стр. 8—47; Е. Э. Г р а н с т р е м. О подготовке сводного печатного каталога славянских рукописей.— «Славянская филология», т. II (IV Международный съезд славистов). М., 1958, стр. 412—418.

собраний и коллекций, а также исследования и статьи об отдельных рукописях и труды по истории фондов, собраний, коллекций и хранилищ, работы по истории русского языка и литературы, курсы русской и славянской палеографии.

Славянские рукописи XI—XIV вв. были выявлены в 35 хранилищах и 1 частном собрании. В Москве — в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ), Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), Научной библиотеке им. А. М. Горького Московского государственного университета (НБ МГУ), Государственной Третьяковской галерее (ГТГ), Музее им. Андрея Рублева.

В Ленинграде рукописи хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), Библиотеке Академии наук (БАН), Центральном государственном историческом архиве (ЦГИАЛ), Институте русской литературы — Пушкинском Доме (ИРЛИ), Ленинградском государственном университете (ЛГУ) — в Научной библиотеке и на кафедре русского языка.

Есть такие рукописи и в хранилищах городов РСФСР: Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Вологодский областной краеведческий музей, Научная библиотека им. Н. И. Лобачевского Казанского университета им. В. И. Ульянова-Ленина, Калининские областные архив и музей, Новгородский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Карельский педагогический институт в Петрозаводске (библиотека), Псковский историко-художественный музей-заповедник, Научная библиотека Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, Ярославский областной архив и Ярославско-Ростовский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Славянскими рукописями XI—XIV вв. располагают хранилища Украинской ССР: Государственная публичная библиотека УССР в Киеве, Государственная научная библиотека УССР во Львове, Музей украинского искусства во Львове, Государственный исторический музей во Львове, Государственная научная библиотека в Одессе, Археологический музей в Одессе, Закарпатский музей в Ужгороде, Государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко в Харькове, Кременецкий районный краеведческий музей.

В других союзных республиках древние славянские рукописи XI—XIV вв. имеются: в Институте рукописей при Совете Министров Армянской ССР (Матенадаран) в Ереване, в Вильнюсской центральной библиотеке АН Литовской ССР, в Центральной библиотеке АН

Латвийской ССР. 4 славянские рукописи XIV в. находятся в собрании академика М. Н. Тихомирова (см. о них ниже).

В настоящее время проверены фонды большинства этих хранилищ. Полностью учтены рукописи четырех крупнейших хранилищ: ГИМ и ЦГАДА в Москве, ГПБ и БАН в Ленинграде и 25 местных хранилищ. Остались невыверенными памятники рукописных отделов ГБЛ и Киевской ГПБ, а также Львовского исторического музея, Петрозаводского педагогического института, Ярославского музея и Закарпатского музея в Ужгороде, т. е. не выверено несколько более одной десятой части учтенных к данному моменту рукописей. Фактически же число таких рукописей меньше, так как значительная часть их уже описана сейчас и сомнений в их сохранности нет.

В настоящее время учтено в картотеке Археографической комиссии 1333 славянские рукописи XI—XIV вв. (включая рукописи, датируемые XIV—XV вв.). По хранилищам рукописи распределяются следующим образом: ГПБ — 383 рукописи, ГИМ — 306, ГБЛ — 195 (сведения по печатным описаниям), ЦГАДА — 165, БАН — 152. В этих пяти крупнейших хранилищах находится подавляющее большинство сохранившихся до наших дней древнейших славянских рукописей.

По языку (изводу) рукописи распределяются так: русских — 949, болгарских — 150 (из них 12 древнеболгарских — старославянских), сербских — 232, 1 молдавская XIV в. (в собрании ГИМ) и 1 неопределенного извода (в ГПБ).

Хронологические рукописи пока группируются следующим образом:

XI в.	XI—XII	XII	XII—XIII
34	14	90	40
XIII	XIII—XIV	XIV	XIV—XV в.
183	77	750	144+1 н/о

Результаты этого учета будут представлены в виде перечня славянских рукописей XI—XIV вв. как «материалы» для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР (до XIV в. включительно)» и опубликованы в «Археографическом ежегоднике». Эти материалы могут послужить основой для создания Сводного каталога славянских рукописей.

Археографическая комиссия, представляя научной общественности предварительные результаты своей работы, обращается ко всем учреждениям и лицам, имеющим в своем владении древние славянские рукописи, с просьбой поставить о них в известность Комиссию.

С сообщением о собрании рукописей академика М. Н. Тихомирова на заседании выступил А. И. Рогов. В настоящее время собрание в составе 500 рукописей передано М. Н. Тихомировым Сибир-

скому отделению Академии наук СССР (в г. Новосибирск). Собрание имеет описание, составленное самим академиком М. Н. Тихомировым.

Эта замечательная коллекция несомненно представляет интерес для многих историков, филологов и искусствоведов. Она поражает прежде всего наличием четырех пергаменных рукописей XIV в. Особую ценность среди них имеет замечательное Друцкое евангелие. Это не только уникальный памятник ранней белорусской палеографии, но и важный исторический источник: запись рукописи — грамота Друцкого князя Василия Михайловича храму Богородицы в Друцке с перечислением «даней» в пользу него. Интересно, что из этой грамоты мы узнаем об основании церкви в 1004 г., тогда как летописи первый раз упоминают Друцк лишь в 1092 г.

Большой интерес вызовет и другая рукопись XIV в. — Слова Григория Богослова в сербском переводе. Эта бумажная рукопись написана в Хиландарском монастыре на Афоне в 1362 г. Две остальные рукописи XIV в. — это также Слова Григория Богослова и отрывок из Евангелия.

Значительную часть собрания составляют рукописи исторического содержания. Среди них: летописные статьи о Новгородском и Псковском взятии (в сборнике XVII в.), хронографы 2-й и 3-й редакции в списках XVII—XVIII вв., украинская Летопись Грабянки в списке конца XVIII в., ряд поздних летописцев в списках конца XVIII в. (угличский и ростовский), Синописи (2 списка XVIII в.) «История о государях Руския земли» Грибоедова (в списке XVII в.), «Ядро Российской истории Манкиева», «Повесть о приходе Густава Адольфа к Пскову» и ряд других рукописей.

Несомненный интерес у исследователей вызовут рукописи, содержащие материалы по истории экономики. Это — копияная книга Хлавицкого монастыря с 1672 г., переписная книга Ярополческой волости XVII в., приходо-расходные книги Вологодского Софийского дома (1612—1613 и 1662—1663), а также Таможенная книга Старой Рязани за 1758 г.

Рукописи юридического содержания представлены в собрании списком Кормчей второй половины XVII в. (с издания 1650 г.), списком XVII в. Стоглава, двумя списками XVII в. Соборного Уложения 1649 г. Интересны два сборника XVIII в. государственных указов, регламентов и т. п. Один из них составляют документы, посланные солдату Преображенского полка Пустошкину (1721 г.), а другой собран кашинским канцеляристом И. А. Аркадьевым. Весьма значительную группу рукописей составляют литературные памятники. Здесь можно отметить несколько сборников житий, повестей и сказаний местного происхождения: ростовский

XVI в., содержащий преимущественно жития ростовских святых; казанский XVI в., содержащий жития Гурия и Варсонофия, а также сказание о Казанской иконе; муромский XVIII в., содержащий жития Константина, Федора и Михаила, Повести о Петре и Февронии и о Юлиании Лазаревской, а также сказания о муромском и унженском крестах. Ценные списки памятников древнерусской литературы находятся и в составе других сборников. Среди них можно назвать Паремийные чтения о Борсе и Глобе (1545 г.), Хождение апостола Андрея (XV в.), Жития Саввы Сербского (XVII в.), Петра митрополита (XVI в.) и другие многочисленные жития русских святых в списках XVI—XVII вв. и более позднего времени. Как неизвестный памятник белорусской литературы XV—XVII вв. обращает внимание так называемое «Лукомское чудо» — рассказ, содержащий интересные данные по исторической географии Белоруссии того времени.

В собрании имеется два списка Киево-Печерского патерика (XVI—XVII вв.). Можно отметить также ряд повестей исторического характера, таких как: Сказание о Мамаевом побоище (два списка XVIII в.), Казанская история (XVII в.), Китайский летописец (XVII в.), «Повесть о Вавилонском царстве» представлена двумя списками XVII и XVIII вв., а «Александрия» списком второй половины XVIII в.

Группа памятников, находящихся в собрании, имеет полемический характер. Это русское поучение с осуждением бесовских игрищ (в списке XIX в.) и ряд старообрядческих сочинений в списках XVIII—XIX вв. (История о патриархе Никоне, мучение Евдокии Урусовой и т. д.).

Внимание историков русской литературы XVIII в. несомненно привлекут находящиеся в собрании повести XVIII в. о рыцаре Фрацилле Венециане, принце Любиме и принце Милобрезе, а также сборник кантов 1781 г. В собрании академика М. Н. Тихомирова имеются и мемуары XIX в. Среди них воспоминания сына адмирала Литке — К. Ф. Литке; студента Медико-хирургической академии Орешина (1861—1870 гг.), в записках которого содержатся сведения о студенческих волнениях; неизвестного жителя Ишима (говорится главным образом о народном просвещении). Для историков русской архитектуры XIX в. представляет интерес мемуары служащего Дворцового ведомства Алексея Тарасова (1845—1848 гг.), содержащие сведения о всякого рода перестройках в императорских дворцах.

Чрезвычайно разнообразное по своему составу собрание имеет и картографические материалы — «Атлас городов казанского наместничества 1789 г.», состоящий из планов городов Казани, Чебоксар,

Цивильска, Козмодемьянска, Царева-Кокшайска, Мамадыша, Лашпева и Спасска.

Как и в большинстве собраний древнерусских по преимуществу рукописей, в рассматриваемом собрании немало богослужебных рукописей и рукописей, содержащих церковноучительные памятники. Многие из них интересны своими записями об обстоятельствах создания самой рукописи и о ее владельцах. Среди таких записей можно отметить, например, запись на Богородичнике XVI в., где рассказывается о его написании в 1545 г. в Шешкинях «подле места Виленского за рекою Велью» и говорится, что «псалм сдвнянн именован Михайло родом с Кремлянца сын Васильев». Другая запись на одном из Златоустов XVI в. говорит о написании этой книги в 1593 г. «на Москве за добрых переводов» по приказанию вологодского архиепископа Ионы Думнина.

Многие рукописи собрания представляют интерес для историков искусства своим художественным оформлением: миниатю-

рам (например, Евангелие XV—XVI вв.), богатейшими заставками нововизантийского, балканского и старопечатного стилей, шпциалами звериного стиля и т. д.

Нет сомнения, что собрание академика Тихомирова, в котором имеется целый ряд неизвестных или редких памятников, либо памятников, представленных ранними списками, является ценнейшей коллекцией рукописей. Для Новосибирска это собрание имеет особое значение. Оно будет основой рукописной базы, столь необходимой для развития гуманитарных наук в научно-исследовательском центре Сибири.

В выступлениях были предложены новые пути получения сведений о древнейших славянских рукописях. Собрание выразило благодарность и признательность академику М. Н. Тихомирову за его бесценный дар — передачу коллекции рукописей Сибирскому отделению АН СССР.

Н. Б. Шеламанова, А. Н. Рогов

НАУЧНАЯ РАБОТА ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ ВЕЛИКОЛУКСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Великолукский государственный педагогический институт — небольшое и сравнительно молодое высшее учебное заведение. В 1966 г. оно будет отмечать свое двадцатилетие. Научно-педагогический коллектив историков, работающий в области славистики, стал складываться в институте лишь в последние годы. Вслед за сотрудниками кафедры истории в изучение истории славян включились и некоторые сотрудники кафедры марксизма-ленинизма. В 1959—1964 гг. институтом были опубликованы десять выпусков «Ученых записок» и другие издания, содержащие и славистические исследования.

Научная деятельность великолукских славистов сосредоточивается на изучении средневековой истории Югославии, проблем развития социалистических революций в зарубежных славянских странах, борьбы рабочего класса Болгарии за построение социализма, интернациональных связей славянских народов.

М. М. Фрейденберг, ранее занимавшийся проблемами византиноведения, приступил к работе над монографией «Далматинский город и его сельская округа в XII—XIV веках». Значительное внимание им было уделено вопросам общинных отношений на западе Балканского полуострова и феодального поместья в Далматинской Хорватии XI—XII вв. В результате исследования М. М. Фрейденберг пришел к выводу, что вервь представляет собой не просто родствен-

ный коллектив, а порожденную разделом семейной общины связь, в которой отразились свойственные патронимии кровные узы и поземельные интересы. По его мнению, формирование хорватского королевского землевладения в значительной степени происходило за счет общинных земель, а наделная система являлась основой крестьянского землевладения в Хорватии XI—XII вв. В ряде статей им рассмотрены социальные отношения и ремесленное производство в средневековом далматинском городе¹.

¹ М. М. Фрейденберг. Новиградский сборник как источник для социально-экономической истории Хорватии.— «Славянский архив», М., 1960; Ег о ж е. «Вервь» в средневековой Хорватии. Уч. зап. ВГПИ, 1961, вып. 15; Ег о ж е. О многозначности понятия «servus» в Далматинской Хорватии в X—XII вв. Уч. зап. ВГПИ, 1962, вып. 20; Ег о ж е. К истории общины на Балканах (проблемы общины в югославской историографии).— «Византийский вестник», 1962, т. XX (перепечатана румынским журналом «Probleme de istorie», Bucuresti, 1963, № 2); Ег о ж е. Структура феодального землевладения в Далматинской Хорватии в XI—XII вв.— «Славянский сборник». Великие Луки, 1963; Ег о ж е. Феодальное землевладение в Далматинской Хорватии (динамика развития феодальной вотчины).— «Тезисы докладов и сообщений VI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы».

М. М. Фрейденбергу принадлежат рецензии и заметки на работы и научные публикации болгарского ученого Д. Ангелова и югославских историков П. Вукмановича, Н. Клапч, М. Самян, Ш. Кулишича, И. Божича².

История революционных и боевых связей русского и польского народов нашла освещение в работах Г. А. Гречкина и В. И. Марго. В статье Г. А. Гречкина характеризуется деятельность одного из первых изобретателей подводной лодки в России — Казимира Чарновского, который, по мнению исследователя, как до, так и после восстания декабристов был связан с польским революционным движением. В. И. Марго, бывший в годы Великой Отечественной войны командиром партизанской бригады, пишет мемуары о боевых действиях советских партизан и их связях с польскими и немецкими интернационалистами³.

Е. А. Коптева занималась изучением народно-демократических революций в зарубежных славянских странах и системы диктатуры пролетариата в Болгарии и Польше⁴. В работах А. Е. Дмит-

Вильнюс, 1963; Е г о ж е. О формуляре нотариальных актов из Трогира.— «Славянский архив». М., 1963; Е г о ж е. Ремесло в Трогире в XIII в. Уч. зап. ВГПИ, 1964, вып. 24; Е г о ж е. К проблеме патрициата в далматинских городах XIII—XIV веков.— «Вторая межвузовская конференция по истории славянских стран. Тезисы докладов». Великие Луки, 1964.

² См. «Византийский временник», 1960, т. XVII; «Краткие сообщения» Института славяноведения АН СССР, 1960, вып. 32; «Советская этнография», 1961, № 5; 1964, № 1, 6; «Славянский архив», 1963; «История СССР», 1965, № 1; «Вопросы истории», 1965, № 1; отклики на них см. «Jugoslavenki istorijski časopis». Beograd, 1962, № 1; «Historijski Zbornik», god. XVII. Zagreb, 1964.

³ Г. А. Гречкин. К вопросу о жизни и деятельности Казимира Чарновского — одного из первых изобретателей подводной лодки в России.— «Славянский сборник». Великие Луки, 1963; В. И. Марго. Участие поляков в советском партизанском движении в годы Великой Отечественной войны.— «Вторая межвузовская конференция по истории славянских стран. Тезисы докладов». Великие Луки, 1964.

⁴ Е. А. Коптева. К вопросу о характере, особенностях и этапах народно-демократических революций в славянских странах народной демократии.— «Славянский сборник». Великие Луки, 1963; Е е ж е. Принципы многопартийности в системе диктатуры пролетариата (на опыте Польской и Болгарской народных республик).— «Вторая межвузовская конференция по истории славянских

риева и П. Н. Литвиновой раскрывается роль газеты «Правда» в систематическом освещении опыта социалистического строительства в Чехословакии и Болгарии⁵.

Историю народно-демократической Болгарии изучает А. И. Доронченков. В ряде его работ освещается борьба трудящихся масс Болгарии во главе с БКП за возрождение народного хозяйства страны после второй мировой войны⁶. В последнее время он занимается исследованием процесса развития болгарского рабочего класса в условиях социализма, а также историей социалистического соревнования в НРБ и освоения болгарским рабочим классом передового производственного опыта трудящихся СССР⁷.

стран. Тезисы докладов». Великие Луки, 1964.

⁵ А. Е. Дмитриев. Орган ЦК КПСС газета «Правда» о социалистическом строительстве в Чехословакии (1948—1962).— «Вторая межвузовская конференция по истории славянских стран. Тезисы докладов». Великие Луки, 1964; Н. Н. Литвинова. Газета «Правда» о социальных преобразованиях в Болгарии (1944—1948). Там же.

⁶ А. И. Доронченков. Из истории мероприятий БРП(к) и правительства Отечественного фронта по восстановлению промышленности Болгарии в течение первого года двухлетки (1947). Уч. зап. ВГПИ, 1959, т. 4, вып. 2; Е г о ж е. Из истории мероприятий БРП(к) и правительства Отечественного фронта по восстановлению промышленности Болгарии на заключительном этапе двухлетки. Уч. зап. ВГПИ, 1961, вып. 15; Е г о ж е. О борьбе за преодоление производственных трудностей в Болгарии накануне двухлетки. Уч. зап. ВГПИ, 1961, вып. 15; Е г о ж е. Борьба за восстановление хозяйства и социальные преобразования в болгарской деревне в первые годы народной власти (1944—1946). Уч. зап. ВГПИ, 1962, вып. 20; Е г о ж е. Борьба за восстановление хозяйства и социальные преобразования в болгарской деревне в годы двухлетки. Уч. зап. ВГПИ, 1962, вып. 21; Е г о ж е. Болгарский народ в борьбе за осуществление двухлетки.— «Научная конференция кафедр общественных наук вузов Северо-Запада. Тезисы докладов по секции истории». Ленинград, 1963; и др. Оценку этих работ см. В а с и л В а н к о в, Петко Б л и з н а к о в. Четири статии върху стопанската политика на БКП през възстановителния период (1944—1948). «Известия на висшия институт за народно стопанство Димитр Благоев». Варна, 1962, № 3.

⁷ А. И. Доронченков. К вопросу о трудовом подъеме болгарского рабочего класса в первые годы народной власти.— «Славянский сборник». Великие Луки, 1963; Е г о ж е. К вопросу

В статьях Н. И. Соколовой и Г. И. Жукова рассматриваются вопросы преподавания истории в школе⁸.

В соответствии с решением Министерства просвещения РСФСР Великолукским пединститутом в сентябре 1962 г. была проведена межвузовская конференция по истории славянских стран. Ее целью было обсуждение актуальных проблем славяноведения и укрепление творческих связей между коллективами славистов педагогических институтов, ряда университетов и научно-исследовательских учреждений. На конференции с докладом о деятельности и научных связях Института славяноведения АН СССР выступил его директор А. И. Хренов. В. Д. Кульбакин (Институт истории АН СССР) охарактеризовал важнейшие задачи исследователей послевоенной истории европейских социалистических стран. Участники конференции заслушали также доклады А. Я. Манусевича (Институт славяноведения), А. П. Каждана (Институт истории), И. Н. Частухина (МГУ), Ю. Ф. Иванова (Министерство высшего и среднего специального образования), А. Е. Москаленко (Воронежский университет) и других представителей вузов Москвы, Воронежа, Пензы, Пскова, Кемерово, Шахт, Великих Лук. Научная общность особенно тепло встретила межвузовскую конференцию в Великолукском пединституте. Материалы конференции вышли отдельным изданием и получили отклик в печати⁹.

о трудовом подъеме масс в болгарской промышленности в годы двухлетки. Уч. зап. ВГПИ, 1962, вып. 19; Е г о ж е. БКП и рабочий класс Болгарии в борьбе за досрочное выполнение третьей пятилетки. — «Межвузовская конференция по истории славянских стран. Программа и тезисы». Великие Луки, 1962; Е г о ж е. Из истории интернациональных связей профсоюзов Болгарии и СССР (1944—1946). Уч. зап. ВГПИ, 1964, вып. 24; Е г о ж е. К истории братских взаимосвязей рабочего класса Болгарии и СССР (1947—1952). — «Вторая межвузовская конференция по истории славянских стран. Тезисы докладов». Великие Луки, 1964; и др.

⁸ Н. И. Соколова. История южных славян в школьном курсе. — «Славянский сборник», Великие Луки, 1963; Г. И. Жуков. Прошлое болгарского народа в школьных курсах истории и обществоведения. — «Вторая межвузовская конференция по истории славянских стран. Тезисы докладов». Великие Луки, 1964.

⁹ См. Всесоюзное совещание историков. Доклад академика В. М. Хвостова. — «Новая и новейшая история», 1963, № 2, стр. 33; «Славянский сборник». Великие Луки, 1963, 186 стр.;

Вторая межвузовская конференция по истории славянских стран проходила в Великолукском педагогическом институте 29—30 октября 1964 г.; она привлекла ученых Москвы, Ленинграда, Киева, Воронежа, Пскова. На пленарном и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено свыше двадцати докладов и сообщений по проблемам новой и новейшей истории славянских народов и межславянских связей. С интересом прослушали участники пленарного заседания доклад заместителя директора Института славяноведения АН СССР П. И. Резонова, охарактеризовавшего основные направления в исследовании народно-демократических и социалистических революций в европейских странах. К теме его выступления примыкал доклад И. М. Белявской (МГУ) о некоторых вопросах новой и новейшей истории Польши в современной советской историографии.

На секционных заседаниях были прочитаны доклады по таким актуальным проблемам, как социалистическое строительство в славянских странах народной демократии — В. Н. Белановский (Ленинград), В. А. Авдеев (Вологда), Г. М. Мызникова, Н. Лычагин (Москва), Е. А. Коптева, А. Е. Дмитриев, Н. Н. Литвинова (Великие Луки); интернациональные связи рабочего класса социалистических стран (А. И. Доронченков); боевая дружба славянских народов в годы Великой Отечественной войны — И. Д. Очак (Москва), В. И. Марго (Великие Луки); связи русского, чешского и польского народов в XIX в. — Ю. Ф. Иванов, Л. С. Рябинский (Москва), Б. М. Коган (Ленинград); румыно-славянские отношения — Б. Б. Кросс (Псков); деятельность украинских революционных демократов — И. П. Стогий (Киев). Часть докладов касалась проблем медиевистики — Г. И. Липатинова (Воронеж), М. М. Фрейденберг, Я. Н. Любарский (Великие Луки), краеведения — И. И. Сокол (Великие Луки) и изучения истории зарубежных славянских народов в школе — Г. И. Жуков (Великие Луки).

Конференция закрепила сложившиеся научные связи великолукских историков-славистов. В перспективе — издание ее материалов в виде сборника «Славянские исследования». Наряду с организацией межвузовских конференций истории ВГПИ участвовали в двух всесоюзных совещаниях историков-славистов и в работе других научных межвузовских сессий.

С. П. Боброва, Н. Т. Сапронова. Славянский сборник. В кн. «Вопросы истории славян», вып. 1. Изд-во Воронежского ун-та. Воронеж, 1963, стр. 178—182.

Коллектив великолуцких славистов принял участие в разработке вопросов вузовской и школьной методики¹⁰.

¹⁰ М. М. Фрейденберг. Уроки по теме «Борьба с немецким засильем и крестьянская война в Чехии». — «В помощь учителю». Научно-методический сборник. Великие Луки. 1957; Егуже. Заметки о содружестве вуза и школы. — «Вестник высшей школы», 1960, № 3; А. И. Доронченков. Преподавание школьного курса новейшей истории в свете решений XXI съезда КПСС. — «Методическое пособие». Пеков, 1960; Егуже. Народ Болгарии в борьбе за социализм. — «Специальный семинар по новейшей истории для студентов-заочников исторических факультетов педагогических институтов». Изд-во «Просвещение», М., 1965; «История в

В учебном процессе на историко-филологическом факультете находит свое отражение и славянская тематика: некоторые спецкурсы и спецсеминары, часть студенческих курсовых работ связывается с проблемами социалистического строительства в Болгарии, Польше, Чехословакии, а также югославской медиевистики.

Дальнейшую научную работу по проблемам славистики историки ВГПИ предполагают вести в направлении расширения и углубления начатых исследований.

А. И. Доронченков

школе». Методический сборник. Великие Луки, 1960; «Из опыта работы учителей истории, литературы и русского языка». Методический сборник. Великие Луки, 1961; и др.

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ЛИНГВО- И ЭТНОГЕОГРАФИИ И АРЕАЛЬНОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

15—17 декабря 1964 г. в Институте славяноведения АН СССР проходила научная конференция, посвященная проблемам лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии¹. В конференции приняли участие научные сотрудники Академии наук СССР и республиканских академий, профессора, преподаватели и аспиранты ряда университетов, институтов и других учебных заведений и учреждений страны, а также ученые Болгарии, Польши, Румынии, Югославии.

Центральным вопросом, обсуждавшимся на конференции, был вопрос о возможностях применения лингвогеографического метода как метода исторического исследования. В связи с этим в докладах и выступлениях были затронуты три круга проблем:

1. Взаимодействие лингвогеографии с другими историческими науками (археологией, этнографией, антропологией) в изучении этногенеза и древнейшей этнической истории.

2. Возможности применения лингвогеографического метода в решении проблем диалектного членения праиндоевропейского и праславянского языков.

3. Применение структурно-типологических и статистических методов в лингвогеографии.

Открывая конференцию и формулируя ее задачи, председатель Научного совета по координации научно-исследователь-

ских работ в области славяноведения академик Б. А. Рыбаков сказал, что значение исторической географии часто сужается до суммы справочных сведений. В действительности историческая география, являясь своеобразной формой отражения исторического процесса в его динамике, должна стать в современной науке методом исторического исследования. Применение данного метода в археологии, этнографии и языкознании имеет свои специальные задачи. Самым главным в историко-географическом методе является сочетание данных этих дисциплин. Однако методика наложения языковых, археологических, топонимических, этнографических и антропологических изоглоссов пока еще не разработана.

Доклады А. Л. Монгайт (Институт археологии АН СССР) «Некоторые возможности картографирования археологических культур», М. В. Витова (Институт истории АН СССР) «Некоторые вопросы этнолого-географического картографирования» были посвящены характеристике проблем, задач и теоретических трудностей, связанных с применением метода картографирования в археологии, этнографии и антропологии.

Основное внимание в своем докладе А. Л. Монгайт уделил вопросу о возможности и методах этнического определения археологических культур. Картографирования признаков, позволяющих выделить археологическую культуру как эквивалент древнего племени или народа (такими признаками являются прежде всего элементы культуры, не связанные с производством, — орнаменты, формы посуды, обряды погребения), еще подо-

¹ Тезисы докладов этой конференции опубликованы в брошюре «Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии». М., «Наука», 1964.

статочны для решения вопроса о ее характере. Необходимо сопоставление полученных в результате картографирования сведений со всеми известными историческими данными и особенно с данными языка как одного из важнейших признаков этнической общности. Этническое определение археологических культур было бы облегчено, если бы мы имели карты разговорных языков той же эпохи, к которой относятся эти культуры.

М. В. Витов остановился на проблемах картографирования этнографического и антропологического материала. Докладчик считает картографирование одним из непреходящих методов этнологического исследования и предостерегает от ошибок в существующей практике этногеографии, приводящих к предвзятости в этнологическом картографировании (например, картографирование «типов» культуры без предварительного картографирования отдельных ее элементов). При этнографическом картографировании нельзя исходить из языковых или археологических данных (это все равно, что картографировать диалекты носителей косяклинского сарафана). Неудачи попыток синтеза показаний различных дисциплин объясняются тем, что проводилось механическое сопоставление ареалов без предварительной источниковедческой критики. Для сопоставления с данными других дисциплин следует привлекать изоглоссы отдельных элементов культуры, особенно не связанных непосредственно с географической средой и экономикой и поэтому консервативных, и учитывать хронологию формирования ареалов (этнографических, антропологических, языковых) и установления их исторической связи. Докладчик подчеркнул, что этническая история народа не исчерпывается историей языка, как это полагают некоторые лингвисты. Она является предметом исследования также антрополога, археолога и этнографа.

Лингвистическим проблемам, теоретически связанным с данным комплексом вопросов, был посвящен доклад В. В. Мартынова (Институт языкознания им. Я. Коласа АН БССР) «Проблема славянского этногенеза и лингвогеографическое изучение Припятского Полесья». В. В. Мартынов считает центральной задачей лингвистики в области этногенеза установление серии пространственно-временных характеристик исторически известной нам этнической группы. Иными словами, для этнической группы, существование которой может быть подтверждено прямыми историческими свидетельствами, ретроспективно определяется доистория в виде временной последовательности локализаций по отношению к географическим ареалам и другим этническим группам. В качестве рабочей гипотезы в докладе формулируются некоторые принципы определения

прародины этнической группы на основе картографирования фонологических систем, семантических микроструктур и топонимов. Изучение Припятского Полесья в лингвистическом отношении имеет большое значение для решения проблемы славянского этногенеза, так как, по образному выражению докладчика, Припятское Полесье представляет собой мост, через который проходила миграция славян.

Роль карпатского диалектного ареала в изучении этнической истории славян была освещена в докладе С. Б. Бернштейна (Институт славяноведения АН СССР) «Карпатский диалектологический атлас». Докладчик подчеркнул важность лингвогеографического исследования районов, где в течение длительного времени происходили сложные этногенетические процессы, в которых участвовали многие родственные и перодетские племена и народы. Внимание слависта привлекают диалекты карпатского ареала, где было пережито много общих этнических и языковых процессов отдельными славянскими племенами. Охарактеризовав значение создаваемого Карпатского диалектологического атласа для исследования истории юго-западных украинских, южнопольских и восточных словацких говоров, С. Б. Бернштейн подробно осветил южнославянский аспект в изучении языков карпатского ареала. «Южнославянизмы» в говорах данного ареала — результат совместной жизни славян, когда предки южных славян занимали всю территорию карпатского ареала. Поэтому при изучении истории южнославянских языков необходимо учитывать и карпатский период, нелегкий отпечаток, в частности, на семантическую структуру южнославянских языков. Лексические и семантические соответствия позволяют сделать вывод о древнейших контактах закарпатских украинских говоров с прото-сербскими, а прикарпатскими — с прото-болгарскими говорами. Материал Карпатского диалектологического атласа важен также для изучения славяно-румынских контактов. В этой связи стоит задача отделения «карпатизмов» от «балканизмов» — южнославянских элементов, проникших в карпатские говоры позже через румынский язык.

Вопросы, поднятые в докладе С. Б. Бернштейна, вызвали живую дискуссию. С сообщением о возможностях определения древних племенных границ на основе данных лингвистического атласа выступил Ф. Т. Жидко (Институт языковедения им. А. А. Потебни АН УССР). Охарактеризовав границы древних славянских племен, определяемые на основе фонетических и морфологических карт Украинского диалектологического атласа, Ф. Т. Жидко подробно остановился на вопросе формирования

карпатских украинских говоров и этнической истории их носителей. Он отметил, что идея картографирования говоров карпатского ареала весьма плодотворна. Выступление Ф. Т. Жилко встретило поддержку М. Я. Салманович (Институт этнографии АН СССР). Она сообщила о работах этнографов по изучению Прутско-днепровского района и отметила, что для этнографического изучения юго-запада СССР доклад С. Б. Бернштейна представляет большой интерес. Наблюдения этнографов во многом совпадают с выводами лингвистов, о которых говорили С. Б. Бернштейн и Ф. Т. Жилко. М. Я. Салманович считает целесообразным организацию комплексных экспедиций лингвистов и этнографов.

В дискуссии был затронут также вопрос о путях движения предков южных славян на Балканах (Б. Симеонов — Софийский университет, Н. И. Толстой — Институт славяноведения АН СССР). Б. Симеонов справедливо отметил важность внимательного изучения западно-болгарской диалектной лексики и картографирования топонимического материала.

В докладе Е. М. Поспелова (Военно-инженерная академия) «Картографический анализ лингвистических атласов» был поставлен вопрос о недостаточном использовании картографических средств в лингвистической географии. Трудности, возникающие при интерпретации лингвистических карт представителями других специальностей, объясняются, по мнению докладчика, тем, что лингвистические атласы не поднимаются выше уровня лингвистической топографии. «Решаемая на этом этапе задача — сбор фактического материала и изображение его в необобщенных показателях с соблюдением точного местоположения — требует сравнительно скромных изобразительных средств». Докладчик выразил пожелание, чтобы лингвисты перешли к созданию — применяя богатый арсенал картографических средств — синтетических карт, сопоставляющих распространение языковых и географических фактов социально-экономического и физико-географического характера.

Доклад Е. М. Поспелова вызвал оживленную дискуссию. Были обсуждены вопросы о преимуществах и недостатках разных способов лингвистического картографирования (текстового, значкового, изоглоссного и др.), о степени детализации географической основы карты в зависимости от материала и целей картографирования, о преимуществах и недостатках аналитических и синтетических карт. В процессе обсуждения выявились две противоположные точки зрения на задачи лингвистического картографирования. Принципиальным сторонником

«лингвотопографии» выступил Р. Я. Удлер (Институт молдавского языка и литературы АН Молдавской ССР). По его мнению, главной задачей картографирования является максимально точное нанесение на карту лингвистического явления. Он считает наиболее рациональным текстовый способ картографирования. Географическая основа карты при этом, естественно, должна быть минимальной, чтобы избежать перегрузки. Аналитическим картам, по мнению Р. Я. Удлера, следует отдать предпочтение перед синтетическими, в которых неизбежен элемент субъективизма. Мысль о том, что методы современного лингвистического картографирования вполне соответствуют задачам лингвогеографии, была высказана Ф. Т. Жилко, который урекнул докладчика в упрощенном освещении состояния современной лингвистической географии.

Другие выступавшие (проф. И. Петруц — Клужский университет, Румыния; С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой, В. А. Никонов — Всесоюзное географическое общество) поддержали положение докладчика о важности географической основы карт и о необходимости создания синтетических карт, не только сопоставляющих лингвистические данные с географическими, но, главным образом, представляющих обобщенные самих лингвистических данных. Такие карты могли бы облегчить использование и интерпретацию лингвогеографического материала историками языка и представителями других исторических дисциплин (С. Б. Бернштейн). Было обращено внимание на то, что создание синтетических карт предполагает составление специальных программ, которые бы предусматривали возможность соответствующего синтеза (например, картографирование типов вокализма, семантических полей и т. п.) (Н. И. Толстой).

Применению лингвогеографического метода в решении проблемы диалектного членения праиндоевропейского и праславянского языков были посвящены доклады Э. А. Макаева (Институт языкознания АН СССР) «Вопросы индоевропейской диалектологии», В. В. Иванова (Институт славяноведения АН СССР) «Вопросы лингвистической географии и типологии применительно к древним индоевропейским диалектам» и Н. И. Толстого «О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов».

В докладе Э. А. Макаева была высказана крайне скептическая оценка результатов применения существующего метода лингвогеографии для ареальной характеристики древнейших индоевропейских диалектов: «Оперирование диалектными изоглоссами... отражает пережившие себя атомистические установки традиционного языкознания, не согласую-

щиеся с принципами системного описания всех уровней языка, и должно быть отброшено». Данная методика должна быть заменена процедурой вычленения микросистем разных уровней языка при строгом соблюдении принципа иерархии. Утвердившееся в компаративистике членение индоевропейской общности на два ареала — восточный и западный — не отвечает строгости лингвистического описания. Описание индоевропейских диалектов в терминах генеалогической классификации и генетического родства оказывается недостаточным, так как многие общие конструктивные признаки возникли в результате образования различных языковых союзов. «Индоевропейская диалектология должна строиться как научная дисциплина, посвященная описанию, обоснованию и раскрытию многообразных и мощных языковых контактов».

Выступивший в прениях Б. В. Горнунг не согласился с употреблением термина «языковой союз» применительно к характеристике процессов интеграции близкородственных языков. Он высказал иную точку зрения и по вопросу деления индоевропейских языков на восточный и западный ареалы, полагая, что можно ставить вопрос об образовании восточного и западного ареалов после выделения анатолийских языков.

В. В. Иванов отметил плодотворность идеи Э. А. Макаева о важной роли языковых контактов в образовании индоевропейского единства. Однако высказал иную точку зрения по вопросу о существовании индоевропейских диалектов и возможности их реконструкции. По мнению В. В. Иванова, индоевропейские диалекты — вполне реальная величина, так как реконструируемые различия можно обнаружить в современных архаических диалектах. Это и делает возможным применение методов лингвогеографии в этой области. Очень сложным является вопрос различения архаизмов и инноваций. Трудность введения хронологических критериев может быть преодолена посредством типологического исследования, предвещающего решение вопросов хронологии. На конкретных примерах докладчик показал, как типологическое исследование помогает выяснить, что явления, которые считались общиндоевропейскими, в действительности оказываются инновациями, результатом параллельного развития. В. В. Иванов внес существенную поправку в понятие языковой семьи: это не просто языки с унаследованными общими чертами, но и с унаследованными тенденциями их дальнейшего развития. Генетически родственные языки наследуют систему элементов, имеющую одинаковую структуру, определяющую их одинаковое функционирование, что, в свою очередь, определяет и их одинаковое развитие.

Выступившие в прениях Э. А. Макаев и Б. В. Горнунг согласились с идеей доклада о наследовании единства тенденций развития как существенном признаке языков, относящихся к одной языковой семье. Э. А. Макаев отметил, однако, что совпадение современных языковых моделей не дает оснований для восстановления непрерывной линии развития. Путь развития языков сопровождается катаклизмами лингвистического и экстралингвистического порядка.

Вопросу реконструкции праславянских фонетических изоглосс было посвящено выступление В. К. Журавлева (Институт языкознания им. Я. Коласа АН БССР).

В докладе Н. И. Толстого «О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов» был предложен опыт реконструкции лексико-семантической структуры праславянских диалектов поздней поры на основе лингвогеографического изучения современного славянского диалектного континуума. Отмечая, что применяемый до сих пор способ картографирования одиночных лексем и семем («от слова к значению» и «от значения к слову») недостаточен и малоперспективен, Н. И. Толстой предложил новый способ структурно-типологического изучения семантических полей с определением дистрибуции лексем и их словообразовательно-деривационных возможностей. Положения доклада были иллюстрированы таблицами, анализирующими «названия деревьев и леса определенной породы деревьев» в говорах Припятского Полесья.

Предложенный метод дает возможность предсказывать некоторые отношения при реконструкции древних диалектов, так как устанавливает взаимосоключающие и взаимообуславливающие семантические и словообразовательные отношения в пределах лексем.

В выступлении было отмечено, что доклад Н. И. Толстого вводит новые методы изучения диалектной лексики и семантики и в практику картографирования. Это было продемонстрировано в сообщениях А. С. Соколовской (Институт языкознания им. Я. Коласа АН БССР) и Г. И. Клепиковой (Институт славяноведения АН СССР). А. С. Соколовская сообщила о результатах исследования некоторых семантических полей методом статистического анализа, целью которого было определение лексической и семантической близости говоров Припятского Полесья.

На материале прикарпатских украинских говоров Г. И. Клепикова продемонстрировала преимущество картографирования семантических микрополей по сравнению с традиционным методом составления лексических и семантических карт. Картографирование микропо-

лей позволяет более экономными средствами передать большую информацию и исследовать лексику и семантику в единой системе. Эффективность картографирования микрополей зависит от соблюдения двух обязательных требований: учета иерархии значений и строгости отбора семем при построении поля.

Типологические методы в лингвогеографии нашли отражение в докладах, посвященных изучению языковых контактов в балто-славянском пограничье и в балканском языковом союзе. В коллективном докладе Т. М. Судник, В. Н. Топорова, С. М. Шур (Институт славяноведения АН СССР) «К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза» поставлен вопрос об изучении зависимости типологических характеристик языков от их положения в пространстве и о выработке специальных приемов подобного изучения. В докладе было дано описание языковой ситуации в литовско-белорусском пограничье, характеризующейся большей по сравнению со смежными территориями концентрацией типологически близких черт. Устная форма контактов обуславливает наибольшую типологическую близость в области фонологии. Наблюдается тенденция к выработке общего фонда морфем, синонимическому употреблению различных морфем, созданию общего словаря, выработке некоторых правил соответствий между элементами взаимодействующих белорусских, литовских, латгальских и польских диалектов. Намеченная в докладе программа ареально-типологического обследования этих говоров может дать сведения, полезные для разрешения диахронических и, возможно, генетических проблем, касающихся данной языковой области.

Особый интерес к данному докладу проявили литовские диалектологи. В их содержательных выступлениях было отмечено большое значение выдвинутых в докладе идей для дальнейшего практического исследования диалектов балтийских и славянских языков на смежных территориях и сделан ряд дополнений и уточнений в интерпретации материала. К. Ф. Моркунас (Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР) отметил, в частности, что при изолированном изучении восточных литовских говоров, находящихся в славянском окружении, отдельные явления оставались непонятными. Теперь они объясняются как результат длительного симбиоза балтийских и славянских языков на одной территории. Не всегда, однако, совпадение отдельных фактов двух языков можно рассматривать как результат взаимодействия этих языков. Иногда это результаты параллельного развития. О влиянии социально-политических и культурных условий на развитие языковых контактов в данном районе говорил

А. Ю. Видугирис (Институт литовского языка и литературы АН Литовской ССР). В методическом отношении интересно его замечание о двух типах носителей двуязычия: а) активно говорящие на литовском и на белорусском языках и б) говорящие на литовском в прошлом (в детстве), а в настоящее время использующие в качестве средства повседневного общения белорусский язык. Надежными информаторами для изучения двуязычия могут служить лишь представители первого типа. В. З. Гринавецкис (Вильнюсский педагогический институт) отметил, что выдвинутые в докладе типологические принципы исследования помогут решать проблемы не только балто-славянских контактов, но и взаимоотношений других языков, в частности литовского и латышского. Он привел большой материал, подтверждающий эту мысль.

В докладе Т. В. Цивьян (Институт славяноведения АН СССР) «К проблеме построения лингвистического атласа балканского языкового союза» говорилось о необходимости одновременного учета фактов типологического, ареального и генетического характера при исследовании балканского языкового союза. Этим обусловлено первоочередное значение создания лингвистического атласа как средства изучения языков этого союза. В идеальном варианте система языков балканского союза должна быть описана на основе диалектного материала. В докладе был предложен метод комплексного исследования морфологического и синтаксического уровней языков балканского союза, предполагающий перевод информантом с родного языка и на родной язык некоторых фраз или отдельных синтагм, составленных таким образом, чтобы по ним в дальнейшем можно было установить основные черты грамматической системы этого союза.

В докладе «Принципы картографирования фонологических явлений (для балканских языков)» О. С. Широкова (Минский институт иностранных языков) было указано, что фонологические системы балканских языков имеют много общих элементов. Это дает возможность создать определенную метасхему для описания фонологических систем балканских языков. Фонематические схемы отдельных языков будут отличаться друг от друга лишь отдельными звеньями. Именно эти звенья и подлежат картографированию.

Выступившие в прениях И. Пэтруц и Б. Симеонов сделали ряд замечаний по докладу О. С. Широкова, касающихся интерпретации фонематических схем румынского и болгарского языков.

Применению фоностатистического метода в лингвогеографии был посвящен доклад В. А. Никонова «Геофонетика». В нем были продемонстрированы результаты картографирования статистических

характеристик употребления отдельных звуков и звуковых комплексов в различных языках мира. Докладчик признавал, что слабым местом его построений является атомистичность в выборе картографируемых фактов. Он считает, однако, что этот недостаток может быть преодолен.

Проф. Й. Вукович (Югославия) отметил, что в «геофонетику» следует включить и интонационные структуры.

В докладе А. Е. Супруна (Киргизский университет) «К системной интерпретации грамматических данных в лингвогеографии» рассматривались проблемы построения системных и вероятностных изоглоссов и типологического изучения диалектных грамматик. В качестве иллюстрации демонстрировались примеры картографирования надежных парадигм. Докладчик обратил внимание на важность изучения изоглоссов инноваций с точки зрения выявления заложенных в языковой системе тенденций развития. А. Е. Супрун высказал пожелание, чтобы в общеславянский лингвистический атлас были включены карты фонологических и грамматических систем.

А. Н. Булатова (Институт русского

языка АН СССР) обратила внимание на трудность выбора эталона при картографировании грамматической системы.

Подводя итоги работы конференции, выступавшие отметили, что доклады, прочитанные на конференции, показали возможность и целесообразность внедрения структурно-типологических методов в лингвистическую географию и что данная конференция явилась значительным вкладом в лингвистическую географию.

Конференция приняла решение, в котором указала на важность дальнейшего лингвогеографического изучения карпатского ареала, Припятского Полесья, балтийско-славянского пограничья, балканского языкового союза. В решении отмечена также необходимость расширения научных связей между советскими и зарубежными диалектологами и диалектологами с археологами, этнографами.

Участники конференции принесли благодарность Научному совету по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения и Институту славяноведения АН СССР за организацию конференции.

Е. В. Чешко

ЛЕКЦИИ АКАД. Г. ЯБЛОНСКОГО

По приглашению Президиума Академии наук СССР в январе 1965 г. в Советском Союзе находился Главный ученый секретарь Польской академии наук академик Генрик Яблонский.

20 января в Институте славяноведения АН СССР Г. Яблонский выступил с лекцией «Современное состояние и актуальные задачи польской исторической науки», в которой дал обзор важнейших достижений польских историков и рассказал об основных направлениях их исследовательской работы, большом интересе научной общественности своей страны к проблемам истории русско-

польских общественно-политических и культурных связей.

21 января Г. Яблонский сделал сообщение об изучении Великой Октябрьской социалистической революции в Польше (сообщение публикуется в этом номере). 27 января польский гость выступил с докладом, в котором охарактеризовал позицию консервативных кругов польского общества и политических партий накануне и во время майского переворота 1926 г. Лекции Г. Яблонского вызвали большой интерес у слушателей и оживленный обмен мнениями.

А. О.

ГРУППА ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НАРОДОВ СССР С ЗАРУБЕЖНЫМИ СЛАВЯНСКИМИ НАРОДАМИ

Одним из важнейших направлений работы группы является подготовка совместной советско-польской публикации «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Вышел в свет II том советского издания серии и III том польского издания. III том советского издания сдан в издательство и в ближайшее время выйдет в свет. Заключена работа по комплектованию и комментированию IV тома, завершён отбор документов для V и составлен prospect VI тома.

Большое место в научной жизни группы занимает разработка проблемы русско-

польских революционных связей во второй половине XIX в. и особенно в период восстания 1863 г., проводимая совместно с польскими учеными. В истекшем году вышли в свет три тома публикаций: «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.» (М., «Наука», XII, 707 стр.), «Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг.» (Киев, «Наукова думка», 1964, XLIX, 551 стр.), «Переписка наместников Королевства Польского в 1861 г.» (Вроцлав, «Осолоинеум», 1964, XXXII, 374 стр.). Сдан в издательство «Наука» том документов «Восстание 1863 года в

Литве и Белоруссии». Всего к концу 1964 г. в серии «Восстание 1863 года» издано 9 томов.

По проблеме русско-польских революционных связей сотрудниками группы был опубликован ряд монографических работ и статей. В 1964 г. вышли в свет книга В. А. Дьякова и И. С. Миллера «Революционное движение в русской армии и восстание 1863 года» и сборник статей к столетию героической борьбы «За пашу и вашу свободу». В. А. Дьяков и И. С. Миллер принимали участие в написании биографических очерков, посвященных героям 1863 г. («Герои 1863 года», вышла в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей»). В. А. Дьяков опубликовал исследование «Тарас Шевченко и его польские друзья», которое в 1964 г. вышло также в переводе на польский язык. В находящемся в печати ХХІХ томе «Ученых записок Института славяноведения» публикуются статьи, посвященные отдельным аспектам восстания 1863 г. и русско-польским революционным связям этого периода. С. М. Фалькович подготовила к печати монографию «Идейно-политическая борьба в польском обществе в 50—60-х гг. XIX в.».

Сотрудники группы продолжают исследование темы восстания 1863 г. Л. А. Обушенкова защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Документальные материалы о восстании 1863 года в архивах Советского Союза». Завершена работа по подготовке диссертации Н. П. Митиной на тему «Русско-польские революционные связи в сибирской ссылке в

1864—1866 гг.». Совместно с группой истории культуры был подготовлен сборник статей «Польское освободительное движение и проблемы истории культуры». В настоящее время сотрудники группы приступили к работе над коллективной монографией, освещающей историю совместной русско-польской революционной борьбы с конца XVIII в. до Великой Октябрьской социалистической революции.

Проблема советско-чехословацких отношений посвящен подготовляемый совместно с институтами истории европейских социалистических стран Чехословацкой и Словацкой академий наук сборник статей. Вышел в свет сборник статей «Зденек Неудлы — выдающийся общественный деятель и ученый». Совместно с МИД СССР подготовлен сборник документов о советско-чехословацких отношениях в 1945—1960 гг. Выявляются документы для сборника «Советско-чехословацкие отношения в 1917—1939 гг.». С. И. Прасоловым написана статья «Советско-чехословацкий договор о взаимопомощи 1935 г.». Е. Д. Воробьева подготовлена к защите кандидатская диссертация на тему «Борьба чехословацких трудящихся и прогрессивной общественности за дружбу и сотрудничество народов Чехословакии и СССР (1925—1929 гг.)».

В. Н. Кондратьева подготовила две статьи: «Славяно-австрийские отношения в 60-х гг. XIX в.» и «Из истории освободительного движения на Крите в 1875—1876 гг.».

Л. А. Обушенкова

В СЕКТОРЕ СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В 1964 г. на заседаниях сектора структурной типологии сотрудники сектора, а также специалисты из научных учреждений Москвы, других городов Советского Союза и из зарубежных стран делали доклады, освещавшие самые различные аспекты структурной типологии языков, общие вопросы структурного языкознания и результаты конкретных исследований. Содержание докладов, с одной стороны, сводилось к поискам наиболее эффективных и адекватных методов типологических исследований, теоретическому исследованию оснований типологии, а с другой — к установлению общих эмпирических и индуктивных закономерностей в различных языках земного шара.

В начале 1964 г. И. И. Ревзин сделал доклад «О понятии отмеченности в лингвистических исследованиях», в котором критически рассмотрел одно из коренных понятий теории моделирования — понятие отмеченности. До сих пор от-

меченность считалась основным критерием работоспособности модели — модель адекватна, если она порождает отмеченные фразы. Однако при этом отмеченность выводили за пределы исследования, считая ее абстракцией, присущей языку в целом. При таком подходе каждая фраза по своей природе является либо отмеченной, либо неотмеченной. Однако, как показал в своем докладе И. И. Ревзин, это противоречит реальным фактам функционирования языка. В частности, стихотворные строки «...когда поездов расписание Камышинской веткой читаешь в купе» могут рассматриваться как отмеченные или на основании других критериев неотмеченные. Подобные же явления исследовались А. Хиллом, который указывает, что одна и та же фраза одними информантами считалась осмысленной, а другими — нет. И. И. Ревзин предложил разрешить эту проблему заменой абстрактного понятия отмеченности для языка

В целом понятием осмысленности, которое бы эксплицитно постулировалось «с точки зрения» данной модели порождения и, таким образом, вводилось бы в описание. В этом случае были бы заданы списком разрешенные и запрещенные фразы, был бы известен способ получения потенциально разрешенных и потенциально запрещенных фраз, а об остальных фразах было бы неизвестно, являются они разрешенными или запрещенными в рамках данной модели. Представляется, что подобное применение функционального подхода окажется весьма полезным для типологии моделей порождения, которые бы исходили из таким образом ограниченных и определенных корпусов данных разных языков.

Цикл докладов и сообщений, сделанных А. А. Зализняком, объединяет мысль о необходимости изучения взаимоотношения языка описания (таким языком может быть родной язык исследователя или мета-язык) и результата описания. В этом смысле интересен доклад А. А. Зализняка и Е. В. Падучевой, посвященный связи языка описания с родным языком лингвиста. Авторы показали, как некоторые понятия теоретической лингвистики, возникшие на почве определенного языка, связаны с особенностями структуры этого языка. В докладе приведены примеры зависимости терминов описания синтаксической структуры («дерево зависимостей» и структура непосредственно составляющим) от соответственно русского и английского языков, на базе которых были выработаны соответствующие понятия. Проанализирован также и ход рассуждения московской фонологической школы при выделении фонем языка, опирающийся на понятие «чередования», столь характерное для русского языка. Авторы пришли к выводу, что, хотя стремление описывать каждый язык изнутри было весьма плодотворным и принесло ценные результаты, в настоящее время не менее естественным оказывается, по-видимому, противоположный подход.

В какой-то мере конкретным развитием и приложением этих и близких идей послужили доклады А. А. Зализняка по алгоритмическому описанию морфологических систем славянских языков. В опубликованном докладе¹ «Грамматические категории рода, одушевленности — неодушевленности и личности — неличности в славянских языках» вводится новое понятие — согласовательный класс (совокупность существительных, требующих в каждой грамматической форме одной и той же словоформы каждого

согласуемого слова). А. А. Зализняк показал, что выделение рода, одушевленности и личности есть не что иное, как разные способы группировки согласовательных классов, и продемонстрировал типологическую равноценность указанных трех грамматических категорий. Докладчик выявил сходства и различия в системе согласовательных классов разных славянских языков и указал основные ареалы, на которые делится с данной точки зрения славянская языковая область. В сообщении «О способах представления парадигмы прилагательного» А. А. Зализняк показал, что существующее представление парадигмы прилагательного, включающее те же грамматические категории, что и у существительного, является не единственным способом представления действительности, а лишь отражает определенную стратегию описания. Возможна иная стратегия описания, при которой прилагательному приписывается всего одна грамматическая категория. Выбор той или иной стратегии определяется целью описания.

В докладе «О счетной форме в русском языке» А. А. Зализняк рассмотрел вопрос о форме существительного в сочетаниях «два стола», «четыре шага», «три столовых». Он указал, что эти формы можно рассматривать: а) как особый падеж, б) как особую форму в рамках именительного падежа множественного числа, отличающуюся от обычного именительного падежа множественного числа по признаку, именуемому в семитских языках «статус» («состояние»). Независимо от трактовки, указанных сочетания представляют собой уникальные для русского и вообще для славянских языков случаи взаимного управления.

Проблеме более глубокого обоснования порождающих моделей был посвящен доклад Д. С. Ворты (США) на совместном заседании секторов структурной типологии и славянской языкознания. В докладе было показано, как посредством введения в модель некоторых лексических отношений удается получить синтагматически правильные последовательности.

* * *

Если довольно большое число докладов было посвящено проблеме обоснования типологических моделей, то существенно меньше было сообщений, в которых излагались бы результаты работы по обнаружению эмпирических универсалий. Это можно объяснить, по-видимому, тем, что такого рода работа занимает обычно много лет. Тем большим был интерес к докладу В. В. Шеворопкина (Институт русского языка АН СССР) «Законы построения звуковых цепей», в котором автор изложил результаты своих многолетних исследований структуры и количественных соотношений

¹ См. А. А. Зализняк. К вопросу о грамматических категориях рода и одушевленности в современном русском языке. — «Вопросы языкознания», 1964, № 4.

внутри звуковых (и в частности консонантных) цепей во всех языках мира. Эта большая работа будет издана полностью, а ее краткие тезисы уже опубликованы в сборнике «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. Тезисы докладов» (Изд-во АН СССР, 1962 г.). Интересные опыты по подсчету процентного содержания различных групп звуков (лабиальных, гуттуральных, среднеязычных и др.) в языках евразийского ареала проделал В. А. Никонов (Всесоюзное географическое общество), рассказавший о них на одном из заседаний сектора. Предложенная методика позволяет дополнить типологию, основанную на исследовании парадигматических соотношений, типологией на уровне синтагматики. По данным В. А. Никонова, получающиеся изоглоссы (которые можно трактовать как своего рода ареальные универсалны) делают евразийскую языковую территорию на области, примерно совпадающие с расположением родственных языков, а также языков, входящих в языковые союзы.

Вообще проблемы ареальной типологии привлекали к себе интерес сотрудников сектора в 1964 г. Отметим доклад Т. В. Цивьян, содержащий основные положения защищенной ею в апреле кандидатской диссертации «Имя существительное в балканских языках (к структурно-типологической характеристике балканского языкового союза)».

Автор создает грамматическую модель, соответствующую эвентуальному языку-посреднику балканского языкового союза. Такой предполагаемый язык-посредник концентрирует существенные типологические сходжения балканских языков, дающие возможность говорить о единой грамматической системе балканского языкового союза.

Т. М. Судник рассказала о результатах своих полевых исследований фонологических проблем балтийско-славянского языкового союза, которые она проводила, в частности, в деревне Гервяты на пограничье Литвы и Белоруссии. В докладе были рассмотрены лингвистический и социальный аспекты дву- и трехязычия, представленного в диалектах белорусско-литовского пограничья. В качестве наддиалектного языка в большинстве ситуаций выступает белорусский язык, литовский и польский закреплены за сравнительно небольшим и ограниченным числом ситуаций общения. Фонологическими признаками языкового союза автор считает общий инвентарь фонем, структуру фонологического пространства, а также основные дистрибутивные типы.

Если в докладе Т. М. Судник говорилось о западной границе евразийского языкового союза (в терминология проф. Р. О. Якобсона) в пределах СССР, при-

чем отмечалась экспансия признака «палатальность — непалатальность» в белорусско-польско-литовских говорах, то в докладе Д. М. Сегала «Опыт фонологической типологии языков контактного района реки Енисей» речь шла о восточной границе этого союза.

Здесь рассматривались особенности фонологических структур самодийских языков в сравнении с кетским языком. Автор стремился провести типологию не только на уровне инвентаря фонем, но и на уровне дистрибуции. Специально исследовалась дистрибуция согласных с целью определения степени фонологичности противопоставления «палатальность — непалатальность» в кетском языке по сравнению с окружающими языками.

Ряд докладов был посвящен проблематике фонологии славянских языков и экспериментальной фонетике. С. М. Шур в докладе «Фонологическая модель польских диалектов Силезии», используя понятия и методы структурной диалектологии, предприняла попытку представить типологию фонологических систем силезских диалектов польского языка на уровне инвентаря фонем и различительных признаков, а также на уровне «грамматики» — правил дистрибуции, допустимых и запрещенных сочетаний. О некоторых результатах статистической обработки польского языка на фонологическом уровне при помощи электронно-счетных машин рассказал на заседании сектора Д. М. Сегал. Докладчик изложил результаты опытов по группировке фонем в классы, основываясь на данных о стабильности частоты того или иного объединения фонем.

Т. М. Николаева рассказала о первых результатах своей экспериментальной работы о соотношении знаков препинания и интонационных средств в русском языке.

Интерес лингвистов привлек доклад проф. Г. Фанта (Швеция) о новых данных относительно акустических коррелятов фонологических различительных признаков, сделанный на совместном заседании обоих лингвистических секторов Института славяноведения.

Сектор структурной типологии заслушал также доклады, посвященные структурному описанию отдельных фрагментов морфологии, синтаксиса и словообразования русского и других славянских и неславянских языков. Р. Мразек (Чехословакия) на совместном заседании секторов структурной типологии и славянского языкознания выступил с докладом о синтагматической дистрибуции классов глагола (на материале чешского и русского языков). З. М. Волоцкая рассказала о предложенной ею словообразовательной модели. Автор стремится описывать словообразовательную систему

языка как порождающий процесс образования правильно построенных производных слов. Для построения такого рода словообразовательной модели задается словарь элементарных деривативных единиц — производных основ и деривативных морфов, а также правила сочетания этих элементов между собой. Отдельно описывается план содержания языка: словообразовательные значения, или, как их автор называет, дериватемы, и способы выражения каждой дериватемы в речи. К правилам сочетаемости деривативных морфов примыкают морфонологические правила, описывающие изменения, которые происходят в звуковом составе морфов при их сочетании.

На заседаниях сектора уделялось внимание и диахронической лингвистике. М. И. Лekomцева в докладе «О различных способах синтеза слога старославянского языка» рассмотрела различные возможности идентификации фонем и слогов по различительным признакам. В докладе исследовалась роль порядка следования различительных признаков и соответственно их нейтрализации, зависимость способа порождения текста от его статистических характеристик. В докладе был также освещен вопрос об инвариантных зависимостях различительных признаков на синтагматическом уровне и в связи с этим вопрос об определении слога.

А. Б. Долгопольский (Институт русского языка АН СССР) в докладе «О значении гипотезы борейского родства для индоевропейского языкознания» изложил свою концепцию нового подхода к реконструкции праиндоевропейского языка. Борейская гипотеза древнейшего родства целого ряда языковых семей Евразии и Африки должна, по мысли автора, пролить свет на факты самих индоевропейских языков. Так, например, в докладе индоевропейский ряд лабиовелярных, палатальных и веларных объясняется сочетанием заднеязычных с древними борейскими гласными, сохранившимися в уральских и алтайских языках. Доклад вызвал оживленную дискуссию. В дискуссии, в частности, выступил

В. М. Иллич-Свитыч, указавший, что «нестратическая гипотеза» важна не только для индоевропеистики, но и для алтаистики.

Интересные и новые сведения из области типологической и генетической классификации позднихеттских языков сообщил в своем докладе В. В. Шеворошкин. С этим докладом тематически был связан доклад А. И. Харсекина (Ставрополь) об интерпретации памятников этрусской письменности. Докладчик подробно рассказал о сущности предложенного им комплексного метода дешифровки памятников этрусской письменности, а также изложил некоторые соображения о типологической и генетической классификации этрусского языка. Согласно предварительным данным, этрусский язык обнаруживает генетическое родство с анатолийскими языками. Это соображение, высказанное А. И. Харсекиным в весьма осторожной форме, было поддержано выступившим в прениях В. В. Шеворошкиным.

Следует особо отметить доклады, посвященные изучению лингвистической структуры связного текста. Это доклад Г. А. Лесккиса, в котором он дальше развивает свои фундаментальные исследования, начатые работой о длине предложения в русской научной и художественной прозе XIX века. Этот доклад был посвящен исчерпывающему описанию синтаксической структуры простого предложения на том же материале. Г. А. Лесккису удалось установить, что научный и художественный тексты характеризуются противоположными типами ядерных конструкций.

В двух докладах Ю. И. Левина шла речь о способе формализации описания взаимодействия значений в поэтической речи.

В дальнейшем сектор структурной типологии планирует еще шире развертывать научное общение специалистов в области лингвистики и в смежных областях.

Д. М. Сегал

ДИССЕРТАЦИИ, ЗАЩИЩЕННЫЕ НА УЧЕНОМ СОВЕТЕ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР В 1964 ГОДУ

ДОКТОРСКАЯ

Резвин И. П. Модели языка и их использование в структурной типологии славянских языков.

КАНДИДАТСКИЕ

Булатова Р. В. Глаголы движения в сербско-хорватском языке.

Ермякова М. И. История употребления форм времени в серболужицких языках.

Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском.

Лekomцева М. И. Фонологическая система языка с точки зрения алгоритмов синтеза (на материале старославянского языка).

Мурашко Г. П. Положение рабочего класса и формирование революционного направления в профсоюзном движении Чехословакии в годы послевоенного экономического кризиса (1921—1923).

Наунов Е. П. Феодалное землевладение в Сербии, северной и центральной

Македонии и Зете во второй половине XIV в.

Обушеникова Л. А. Документальные материалы о восстании 1863 г. в архивах Советского Союза.

Попова Т. В. Корреляция твердых и мягких согласных фонем в болгарском языке.

Рогов А. И. «Хроника» Стрыйковского как исторический источник по истории России, Украины, Белоруссии и Литвы.

Тимова Л. Н. И. К. Тыл и демократические традиции чешской культуры.

Хорев В. А. Польская пролетарская поэзия (20-е — 30-е годы).

Цивьян Т. В. Имя существительное в балканских языках (к структурно-типологической характеристике балканского языкового союза).

Шмераль Я. Б. Образование буржуазной Чехословацкой республики.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

ИЗУЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПОЛЬШЕ

Реферируя состояние исторических наук в Польше¹, я говорил о более слабом развитии исследований по всеобщей истории, чем по истории Польши. Положение в этой области начало улучшаться лишь в последние годы, но главные усилия пока еще должны быть направлены на подготовку соответствующих кадров, на вопросы организации исследований и на создание возможностей для их публикации. Среди работ кафедр всеобщей истории количественно доминируют исследования, стоящие на стыке истории Польши и всеобщей истории. Это объясняется главным образом двумя причинами: во-первых, общественным спросом на такие работы, так как все еще продолжает ощущаться необходимость взглянуть по-новому на отношения Польши с другими народами; во-вторых, тем обстоятельством, что имеющаяся в нашей стране архивно-историческая база не дает возможности польским историкам более широко развивать исследования по не связанной с Польшей тематике всеобщей истории без длительных заграничных командировок. Польская медиевистика со своими старыми хорошими традициями продолжает занимать ведущее место в исследованиях по всеобщей истории, и именно ей польская наука обязана лучшими работами в этой области. На протяжении последних нескольких лет некоторые результаты дают усилия, направленные на стимулирование развития исследований по новой и новейшей истории.

Все сказанное о всеобщей истории вообще относится также и к истории СССР. Но было бы совершенно несправедливо недооценивать исследования в этой области. Независимо от кафедр всеобщей истории имеются отдельные

кафедры истории народов СССР в университетах: Варшавском (заведующий Людвик Базылев), Ягеллонском в Кракове (Антоний Подраза) и Познанском имени Адама Мицкевича (Генрик Ловмянский). Такие же кафедры открыты и в университетах: Лодзинском, Торуньском, Вроцлавском и Люблинском имени Марии Кюри-Скłodовской. Но на этих кафедрах до сих пор нет собственных самостоятельных научных работников. Только после улучшения положения с кадрами можно будет развернуть деятельность в полную меру. Есть надежды, что в скором времени будут укомплектованы кадрами кафедры в Лодзи и, по всей вероятности, в Торунь. Открытый в Институте истории Польской академии наук сектор истории СССР и стран Центральной и Восточной Европы (под руководством проф. д-ра Рафала Гербера) существует слишком недолго, чтобы можно было заняться оценкой его достижений. Две из упомянутых выше кафедр истории народов СССР, а именно познанская и краковская, развернули более широкие исследования только до конца XVIII в. На варшавской кафедре проявляется больший интерес к истории XIX в., но и на ней новейшая история занимала до сих пор мало места.

Сказанное выше дает возможность яснее понять направление и характер проводившихся до сих пор работ по истории СССР вообще и исследований по Октябрьской революции в частности.

Работы, которые могут заинтересовать советского историка, занимающегося Великой Октябрьской социалистической революцией и ее последствиями, касаются прежде всего истории Польши. Но эта история так сильно переплеталась с тем, что происходило в России, так велико было воздействие Октябрьской революции как на внутренние отношения в Польше, так и на политику возрождающегося польского государства, что в этих работах широко рас-

¹ Доклад Г. Яблонского «Состояние и актуальные задачи польской исторической науки» будет опубликован в № 4 нашего журнала. — *Ред.*

считается и советская проблематика. В качестве примера можно привести работы Юозфа Левандовского («Федерализм. Литва и Белоруссия в политике Бельведерского лагеря. Ноябрь 1918 г.— апрель 1920 г.»), Артура Лейнвальда («Отношение Польской социалистической партии к польско-советской войне 1919—1920 годов») и ряд статей на эти темы, относящихся к 1917—1920 гг. и помещенных в исторических журналах и серийных изданиях, таких, как «Исследования по новейшей всеобщей истории». Значительно меньше историков занималось до сих пор деятельностью поляков в России (главным образом Александр Затворский, Ирена Спустек) и меньше всего — внутренней историей России (здесь в первую очередь нужно упомянуть о Хелене Заид).

Из подготовленных к печати работ, написанных на кафедре новой и новейшей истории Варшавского университета, следует отметить: исследование Ирены Спустек о поляках в Петрограде в годы первой мировой войны, Анджея Слиша — о польской печати на территории Советского Союза в 1917—1922 гг., Алексея Деруги — о польской восточной политике в 1918—1919 гг. Такого же типа работа написана в Высшей школе общественных наук Марией Гринберг на тему «Отношение польских коммунистов к польско-советской войне (1919—1920 годы)». В этой же школе в настоящее время готовится несколько работ по истории Польши, в которых затрагивается проблематика, связанная с Октябрьской революцией, а именно: а) отношение высшей церковной иерархии на польских землях к Октябрьской революции в 1917—1918 гг.; б) отношение католической церкви на польских землях к Советскому государству в 1918—1924 гг.; в) отношение католической церкви на польских землях к рабочему вопросу, рабочему классу и социализму в 1917—1925 гг.

К этой тематике близка и работа Адольфа Юзвенко «Польская политика в отношении „белой“ России в 1918—1925 годах», подготовленная во Вроцлавском университете.

Во всех университетах готовятся в настоящее время многочисленные работы, посвященные истории польского рабочего движения и левого крестьянского движения в 1917—1923 гг. Разумеется, в каждой из них учитывается влияние Октябрьской революции на внутреннее положение в Польше.

В этом обзоре следует упомянуть и о некоторых работах по всеобщей истории, косвенно связанных с вопросом об отношении к Советской России. К числу таких работ относятся написанные на кафедре новейшей истории Варшавского университета работы: П. Лосовского — «Польско-литовский конфликт в 1918—1920 годах» и Л. Бучмы — «Революция

1918 года в Германии. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Германии». Влияние Октябрьской революции на другие страны рассматривается в научно-популярной работе К. Муравского «Венгерская Республика Советов 1919 года», намеченной к выпуску в Государственном издательстве школьной литературы.

Работ, посвященных непосредственно Октябрьской революции, в польских высших учебных заведениях готовится очень мало. Закончена и намечена к сдаче в печать только одна крупная работа Хелены Заид «Проблема власти после Октябрьского переворота 1917 года», написанная в Высшей школе общественных наук. Декретам Советской власти в ноябре и декабре 1917 года посвящена работа, подготавливаемая на кафедре истории народов СССР Варшавского университета. По словам заведующего кафедрой проф. Базылева, к 1967 г. будут разработаны еще три темы, касающиеся внутренней истории Советской России.

Что касается вневузовских исследовательских учреждений, то на первое место следует поставить Институт истории партии при Центральном комитете Польской объединенной рабочей партии. Коллектив сотрудников этого института в связи с приближающейся пятидесятой годовщиной Октябрьской революции уже ведет подготовку следующих изданий:

1. «Памятная книга поляков — участников Октябрьской революции и гражданской войны в Советской России». Цель этой публикации — дать возможно полные зарисовки личностей и организаций польских коммунистов и социалистов, а также всех форм их участия в революционных событиях и в борьбе с контрреволюцией на территории Советского Союза. В книге будут содержаться биографические данные об участниках революции и борьбы с контрреволюцией, списки организаций и подробный календарь событий; это издание будет богато иллюстрировано. Работы над этим изданием ведутся при содействии Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и архивных учреждений СССР.

2. «Сборник воспоминаний поляков — участников Октябрьской революции» объемом около 50 листов, в который войдут давние и вновь написанные воспоминания тех поляков, которые внесли свой вклад в победу революции в России и содействовали укреплению Советской власти.

Кроме того, событиям Октябрьской революции будет посвящен специальный номер журнала «3 поля вальки»; в нем будут помещены научные статьи, материалы и документы, относящиеся к этому периоду.

Военно-исторический институт подготавливает документы и иконографический материал по вопросам участия в Октябрьской революции поляков-военных. Все это будет использовано в специальном юбилейном издании. Ведется работа над исследованием «Красный Варшавский полк», которое в виде статьи будет опубликовано в журнале «Войсковы шпегленд гисторичны» («Военно-историческое обозрение»).

Той же теме посвящает специальное издание Государственное издательство школьной литературы. В книжке, которая будет выпущена в свет в 1966 г., освещается участие поляков в Октябрьской революции и их роль в борьбе с интервенцией и контрреволюцией на фоне деятельности Красного Варшавского полка.

К нескольким работам по интересующему нас вопросу приступили в различных учреждениях Польской академии наук (ПАН). Так, в Институте истории ПАН готовится монография Валентины Найдус на тему о взаимоотношениях Российской социал-демократической рабочей партии и Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, а Леон Гросфельд пишет труд о Холмщине в 1918 г. Кроме того, один из сотрудников института — Юзеф Левандовский готовит научно-популярный труд для издательства «Ведза повшехна» («Всеобщее знание») на тему «Петроград в революционные годы».

Сектор истории польско-советских отношений ПАН выполняет ряд интересных исследовательских работ по своей специальности. Некоторые из них затрагивают вопросы, связанные с Октябрьской революцией. Прежде всего обращают на себя внимание работы В. Гостынской «Польская политика в отношении советских республик (1918—1919 годы)»; А. Заторского «Западная стрелковая дивизия — 52-я дивизия Красной Армии. 1918—1920 годы»; А. Деруги «Литовско-Белорусская Советская Республика». Т. Цесляк работает над очерком истории польско-советских отношений в 1917—1939 гг. Очевидно, и другие труды этого сектора, тематика которых не касается непосредственно истории Октябрьской революции, также вызовут интерес у советских историков (например, подготовляемый уже теперь к печати сборник исследований по истории польско-советских отношений, сборник документов, связанных с двадцатилетием польско-советского договора о дружбе и взаимопомощи, и другие).

Интерес к польско-советским отношениям не чужд и польским историкам искусства, на что указывает хотя бы работа Э. Стружецкой «Влияние идей советских режиссеров на развитие театрального дела в Польше».

Нелишне упомянуть, что в Секторе

истории газетно-журнального дела составляется библиография польской печати в России после Октябрьской революции.

Заключивая перечень проводимых в Польской академии наук работ, связанных с Октябрьской революцией, следует упомянуть, что Комитет исторических наук ПАН готовит специальный юбилейный том «Значение и влияние Октябрьской революции в Польше 1917—1919 годов». В нее войдут следующие статьи объемом по 4—5 авторских листов.

1. Значение Октябрьской революции в деле формирования национально-государственного строя и общественных отношений в Польше.

2. Польская эмиграция в России и ее социальное-политический облик.

3. Участие поляков в Октябрьской революции.

4. Влияние Октябрьской революции на характер и формы борьбы рабочего класса в Польше.

5. СДКПиЛ, ППС-левица и КПП и их отношение к Октябрьской революции и Советской России.

6. Отношение ППС к Октябрьской революции.

7. Влияние Октябрьской революции на крестьянское движение.

8. Отношение эндеков к революции в России.

9. Отношение консервативно-помещичьих группировок к революции в России.

10. Влияние Октябрьской революции на литературу и искусство.

11. Влияние Октябрьской революции на общественные науки и теории.

12. Отражение Октябрьской революции в польской печати.

Планы издательств в основном совпадают с указанными выше планами исследований. Но некоторые издательства проявляют и собственную инициативу. Так, партийное издательство «Ксёвкка и Ведза» («Книга и знание»), кроме указанных выше, намечает выпуск труда Винченца Ивановского о польско-советской войне 1919—1920 годов; Государственное научное издательство — труд Яна Собчака «100 дней Октябрьской революции».

Я выражаю уверенность, что изложенный здесь перечень пополнится в 1965 и 1966 гг. новыми исследованиями, в особенности на университетских кафедрах. По всей вероятности, вскоре определятся и планы, связанные с 50-летием Октябрьской революции, многочисленных в Польше исторических журналов. Таким образом, в полном объеме вырисовывается, вероятно, только через год картина ведущихся в Польше исследований, тематически связанных с историей Великой Октябрьской социалистической революции.

Генрик Яблонский

ТАДЕУШ ЛЕР-СПЛАВИНСКИЙ

Пришло сообщение о смерти Тадеуша Лера-Сплавинского. Умер выдающийся польский ученый, труды которого составили целую эпоху в истории польского славяноведения во всех его основных отделах: в сравнительной грамматике славянских языков, в исторической грамматике отдельных славянских языков, специально в истории польского языка, в кирилло-мефодиевском вопросе, в проблемах этногенеза и ранней истории славян. Лер-Сплавинский обладал широкой интересом и многогранностью, присутствующими наиболее крупным славистам XIX века. Однако его отличает от этих славистов старой школы филологического направления строгость лингвистического анализа и глубина познаний в области славянской археологии.

Т. Лер-Сплавинский родился 20 сентября 1891 года. Учился в Краковском и Венском университетах, где слушал лекции Розвадовского, Лося, Нитча, Вондрака и Решетара. Первая его научная публикация относится к 1911 году. В 1917 г. вышла из печати замечательная монография «Ze studiów nad akcentem słowiańskim». Этим трудом открывается длинный ряд исследований, посвященных проблемам славянской акцентологии. В этой трудной области славянского языкознания им было сделано много важных открытий и ценных наблюдений, которые ставят его имя рядом с наиболее крупными акцентологами XX века.

Первые профессорские годы Лера-Сплавинского были связаны с новым Познанским университетом. Здесь у молодого ученого родился интерес к изучению полабского языка, к проблемам славяно-германских языковых контактов. Им было опубликовано много исследований по этим вопросам. В 1929 г. вышел из печати капитальный труд Лера-Сплавинского «Gramatyka połabska», который дал возможность широко использовать данные полабского языка в сравнительно-исторических исследованиях. Интерес к полабскому языку ученый пронес через всю жизнь. Последние годы жизни он совместно со своим учеником К. Полянским работал над этимологическим словарем полабского языка. В 1962 г. вышел из печати первый выпуск словаря.

Специальные исследования в области полабистики, интерес к языку поморских славян выдвинули перед ученым ряд новых и важных вопросов, относящихся уже ко всей лехитской группе западнославянских языков. Он публикует несколько ценных работ, в которых рассматривает историю стабилизации ударения, историю носовых гласных и др. Естественно, что, специально исследуя языки лехитской группы, Лер-Сплавинский много сил и времени отдал изучению родного языка. Среди многочисленных работ по полонистике наибольшей известностью пользуется монография «Język polski. Pochodzenie. Powstanie. Rozwój», известная у нас в русском переводе (1954).

Привлекали внимание Лера-Сплавинского и западнославянские языки нелехитской группы. Ряд исследований он посвятил чешскому языку, а в 1957 г. вышел его очерк исторической грамматики чешского языка (совместно с Э. Штибером).

Исследования в области старославянского языка и письменности в научном наследии Лера-Сплавинского занимают сравнительно скромное место. Здесь следует указать на серию его работ, посвященных моравской миссии Константина и Мефодия, житию Константина. В 1922 г. вышел известный в Польше учебник старославянского языка, выдержавший много изданий. Имеются в списке научных работ ученого труды, посвященные отдельным южнославянским языкам.

Из восточнославянских языков внимание Лера-Сплавинского привлекал особенно украинский язык. Ученый был большим знатоком памятников украинской письменности и украинских диалектов. В Польше пользуются известностью его исторический очерк украинского языка, написанный совместно с С. Грабцем и П. Зволинским, грамматика русского языка (в сотрудничестве с В. Галецким и В. Якубовским).

Многочисленные работы по сравнительной грамматике славянских языков, по акцентологии, специальный интерес к балто-славянской проблематике, к этногенезу славян определили особый интерес Лера-Сплавинского к истории праславян-

ского языка. В этой области им сделано было очень много в различных направлениях. Четко разграничив явления субституции и фонетической эволюции, он дал верное толкование многим запутанным и сложным фактам праславянской фонетики. Много ценных наблюдений им сделано в области праславянской диалектологии, он установил соотносительную хронологию ряда праславянских фонетических процессов. Я не разделял его взглядов на балто-славянскую проблему, но должен сказать, что среди всех сторонников теории балто-славянского праязыка Лер-Сплавинский был наиболее трезвым и осторожным ученым.

Лер-Сплавинский был убежденным сторонником висло-одерской теории происхождения славян. Для подтверждения этой теории он мобилизовал огромный лингвистический и археологический материал. Вне зависимости от будущего решения всей проблемы происхождения славян в целом, этот материал уже дал возможность решить ряд частных вопросов славянского этногенеза.

Лер-Сплавинский был профессором Познанского, Львовского и Краковского университетов. Он воспитал много филологов и во многом способствовал подъему

науки в Польше. По его учебникам училось несколько поколений лингвистов. Он был крупным организатором науки, редактором многих изданий и журналов, руководил кафедрами, научными коллективами, был деканом, ректором университета. Он немало сделал для развития Академии наук, членом которой он был избран еще в возрасте 37 лет.

Активное участие Лер-Сплавинский принимал в организации и проведении всех международных съездов славистов. Он состоял членом Международного комитета славистов, был председателем Польского комитета славистов.

Т. Лер-Сплавинский был тесно связан с деятелями советской славистики. Он часто посещал Советский Союз, неоднократно выступал в научных учреждениях Академии наук СССР с докладами, в Московском и Ленинградском университетах читал лекции, сотрудничал во многих советских изданиях, часто рецензировал труды советских лингвистов и археологов.

Ушел из жизни крупный представитель польской науки, деятельность которого представляет блестящую страницу в истории славяноведения.

С. Б. Бернштейн

ПЛАН ИЗДАНИЙ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР
НА 1965 ГОД
(Издательство «Наука»)

Австро-Венгрия и славяно-германские отношения. 25 л.

Сборник «Австро-Венгрия и славяно-германские отношения» является продолжением тематических трудов, выпускаемых Институтом славяноведения по славяно-германской проблематике. Сборник посвящен главным образом проблемам новой и новейшей истории Австро-Венгрии и в первую очередь национальному вопросу в монархии Габсбургов. В сборнике дается критический анализ существующей западной литературы, пытающейся изобразить Австро-Венгрию в качестве модели современной интеграции Европы. Ряд статей сборника посвящен связям России и других славянских стран с народами Австро-Венгрии. В сборнике публикуются также материалы, показывающие империалистическую сущность теории так называемой «Средней Европы», а также разоблачающие реваншистские теории современных западно-германских реваншистов и их апологетов. Авторы книги — советские и зарубежные ученые.

Восстание 1863—1864 гг. в Литве и Белоруссии (Серия «Восстание 1863 г. Материалы и документы»). 45 л.

Данный том является очередным томом серии «Восстание 1863 года», подготовленной Академией наук СССР и Польской академией наук. Публикация построена на базе неизвестных ранее документов из архивов Москвы, Ленинграда, Минска, Гродно, Могилева, Вильнюса и Варшавы по революционному движению в Белоруссии и Литве в 1863—1864 гг. Том вводит в научный оборот много новых и интересных сведений. В том включены документы и материалы о ходе повстанческой борьбы на территории Литвы и Белоруссии, освещающие участие крестьянских масс в восстании. Большое место в публикации отведено документам об идеологии левых кругов в повстанческой организации (о К. Калиновском, З. Сераковском, А. Мацквичюсе, Л. Звездовском).

Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. 3. 50 л.

Третий том серии «Документы и материалы» охватывает период польско-советской войны, от начала нападения буржуазно-помещичьей Польши на Украину в апреле 1920 г. до заключения Рижского мирного договора в марте 1921 г. В том включено большое количество новых документов из советских и польских архивов и библиотек. Публикуемые документы и материалы характеризуют последовательную миролюбивую политику Советского правительства. В то же время материалы публикации убедительно показывают, что правительство буржуазно-помещичьей Польши стремилось втянуть народные массы страны в авантюру завоевания украинских, белорусских и литовских земель. Документы показывают, что политика Советского правительства отвечала интересам польского народа. Об этом свидетельствует деятельность Польского ревкома, позиция Коммунистической партии Польши, левой части ППС и демократического крыла крестьянского движения.

В. И в а н о в. *Общешиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы* (сравнительно-типологический очерк). 20 л.

Монография посвящена изложению основных вопросов сравнительно-исторической грамматики славянских и других индоевропейских языков в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии: клинописного хеттского, лувийского и др., с привлечением методов структурного описания языка. В работе проводится сравнение основных особенностей славянских и хетто-лувийских языков с целью выявления путей их развития от древнейшей общешиндоевропейской языковой системы. Специально изучается значение с точки зрения лингвистической географии тех общих явлений, которые объединяют славянские языки с хетто-лувийскими.

В. В. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в. *Славянские языковые моделирующие семиотические системы*. 15 л.

В монографии исследуются методы реконструкции праславянского текста,

подробно изучаемые на материале славянских и праславянских собственных имен, сложных слов (для ряда которых предлагаются новые этимологии) и более обширных текстов. Даются экскурсы по общим вопросам моделирования, семантики и отдельным проблемам, связанным с практикой реконструкции текстов и с описанием системы праславянского языка (для этой последней задачи применяются методы структурной лингвистики).

История и культура славянских народов. 18 л.

Книга содержит статьи и материалы по неизученным и малоисследованным вопросам истории и культуры западных и южных славян и многовековых связей славянских народов: по истории русско-польских и русско-чешских музыкальных связей, совместной борьбе польского и русского народов против агрессии немецких феодалов.

История славянских литературных языков. Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 43. 8 л.

В данном выпуске освещаются некоторые вопросы истории литературных языков зарубежных славянских народов (македонского, болгарского, чешского, словацкого, лужицких) и отдельные явления современных литературных славянских языков. В выпуске содержится также хроника о ходе разработки некоторых лингвистических тем в Институте славяноведения АН СССР.

А. Х. Клеванский. *Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус в России.* 20 л.

В монографии на основе, главным образом, ранее неизвестных материалов центральных и местных архивов СССР и Чехословакии исследуется процесс политической дифференциации, происходившей среди чехословацких военнопленных и эмигрантов, оказавшихся в России в годы первой мировой войны, показывается участие чехов и словаков в борьбе за установление Советской власти. Основное внимание уделяется освещению истории чехословацких коммунистических организаций, борьбе чехословацких интернационалистов совместно с трудящимися России против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции в 1917—1921 гг.

Критический реализм в литературах западных и южных славян. 23 л.

Рассматривается становление и развитие критического реализма в чешской, польской, сербской и других славянских литературах. Историко-литературные вопросы разрешаются на материалах творчества таких крупнейших писателей, как А. Ирасек, Г. Сенкевич, К. Чапек. Публикуются обзоры и рецензии по

проблемам критического реализма в социалистических странах.

А. Я. Мапусевич. *Польские интернационалисты в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России.* 20 л.

Работа показывает деятельность большевистской партии и польской социал-демократии по вовлечению польских трудящихся-беженцев и поляков — солдат царской армии в борьбу за победу социалистической революции в России. В книге рассматривается борьба различных польских политических группировок за влияние на польские массы и раскрывается многогранная работа польских коммунистов, позволившая им привлечь значительную часть польских трудящихся, временно находившихся в России, на сторону русских рабочих и крестьян. В работе широко использованы советские и польские архивные и печатные источники.

Освободительное движение западных и южных славян в XIX и XX вв. Ученые записки Института славяноведения, т. XXIX. 25 л.

Посвящены малоизученным проблемам истории польского национально-освободительного движения середины XIX в., истории и деятельности «Польской студенческой организации в Московском университете накануне восстания 1863 г.», возникновению и развитию повстанческой организации в Литве и Белоруссии накануне восстания 1863 г., «Польской эмиграции в Румынии и восстанию 1863г.», финансовой политике повстанческого правительства. Кроме того, в том включены материалы о национально-освободительном движении Болгарии в середине XIX в., о раннем средневековье у южных славян. Большое место отведено критическому обзору вышедшей в 1963—1964 гг. за рубежом литературы по славяноведению.

Славянское источниковедение. 20 л.

Сборник посвящен малоизученным проблемам источниковедения и историографии истории западных и южных славян, истории общественно-политических и культурных связей народов СССР с зарубежными славянскими народами. В сборник включены статьи: «К характеристике революционного мировоззрения К. С. Калининского» («Сведения» В. Ф. Ратча как исторический источник), «Паисий Хиландарский и современная ему южнославянская историография», «Историческая концепция Исааха Лелевеля в оценке польской шляхетско-буржуазной историографии» и др. В нем помещены рецензии на новую публикацию по экономической истории Польши, на академическое издание «Закошника Стефана Душана», заметки о русско-польском словаре 1670 г., о сербах и болгарях в Усть-

Дунайском казачьем войске, о словацком просветителе А. Бернолаке и др. Публикуются также неизвестные ранее архивные материалы, в частности, документы о И. Добровском, о русско-сербских революционных связях XIX в., письма Вука Караджича, Р. Жинзифова и документы по истории южнославянских стран в конце XIX — начале XX в.

Т. В. Цивьян. *Имя существительное в балканских языках* (к структурно-типологической характеристике балканского союза). 16 л.

В монографии исследуются вопросы грамматической характеристики имени существительного в болгарском, македонском, сербско-хорватском, румынском, новогреческом и албанском языках. Исползованные в работе методы структурного исследования позволяют установить основные особенности имен существительных в славянских языках этого ареала, объединяющие их с соседними

языками и приводящие к образованию балканского языкового союза.

Я. Б. Шмераль. *Образование буржуазной Чехословацкой республики*. 20 л.

В работе рассматриваются внешние и внутренние предпосылки образования Чехословакии, влияние Октябрьской революции на развитие революционного движения трудящихся чешских земель и Словакии в рамках Австро-Венгрии. Основное внимание уделяется конкретному анализу процессов, непосредственно связанных с образованием Чехословацкого государства. В работе дается анализ характера возникшего государства, рассматривается деятельность правительства, отдельных политических партий. Специальные разделы посвящены вхождению в состав Чехословацкой республики Словакии районов с немецким населением. Подробно рассматривается развитие революционного движения, формирование революционной оппозиции в рядах социал-демократии.

Заказы принимаются «Академкнигой» и «Международной книгой».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, контора «Академкнига», магазин «Книга — почтой»; Москва, ул. Горького, 8 (маг. № 1); Москва, ул. Вавилова, 55/5 (маг. № 2); Ленинград, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. К. Маркса, 29; Баку, ул. Джанаридзе, 13; Новосибирск, Красный проспект, 51.

*Зарубежные индивидуальные заказчики оформляют заказы через контрагентов В/О «Международная книга»
Москва, Г-200, «Международная книга»*

CONTENTS

- The Great victory of the peoples. *N. A. Shlyonova*. Twenty years of the development of the socialist industry in Czechoslovakia. *A. Ja. Manusevich*. From the history of the struggle for the unity and friendship between the USSR and People's Poland (20 anniversary of the Soviet-Polish Treaty of friendship, mutual assistance and post-war cooperation). *F.-Ch. Gentzen* (GDR). The subject, development and contents of the imperialist German Ostforschung. *D. F. Markov*. On certain features of realism in the literatures of Slavic peoples (the end of the XIX — the 20-ies of the XX century). *V. P. Gudkov*. On the differences between the two variants of the Serbo-Croat literary language . . . 3

Reports and Communications

- V. Gurkin, V. Zubakov*. Czechoslovakia's liberation from the Hitlerist occupation. *L. S. Kishkin*. «Prague to the victorious Red Army — the liberator». *A. F. Noskova*. General plan «Ost». *E. P. Lvova*. Towards the history of the Russo-Bulgarian artistic contacts at the end of the XIX — the beginning of the XX centuries. . 60

Bibliography

- Review-articles and book reviews. *L. V.* New works by Bulgarian historians on the anti-fascist struggle of the Bulgarian people during World War II. *V. S. Parsadanova*. Literature about the combattant friendship of the Soviet and Polish peoples. *S. Grachev*. The Glorious way of struggle. *V. K. Volkov*. *S. S. Biriuzov's* works about the liberating mission of the Soviet Army at the Balkans. *I. I. Kostushko*. Political educational work in the 1 Polish Army. *D. A. Sevyan*. Radoljub Colaković. Kazivanje o jednom pokoljenju. *M. I. Boquslavsky*. Stanisław Piotr Stęborowski. Geneza Centrolewu (1928—1929). *V. Leikina-Svirskaya*. *V. A. Dyakov, I. S. Miller*. The Revolutionary movement in the Russian army and the uprising of 1863. *S. V. Nikolski*. A Book about Jiří Wolker. *I. F. Belza*. A Monograph on Otakar Jeremiasz. *R. M. Tseitlin*. The Dictionary of Old Slavonic by the Czechoslovak Academy of Sciences. *M. I. Lekomtseva*. Evgen Pauliny. Fonologický vývin slovenčiny. А н н о т а ц и о н с. *R. P. Grishina*. Отзвукът на Лайпцигския процес в българския печат. *M. M. Freidenberg*. The history of the struggle for national school in Dalmatia. *V. Savitsky, Jiří Franěk, Bohumil Mathesius, L. N. Smirnov*. Materials of the conference on the development of the contemporary Slovak literary language. 88

Scientific Life

- N. B. Shelamanova, A. I. Rozov*. The General session of the Archeografic Commission of the Section of History of the Academy of Sciences of the USSR. *A. I. Doronchenkov*. The Scientific work of the Slavic historians of the Velikie Luki Pedagogical Institute. At the Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences of the USSR. *E. V. Cheshko*. The Conference on linguistic and ethnologic geography and areal dialectology. *A. O. Prof. H. Jabłoński's* lectures. *L. A. Obushenkova*. The working group on the historic contacts of the peoples of the USSR with the foreign Slavic peoples. *D. M. Sezal*. The Section of structural typology of Slavic languages. Dissertations defended at the Scientific Council of the Institute of Slavic Studies in 1964. Scientific Life A b r o a d. *Henryk Jabłoński* (Poland). The Study of the Great October Socialist Revolution in Poland. 120

- S. B. Bernshtein*. Tadeusz Lehr-Splawiński 139

- The publications plan of the Institute of Slavic studies for 1965 («Nauka» Publishing house) 141

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., 30а, тел. Б 1-27-40

Технический редактор *T. A. Михайлова*

Т-00668	Подписано к печати 15/IV 1965 г.	Тираж 1000 экз.	Зак. 2110
Формат бумаги 70×108 ^{1/16}	Печ. л. 12,6	Бум. л. 4,5	Уч.-изд. листов 14,6

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Индекс
70891